

Палаточная миссия

Исторический очерк начала 20-го века

Читателю

Эта небольшая книга расскажет о том, с чем большинство из нас совершенно незнакомы. Бурная история нашей родины содержит немало страниц, знакомства с которыми мы многие годы были лишены. Работа "Палаточной миссии" - одна из них.

Это история о том, как в кипящем котле России периода 1-ой мировой войны, революций и гражданской войны небольшая горстка верных Слову Божию христиан несла спасение, утешение и помощь тысячам гибнущих и обездоленных людей, жертвуя собой. Большинство из них не дожили до нынешних дней, многие сложили свои головы - кто под шашками махновцев, кто под пулями белогвардейцев, кто - в советских тюрьмах, но там, где мы все предстанем, чтобы услышать приговор себе из уст Всевышнего, Судии Праведного и Неподкупного, они услышат: "Хорошо, добрый и верный раб! Войди в радость Господина своего!" ... А теперь, раскрой эту книгу, читатель!

Предисловие

Эта книга посвящается тем, кто занят благословенным трудом проповеди Евангелия. В какой-то мере нам известны те трудности и разочарования, с которыми встречается каждый проповедник Евангелия, независимо от среды его деятельности и степени одаренности. Наше сердечное желание этой книгой поддержать руки и сердца тех, кому угрожает опасность прийти в отчаяние от этих трудностей.

Мы имеем властное повеление совершать дело благовестия (2 Тим. 4:5) и не должны оставлять это служение ни при каких обстоятельствах.

Мы не можем позволить себе потерю ни одного вестника. К сожалению, в некоторых поместных церквях наблюдается прохладное отношение к делу евангелизации. Там чувствуется досадный дефицит сочувствия к проповеднику Евангелия. О евангельской проповеди в таких общинах говорится без малейших проявлений чувствований Христовых.

Наш благословенный Господь Иисус Христос неутомимо проповедовал Евангелие, и все, кто наполнен Его мыслями и исполнен Его Духа, будут искать возможность, хотя бы в малой мере делать то же, что и Он. Этот путь открыт для любого члена Церкви Божьей, всех братьев и сестер. Все могут таким образом помогать славному делу евангелизации.

Вполне возможно, что кто-то из читающих эти строки занят делом проповеди Евангелия, но испытывает некоторое разочарование.

Может быть, он уже устал проповедовать одной и той же аудитории на одну и ту же тему в течение многих недель, месяцев и лет.

Опыт наших братьев и сестер, их обгащенный кровью мучеников путь, их посвященность Господу, их самоотречение во имя Господа принесет ободрение тем, кто устал и хочет остановиться на пути, считая полученный от Господа труд нелегким, кто уже здесь ищет заслуг, кто в служении не видит больше, чем занятость.

Между теми, о ком пишется в этой книге, и нами всего несколько лет, но посмотрите на разницу в подходе к служению благовестия.

Они действительно шли, как "овцы среди волков", но они не страшились. Они всецело посвятили себя Господу. Они, подобно Апостолу Павлу, "становились жертвою". А мы...?

На Кого они взирали? Кто был их Путеводителем и Хранителем?

Господь Иисус Христос просвещал путь героев веры.

"Взирая на начальника и совершителя веры, Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия.

Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнесть и не ослабеть душами вашими".

(Послание к Евреям 12:2-3)

Буря, злобствуя, дико воеет, как иголками бьет в лицо.
На тропе занесенной двое: взрослый сын с пожилым отцом.
Почему к хантам, манси, ненцам снегохода направлен руль?
Может быть, им некуда деться? Или нужен им длинный рубль?
Тундра дикая, край угрюмый: чем привлечь он путников смог?
Дом уютный сменить на чумы повелел им великий Бог.
Он желанье в сердца влагает отправляться на край земли,
Чтоб звучала там Весть Благая, чтобы люди узнать могли
О Спасителе Иисусе, подарившем спасенье всем.
Устремитесь в одном союзе, люди мира, душой в Вифлеем!
Там звезда засияла ярко, там спасенья заря зажглась.
Самым лучшим миру подарком стал родившийся мира Князь.
И к алтайцам, по горным кручам, и к народам полярных мест:
К коми, ненцам, эвенкам, чукчам долетела Благая Весть.
Но немало еще просторов, много гибнущих без Христа.
Благовестник, Пришествие скоро - направляйся в глухие места!

Евгений Пушкин

Евангелие - это спасающая весть, идущая из любящего сердца великого Бога, и достигающая бедного погибающего грешника потоками жизни и благословения. В нем дар искупительной смерти и славного воскресения Сына Божия. В нем сила Святого Духа в неисчерпаемые кладези премудрости Божией.

Пусть эта книга принесет благословение каждому читателю.

Пастор Н. Пономарев

ЧАСТЬ I

Глава I

Я. Я. Дик из Гальштадта - Аман и Мардохей - Открытая дверь - Ликвидация кружка и начало "Палаточной миссии"

Благословенная работа "Палаточной миссии" в России была начата Яковом Яковлевичем Диком из Гальштадта Таврической губернии (ныне город Молочанск Запорожской области). Во время страшного вихря революции, гражданской войны и сильного голода Господь употребил этого человека для спасения многих тысяч душ от вечной гибели.

Обратившись к Христу в молодые годы, Яков Яковлевич Дик начал свидетельствовать о Христе среди своих товарищей-студентов в Германии, где он получил техническое образование.

Перед самым началом мировой войны он возвратился на родину, где предполагал использовать приобретенные им за границей знания для блага народа и для развития промышленности и сельского хозяйства страны. Но Тот, Которому принадлежала теперь жизнь Я. Дика, решил иначе и повел Своего преданного служителя иными путями.

Война, оторвавшая миллионы людей от мирного труда, увлекла и Я. Дика в ряды русской армии. Будучи глубоко верующим человеком, признающим за грех всякое человекоубийство, он был освобожден от службы с оружием в руках и назначен в канцелярию Всероссийского Земского Союза Красного Креста. Находясь в Москве, в центре Союза, и сталкиваясь ежедневно с новыми лицами, он почувствовал, что его миссия в этом учреждении не может ограничиться добросовестным

исполнением служебных обязанностей. Он понял, что Бог послал его в народную гущу, к людям, влачившим греховное существование, с высокой целью - свидетельствовать о Спасителе.

Проникшись этой мыслью и желанием служить ближним для спасения их бессмертных душ, Дик начал евангельскую работу среди своих сослуживцев и подчиненных по службе. Устное свидетельство подтверждалось им на примере личной жизни. Здесь, как и везде, оказалось, что для истины место на кресте, а не в среде человеческого общества. С самого первого дня работы ему пришлось испытать сильное противодействие и нападки со стороны противников Евангельской истины. В среде санитаров, находившихся под его наблюдением, было много искренне верующих молодых людей, которые быстро начали группироваться вокруг него. Оторванные от своих домов, от той духовной Среды, где они получили возрождение, будучи заброшены в совершенно другую среду, они нуждались в духовной поддержке, в советах более опытных и твердых в вере людей. Все они нашли теперь в Якове Дике своего друга, духовного наставника и руководителя.

В начале, работа Дика среди санитаров вызвала охлаждение к нему высшего начальства по службе. Затем отношение это перешло в открытую и самую ожесточенную вражду. Особое ожесточение и нападки исходили от его ближайшего начальника, который прежде был сам близок к Христу, но, уклонившись от истины, теперь всеми силами стремился препятствовать ее распространению. Посыпались доносы, клевета, началось стремление удалить Я. Дика с занимаемого им поста. Даже грозили отдать его под суд за агитацию среди воинских частей. Эта вражда и нападки сделались известными руководимой Диком группе верующих молодых людей. Боясь лишиться своего наставника и руководителя, они начали обращаться к Богу в молитвах, прося Его защитить Своего слугу. Следившие за всеми фазами этой борьбы верующие прозвали Дика Мардохеем, борющимся со злым Аманом.

Молитвы были услышаны. И, как в древности, несправедливый Аман должен был пасть, а преследуемый им Мардохей подняться на высоту, так случилось и здесь. Искавшие удаления Дика были удалены сами, а он продолжал свою работу, с еще большей ревностью, видя в этом помощь Самого Господа.

Через это служение многие были поддержаны на христианском пути и утверждены в истине. Многие вновь познали Господа как своего личного Спасителя и впоследствии, увлеченные примером своего друга и наставника, сделались служителями Господа, неся Его Евангелие в среду русского народа.

Работа Я. Дика среди санитаров велась нелегальным образом и продолжалась до начала 1917 года. Февральская революция, сметая все устои старого государственного режима, принесла с собой полную религиозную свободу. Будучи человеком кипучей энергии Я. Дик, воспользовался этим моментом и в скором времени организовал из верующих солдат "Солдатский Христианский Кружок". Этот кружок через короткое время распространил свою деятельность на все крупные города России, повсюду, где находились военные части.

Для более успешного распространения Евангельской истины Дик начал издавать журнал "Будильник совести". Он устроил столовую для бедных, организовал уличную миссию из членов Солдатского Кружка и примкнувшей к нему московской христианской молодежи. На всю эту работу Своего слуги Господь давал обильное благословение.

Солдатский кружок не мог быть долговечной организацией; он мог существовать только до тех пор, пока продолжалась война и существовала армия. После заключения мира с Германией в Брест-Литовске началась демобилизация, а вместе с этим распался и кружок. Военные люди возвратились домой к своим занятиям.

На одном из последних заседаний правления Кружка в Москве был поставлен вопрос: Как сохранить эту организацию и продолжить работу для Христа и в мирных условиях?

Одним из ревностных работников кружка было высказано пожелание: "Если бы Господь дал нам палатку, мы могли бы продолжать нашу работу, разъезжая по стране и неся Евангелие туда, где оно еще не проповедано".

Эта мысль запала в сердце Я. Дика. Еще находясь в Германии, он сильно интересовался работой "Палаточной миссии", думал и молился, чтобы Господь открыл и в России двери для подобной работы.

Теперь настал подходящий момент. Сотрудников, готовых посвятить себя всецело этой работе, было достаточно. Многие из членов солдатского христианского кружка готовы были вступить в новую армию, армию Христа. Но для работы нужна была палатка...

Глава II

Молитва услышана - Противление мира и помощь Господа - Дважды спасенный от смерти

В тесном кружке братьев нужда о палатке была принесена Господу в молитве. И через несколько дней деньги в сумме 5000 рублей, необходимые на приобретение первой палатки, были получены. Эта первая услышанная молитва была как бы печатью Господа на начало работы появившейся миссии. Для Дика это было ясным указанием на то, что Господь, начавший эту работу, будет продолжать ее и дальше.

В 1918 году с верою в помощь свыше группа братьев захватила с собой палатку, вмещавшую до 500 человек, и выехала из Москвы в тамбовскую губернию. Около города Козлова палатка работала до сильных морозов. Это был один из многочисленных темных уголков России, куда еще никогда не проникал свет Евангелия.

Работа в этой глухой местности была сопряжена со многими трудностями. Люди, никогда не слышавшие Евангельской вести, слушали ее с большим интересом и вниманием, но в то же время и с недоумением: "Кто они? Зачем приехали в нашу местность? Ведь мы ничего такого здесь и не видавали..." Подобные вопросы задавали крестьяне сами себе и при рассуждениях друг с другом.

"Говорят-то хорошо, о Боге, но не кроется ли в этом что-нибудь недоброе?" Вскоре на сцене появилось православное духовенство. Началась вражда; крестьянам стали внушать, что приехали с палаткой антихристы и что наступает конец света. Посещение собраний и палатки было запрещено духовенством.

Однако, несмотря на противодействие, стала проявляться сила Божия. Одно за другим начались обращения душ к Христу. Первым обратившимся в этой местности был 16-летний юноша. Посетив несколько раз собрание в палатке, он увидел свою греховность и понял, что Христос умер за него.

"Иисус Христос, прости мне все мои грехи, - молился он через несколько дней, склонив свои колена вместе с работавшими в палатке братьями. - Возьми мое сердце и помоги мне быть Твоим учеником".

Узнав об обращении сына, родители строго запретили ему дальнейшее посещение собраний и встречу с миссионерами. Но запреты не помогли.

Посещения юноши, жаждущего еще больше познать Господа, делались все более частыми. Он стремился использовать каждую удобную минуту, чтобы больше слышать и больше научиться.

Видя непослушание сына, родители прибегли к самым суровым наказаниям. Однажды, пригласив двух соседей и растянув сына на земле, отец избил его до потери сознания. Но, придя в себя, весь покрытый кровавыми подтеками, юный мученик за Христа снова пришел в палатку, где и прожил несколько дней, пользуясь уходом миссионеров.

В другом месте одна пожилая женщина, прожившая прежде несколько лет в монастыре, дала обет, во что бы то ни стало, сжечь палатку вместе с работающими в ней людьми. Запасшись керосином, они пришла во время собрания к палатке, чтобы облить ее со всех сторон и поджечь, когда слушатели разойдутся и останутся одни миссионеры.

Но прежде, чем выполнить задуманное дело, она вошла внутрь, чтобы послушать, что там говорят. Слово Божие и пение духовных гимнов, которых она никогда еще не слышала, сильно подействовали на ее сердце. Пробуждающаяся совесть начала обличать ее в том поступке, который она решила совершить. Началась сильная внутренняя борьба. И когда кончилось собрание, Дух Божий и Его Слово одержали полную победу над этой душой. Теперь грешница стояла у ног Того, Кто умер за нее на кресте. Рыдая, она созналась в своем ужасном намерении и в молитве принесла покаяние Господу.

Через несколько минут фляжка с керосином была передана ею одному из проповедующих. С глубокой скорбью рассказала она о том, как перед священником и перед иконами дала обещание сжечь палатку... "Но Господь простил мне и этот грех", - добавила она в заключение, сияя от радости и внутреннего мира.

"Долгое время искала я моего Господа, - начала она свой рассказ. - В молодости я ушла в монастырь, но и там не нашла Его. Ходила по святым местам, давала обеты, но все же осталась несчастной грешницей. Наконец, чтобы загладить мои грехи, дала этот последний обет. Этим я думала уничтожить врагов Бога - антихристов.

Батюшка сам благословил меня на это. И вот теперь я встретила здесь Того, Которого искала моя душа. Не зная Его, я вооружилась против Него, но теперь я чувствую, что прощена Им, прощена навсегда".

Во время духовной работы над душами братьям стала ясна и другая нужда населения, нужда в медицинской помощи. Имея некоторые медицинские познания, миссионеры, работавшие в палатке, по мере возможности старались удовлетворить и эту нужду. Помощь оказывалась гомеопатическими и некоторыми натуральными средствами. Господь положил Свое благословение и на этот труд. Десятки больных ежедневно посещали палатку, причем всегда открывалась возможность для духовных бесед о Христе.

Наступившие холода заставили прекратить эту благословенную и полезную работу. На зиму палата была сложена и сдана на хранение одному верующему.

За исключением четырех братьев все работники разъехались по своим домам. Некоторые из них, находясь на военной службе, давно не видели своих близких. После демобилизации они поехали с палатой для работы на ниве Господней. Теперь, воспользовавшись зимним перерывом, они хотели провести некоторое время в кругу близких, чтобы с наступлением весны снова поехать на труд.

Братья Ю. и М. остались на севере, чтобы в зимнее время посещать те места, где летом работала палатка. Они укрепляли верующих в Евангельской истине и, по возможности, несли благую весть и в другие места.

Двое из работников, возвратившись на юг, также не прекращали работать, неустанно свидетельствуя о Господе среди менонитских колоний. Господь посылал им обильное благословение: сотни душ находили мир с Богом через их труд в продолжение нескольких зимних месяцев.

Но сатана, древний враг Господа и Его детей, неутомимо преследующий в продолжение многих веков все святое, не спал и теперь.

Он возбудил злобу среди некоторых менонитов, которые организовали в это время самоохрану от набегов махновских шаек, грабивших жителей.

Менониты в продолжение нескольких веков не брали в руки оружия по своим религиозным убеждениям. Они также не участвовали с оружием в руках и в только что окончившейся войне. Но в данном случае они взялись за оружие, и десятки молодых людей становились в ряды самоохраны. Организаторы усиленно вели агитацию за оружие. В это время братья, проезжая по колониям, несли Евангельскую весть мира, что очень не нравилось сторонникам самоохраны.

Наконец у вожаков созрело решение обезвредить мешающих. Во время собрания в колонии Тигервейде Яков Дик только сошел с кафедры после проповеди, как был арестован неким господином Пледом из этой же колонии. Намерение противников сводилось к тому, чтобы на следующий день отправить Я. Дика в Гальбштадт, где в это время находился штаб самоохраны, и где его ожидал неминуемый расстрел.

Но Господь хранил своего раба и в данном случае. Об аресте через короткое время узнали в соседней колонии Рикенау, где Я. Дик перед этим имел несколько собраний, во время которых несколько десятков молодых людей обратилось к Христу. Вся колония пришла в движение, молодые люди ночью направились в Тигервейде к г-ну Пледу с требованием о немедленном освобождении Дика. Освобожденного увезли в Рикенау. Таким образом, он и на этот раз избежал опасности.

Еще и теперь мне часто вспоминается горячая молитва Якова Дика, произнесенная им за обращение г-на Пледа. Через несколько дней после своего ареста Дик приехал к нам в колонию Клейфельд, где мы, несколько человек, находились на Библейских курсах, руководимых братом Реймером. Брат Дик рассказал нам о своем аресте и освобождении.

Это было мое первое личное знакомство с братом Диком. Работая в Г. среди молодежи и солдат, я много слышал о работе Дика в Москве и интересовался ею. Приехав на юг в начале 1918 года и посетив Гальбштадт, я нередко получал советы от верующих присоединиться к работе "Палаточной миссии".

Памятная мне молитва об обращении г-на Пледа была услышана.

Через некоторое время суд Божий постиг г-на Пледа: у него начался рак языка. Испытывая страшные мучения и чувствуя приближение смерти, он призвал из соседней общины проповедника. Во время беседы с ним он сказал, что эта болезнь - суд Божий, совершающийся над ним за то зло, которое он причинил Я. Дику. После глубокого раскаяния этот человек, противившийся прежде Господу, нашел еще в последние дни душевный мир и перешел в вечность верующим.

Избегнув на этот раз смерти, Я. Дик с еще большим успехом и благословением продолжал Евангелизационную работу. В это время юг России был занят красными войсками. Произошла перемена власти, и Дик был снова арестован и предан суду военно-революционного трибунала. Его вина заключалась в том, что он якобы собирал людей на митинги, держал перед ними политические речи и т.д. Конечно, это была лишь выдумка противников Евангелие.

Господь и здесь проявил мудрость по отношению к своему рабу.

За несколько дней до суда с севера прибыли братья Ю. и М. Будучи ревностным последователем Христа и хорошим оратором, Михайлов произнес перед трибуналом замечательную защитительную речь.

Судей он превратил в подсудимых. Результатом было то, что Я. Дик снова был освобожден.

Приехавшие с севера братья сообщили также о чудных благословениях, которыми сопровождалась их работа в продолжение всего этого времени.

Так закончился в 1918 году первый период работы "Палаточной миссии".

Глава III

Огонь разгорается - Выступление отрядов Христа - Спасенные в последнюю минуту

Приближалась весна 1919 года. С наступлением теплого времени можно было снова начать работу в палатке. Незадолго перед тем Дик пригласил несколько новых работников на ниве Господней... Было решено вместо одной палатки, работавшей в 1918 году, выслать несколько. Господь сопровождал это дело благословением; в ряды "палаточников" вошло несколько новых братьев и сестер, решивших посвятить свою жизнь служению ближним.

Господь творил вещи, невозможные для людей.

Один из работников был на учете и служил в это время в военном ведомстве. Гражданская война была в полном разгаре, и освободиться для работы на ниве Божией военному не было никакой возможности.

За этого брата много молились, и через две недели, когда нужно было начать подготовку для работы в "Миссии", он был освобожден от военных обязанностей.

Организовав шестинедельные Библейские курсы для подготовки сотрудников, Яков Дик поручил ведение их брату Юшкевичу вместе с некоторыми другими. Сам же он, взяв с собой Э. и Михайлова, направился в Харьков для регистрации "Миссии" и в Москву для приобретения новых палаток, медицинских принадлежностей и литературы. Господь везде давал успех и оказывал Свою помощь.

Было приобретено несколько палаток, порядочное количество гомеопатических аптек, около 15000 Библий и Новых Заветов и много другой духовной литературы. Миссия была зарегистрирована властями.

Получив, таким образом, право для официальной широкой работы и приобретя необходимые принадлежности, Я. Дик оставил в Москве своих помощников и поручил им погрузку и отправку всего приобретенного центр "Миссии", находившийся на ст. Панютино Екатеринославской губернии. Сам он возвратился на юг. Нужно было закончить подготовку сотрудников к предстоящей работе, сделать распределение групп, из которых несколько должны были выехать на ст. Панютино (Донецкой области), развернуть палатки и пойти с ними по селениям. Одну группу нужно было направить в тамбовскую губернию для работы в находившейся там прошлогодней палатке.

Во второй половине мая, сопровождаемые благословениями местных верующих, двенадцать братьев и восемь сестер, к которым впоследствии присоединилось еще тринадцать человек, разбившись на четыре группы, выехали на необъятную ниву Божию, горя желанием призывать души к Христу, помогать, чем только могут всем нуждающимся.

"До свидания, дорогие, если не здесь, то там, в небесах", - говорили слуги Господа своим родителям, близким и друзьям. На глазах многих провожающих блестели слезы, и уста произносили молитвы и благословения. Некоторые сестры и братья до 20 - 25-летнего возраста никогда не разлучались с родителями. Теперь они отрывались от них и шли для спасения ближних.

Это было тревожное время. Уже второй год по всей стране свирепствовала гражданская война. Армия генерала Деникина как раз вела наступление с юга, а Красная Армия отступала на север. Все поезда были загружены ранеными, больными и снаряжением армии.

Попасть в поезд для "палаточников" было очень трудно, но Господь и здесь оказывал свою помощь. Он давал возможность и в этом бушующем и волнуемом человеческом море свидетельствовать о Его любви. На станциях и в переполненных поездах слышалось пение духовных гимнов и проповедь Евангелия.

Наша группа с Я. Диком, его женой и двумя сестрами, выехав последней, попала в самый водоворот. До станции было верст 25. По дороге нас несколько раз останавливали военные отряды, допрашивали, проверяли документы, осматривали вещи.

На станции Пришиб (ж. д. станция Крымского направления в Запорожской области) пришлось просидеть двое суток, в ожидании возможности ехать дальше.

Поезда шли один за другим, но попасть на них не было никакой возможности. Мы задавали себе вопрос о причине задержки, молились об устранении ее и думали, что все дело во внешнем беспорядке. Но вскоре Господь открыл нам, что причина нашей задержки лежала в нас самих.

Занявшись собой и мыслью о дальнейшей поездке, мы не обратили внимания на тысячи беженцев, ютящихся вокруг станции. Они были как овцы, не имеющие пастыря. Лишившиеся жилищ, гонимые страхом, бежали они, сами не зная, куда и зачем. Господь открыл нам, что мы должны засвидетельствовать о Нем перед этой массой людей, прежде чем поедим дальше.

Находясь в стоящем на запасных путях порожнем товарном вагоне, мы заняли место у широкой двери и начали петь духовные гимны. Масса народа прибежала со всех сторон к нашему вагону, и через несколько минут перед нами виднелось море голов. Проповедь Евангелия длилась несколько часов, горячий призыв обратиться к Христу сменялся пением призывных гимнов. Дик и я, сменяя один другого, продолжали обращаться к собравшимся со Словом. С глубоким вниманием, многие со слезами на глазах слушали нас, целыми часами не сходя с места. Женщины стояли с детьми на руках. Господь проявил Свое действие, грешники сокрушались о своих грехах.

Во время моей проповеди пришел какой-то военный коммунист и, с угрозой направив на меня наган, потребовал прекратить собрание и распустить народ. Собравшиеся просили продолжать. Началась беседа. Многие коммунисты задавали вопросы, некоторые поносили нас, угрожали арестом, расстрелом и т.д.

Во время беседы произошел случай, который утвердил в сердцах слушающих слышанное больше, чем самый лучший призыв. Из толпы выступила молодая девица-коммунистка с целью каким-либо образом разбить произведенное проповедью впечатление. Начав задавать вопросы, она спросила: - Поступаете ли вы сами так, как проповедуете этим людям?

Получив утвердительный ответ, девица продолжала: - Ведь в Евангелии написано: "Возлюби ближнего твоего, как самого себя". Вот вы имеете на ваших ногах сапоги, а я босая, нуждаюсь в обуви и не имею ее; дайте же мне вашу обувь и останьтесь босыми сами.

Громадная толпа, слушавшая беседу, насторожилась. Все взоры обращены были на нас. Яков Дик спросил, действительно ли она имеет нужду в обуви. Получив утвердительный ответ, он снял со своих ног сапоги и подал коммунистке. Произошло замешательство. Покраснев от стыда, она с неохотой приняла сапоги из рук Я. Дика и начала пробираться сквозь толпу.

Радость озарила лица всех собравшихся. Слышались возгласы: "Слава Богу, что есть еще люди, поступающие по Христову учению".

Тут вмешался один молодой человек, тоже коммунист, который был сильно тронут всем происшедшим.

- Стыдно так делать, товарищ, - обратился он к удалявшейся с сапогами в руках коммунистке, - ведь ты дома имеешь несколько пар обуви, а теперь взяла последние сапоги у людей, находящихся в пути. Я предлагаю тебе сейчас же возвратить сапоги обратно.

Осыпаемая упреками и пристыженная, девица вынуждена была возвратить сапоги.

Когда большая часть собравшихся уже разошлась, около вагона все еще оставались две плачущие женщины. Приглашенные в вагон, они рассказали нам, что этот день должен был быть последним в их жизни, сегодня они решили покончить с собой. "Я и моя дочь были когда-то верующими людьми, - рассказала старшая из них, - Но, лишившись дома, и бежав вместе с другими от фронта, мы далеко ушли от нашего Господа и глубоко пали".

Глава IV

Под охраной Всевышнего - Новое решение

В Александровске (ныне город Запорожье) собрались все группы. Некоторые из братьев были арестованы и посланы на общественные принудительные работы, но вскоре освобождены. Дальше ехать к намеченной цели не было возможности. Впереди был фронт, все время шли бои. Город был на осадном положении, население мобилизовали и выгоняли за город для рытья окопов. Творилось настоящее столпотворение. Никто не чувствовал себя спокойно в своем доме.

Оказавшись в таком положении, мы увидели, что Господь привел нас сюда в эти тяжелые дни для специальной миссии. Разделившись на группы, мы начали евангелизационную работу в молитвенных домах баптистов, евангельских христиан и на немецком языке - среди меннонитов. Несмотря на беспокойное время, собрания были переполнены, души обращались к Христу, верующие, ослабевшие в дни испытаний, укреплялись в следовании за Господом и вдохновлялись желанием служить ближним.

Через несколько дней мы поняли, что наша миссия в этом городе закончена. Впереди нас ожидали новые задачи: после поста и молитвы мы получили ясные указания, что должны ехать дальше.

Но выехать из города, находящегося на осадном положении, было невозможно. Со станции Синельниково (Днепропетровская область), через которую мы должны были ехать, надвигалась армия Деникина.

О поездке по железной дороге не могло быть и речи. Поэтому мы решили ехать на подводах от одного селения к другому, проповедуя по пути о нашем Искупителе. До соседнего селения было около пятнадцати верст, и найти подводу для наших вещей не было никакой возможности. Мы провели еще один день в молитве, и Господь послал одного из менонитских братьев, который и согласился поехать с нами.

Сверх всякого ожидания и опасений, мы были выпущены из города без особых задержек после легкого допроса. Дорога лежала между двумя фронтами. Справа шли деникинцы, а слева отступали красные; те и другие несли смерть и разрушение. А посреди шли воины Христа, неся жизнь, утешение и радость, благовествуя о спасении во Христе для всех погибающих.

Благополучно доехав до селения Маркусово, расположенного на живописном высоком берегу Днепра, мы снова убедились в дивном водительстве Господа в нашей работе. Он шел с нами, как некогда в пустыне с Израилем, указывая время, когда идти и когда и где остановиться.

Найдя два семейства верующих, которые приняли нас с великой радостью, мы узнали от них причину нашей задержки из-за подводы в Александровске. В каждом из двух семейств верующих было по несколько человек, больных черной оспой, находившихся в тяжелом состоянии. Остановиться в их домах не было никакой возможности, а другие нам не приняли бы к себе. Но день тому назад один из братьев как раз окончил постройку нового сарая, в котором мы и смогли устроиться на несколько дней.

В этот вечер, получив для собраний помещение сельского театра, мы приступили к евангелизационной работе. Несколько дней подряд помещение театра переполнялось слушателями. Некоторые решались отдать свою жизнь Христу, раскаиваясь в своих грехах.

Кроме евангелизации, мы посещали больных и оказывали медицинскую помощь, Господь действовал везде. Одна из наших групп переехала на лодках на противоположный берег Днепра, несмотря на опасность обстрела со стороны охранявших берег солдат. Братья посетили там лечебницу "Бетания", где имели благословенные собрания среди больных и персонала.

По пути от Маркусова до Синельникова на протяжении приблизительно 70 верст мы посетили много других селений. В каждом было устроено несколько собраний. Все новые и новые души прилагались к сонму спасенных Иисусом. Всюду оказывалась посильная помощь больным, давались советы и т.д.

В каждом селении мы разыскивали верующих и, если находили таковых, помогали им днем в их работах. Одни шли полоть огороды и баштаны, сестры помогали в домах, некоторые посещали дома, где находились больные. В одном селении верующий брат как раз был занят постройкой дома из кирпичей, сделанных из клейкой глины с соломой. Стены росли очень медленно. Но под руками молодых миссионеров работа закипела; стены быстро выросли, и когда нужно было идти дальше, над домом уже возводилась крыша.

По вечерам, когда крестьяне оканчивали свои дневные занятия, мы проходили с пением по селению, приглашая всех на собрание, и тогда у нас были благословенные часы общения с собравшимися.

"Ах, если бы почаще посещали нас такие люди! - говорили крестьяне, провожая нас дальше. - Быть может, и мы сделали бы лучше. Нас ведь теперь часто посещают, но все лишь грабят да забирают последние вещи; все обижают, угрожают расстрелами.

Когда-то милостивый Господь сжалится над нами!" Так говорили старушки со слезами на глазах, провожая нас иногда далеко за селение.

Оставив фронт позади, мы прибыли в Синельниково, которое было уже занято армией Деникина. После нескольких дней работы, в которой нам оказывала самое горячее участие и помощь местная община баптистов, мы направились дальше.

До станции Панютино, избранной нами как центр для работы, оставалось еще около ста верст. Желая поскорее добраться до места, чтобы пойти оттуда дальше уже с палатками, мы решили воспользоваться поездом. Путь был очищен от войск, и мы могли без особенных трудностей получить места в вагоне.

После обильных благословений, пережитых во время работы в пути, в Панютино нас ожидало разочарование. Но пути Господни - не наши пути, и Его мысли - не наши мысли. Мы верили, что все служит к нашему благу и к Его славе, и потому приняли все из Его рук.

Ожидаемых нами палаток в Панютино мы не нашли. Братья Э. и Михайлов не успели погрузить и отправить палатки и литературу, так как были отрезаны фронтом. Между Россией и Украиной шли бои, и они с палатками и всем прочим оказались отрезанными от сотрудников, находящихся на юге.

Отдохнув в течение нескольких дней от утомительного путешествия и поработав в Панютинской и Лозовской (ж. д. станция Харьковской области) общинах, мы после некоторого поста обратились к Господу с молитвою, прося, чтобы Он открыл нам Свою волю относительно того, что мы должны делать дальше. Нам стало ясно, что палаток мы не дождемся.

После двухдневного пребывания в молитве и рассуждениях, все сотрудники миссии с радостным сердцем согласились пойти по селениям и без палаток. Все видели в этом ясное указание от Господа.

Яков Дик распределил работников на две группы. Снабдив каждую из них в достаточном количестве литературой и гомеопатическими аптечками, он поручил руководство ими брату Юшкевичу и мне. Сам он остался в центре для работы в ближайших окрестностях.

Эти две группы продолжали свою работу с обильным благословением, переходя из одного селения в другое. Собрания и беседы устраивались в школах, в молитвенных и частных домах. Когда же было невозможно получить помещение, собирались на открытом воздухе, на площадях. Со всего селения обыкновенно стекался народ для слушания Евангельской вести. Желающим и умеющим читать раздавались брошюры. Больным оказывалась помощь.

Кругом была вопиющая нужда. Усталые и измученные невзгодами великой войны, совершенно разоренные последующей гражданской войной, которой не видно было конца, многие души жаждали мира и покоя. Только Христос и Евангелие были в силах дать мир этим тысячам измученных людей.

Сменяющие одна другую власти стремились лишь пополнить свою казну и продовольственные запасы для армии, налагали тяжелые налоги на сельских хозяев и совершенно не заботились о жизни и благосостоянии крестьян.

Деревня была оставлена без всякой медицинской помощи. В связи с этим у нас было много работы с больными. Господь давал силу Своим рабам и обильно благословлял совершаемый нами труд.

Но не спал и сатана. Нередко через православное духовенство он возбуждал против нас кого только мог. Часто на наших собраниях появлялись люди, вооруженные палками, камнями и прочим. Но, вооруженные против волков - по выражению православного духовенства, - люди видели перед собою овец Христа и возвращались обратно, покоренные Словом Божиим.

В селении Леоновка мы получили разрешение для устройства собраний в помещении школы. Перед началом мы прошли по селению с пением гимнов, раздавая брошюры и приглашая на собрание.

Помещение, в котором должно было состояться собрание, наполнилось слушателями прежде, чем мы успели дойти до него. Началось собрание. С напряженным вниманием слушатели овили каждое слово. Вдруг ворвалось несколько человек и с криками и ругательствами начали мешать проповеди. Поднялся шум, крики. Мы пробовали успокоить разъяренную толпу пением. Обыкновенно пение действовало успокаивающе, но здесь ничто не помогало. Шум, крики и ругань продолжали усиливаться. Пришлось прекратить собрание.

Выйдя из помещения, некоторые из нас были крайне смущены.

Около школы стояла громадная толпа мужчин, вооруженных вилами, косами, палками и тому подобными предметами. Видя, что эта встреча приготовлена для нас, и, полагаясь во всем на Господа, Который послал нас и хранил до сих пор, мы направились через толпу, которая заняла выход.

Ни одна рука не была поднята, когда мы проходили между расвирепевшими людьми. Вся вражда, которая была направлена на нас, была излита ими между собою. В то время, когда мы кончали собрание и, обратившись в молитве к Богу, начали выходить из помещения, враждебная толпа разделилась пополам. Одни начали говорить в нашу защиту, другие против. Поднялся страшный спор. Во время этого спора мы и смогли спокойно пройти между ними, чувствуя здесь руку Самого Господа.

Вечером того же дня мы решили устроить собрание на открытом воздухе. На этот раз многие из тех, которые были так враждебны к нам, присутствовали на собрании и раскаивались в своем поступке.

В эти дни, несмотря на все козни дьявола, многие души нашли мир с Богом.

Не спали и власти Деникина. Иногда приставы, возбужденные православным духовенством, с отрядами полицейских устраивали настоящие походы против носителей истины. Несколько раз руководителям групп, а иногда и всей группе приходилось следовать в участки в сопровождении отряда полиции с шашками наголо. Но и при арестах, допросах и угрозах всегда прославлялся Христос. Арестовавшие делались невольными слушателями Евангелия, слушателями призыва к покаянию. Мы сами допрашивали о состоянии их души и отношении их к Богу.

Глава V

Служение самарянина - Дальнейшая работа - Чудесное лекарство - Своевременная помощь

По всей стране, наряду с другими бедствиями, свирепствовали тиф и испанский грипп. Эти эпидемии уносили массы нередко цветущих жизней. Посещая по домам больных, зачастую брошенных без всякой человеческой помощи, среди невероятной грязи и съедаемых насекомыми, некоторые братья и сестры заражались сами. Но и во время болезни Господь не оставлял нас без Своей чудной охраны. Из девяти сотрудников, перенесших тиф, никто не умер. Но, встав с одра болезни, они все снова продолжали работу.

Однажды в селении Петровка нам сообщили, что в одном доме лежит несколько больных, оставленных всеми и находящихся при смерти.

Придя в указанный дом, мы увидели потрясающую картину. На земляном полу, на грязной, пропитанной нечистотами, соломе, в грязных лохмотьях, с жалобным стоном прижимались друг к другу трое исхудалых людей. Это были молодой человек лет девятнадцати и две его сестры.

Родители этих несчастных умерли от тифа уже раньше. Во время болезни всего семейства домашние вещи и одежда были украдены злыми людьми. Брошенные всеми, они постепенно умирали от болезни и голода.

Через несколько часов дружной работы было очищено помещение и приготовлены кровати. Не найдя ничего, во что можно было переодеть больных, наши сестры отдали для этого свое белье. Срезанные с больных волосы лежали на полу и шевелились от массы насекомых. Подобная работа была тяжела для человеческой плоти и не всем приходилась по душе.

Небольшой труд принес обильное благословение, обреченные было на смерть быстро выздоровели.

Поручив дальнейший уход за ними верующему семейству и засвидетельствовав выздоравливающим о Христе, мы закончили работу в этом селении и пошли дальше. Четверо из нашей группы заразились при этом тифом и вскоре слегли в постель. Пять недель боролись они со смертью, но Господь был с ними и в болезни; Он поддерживал своих рабов в те дни, когда они проходили долиной смертной тени.

При виде нужды и человеческого горя сердца сотрудников миссии наполнялись еще большим рвением и желанием помогать. Эта давало нам силы переносить всевозможные лишения и испытания.

Нередко случалось, что местный пристав по несколько раз высылал своего помощника с городскими для нашего ареста. Иногда, придя в другое селение, мы узнавали, что нас ищут в том, которое мы только что оставили. Впрочем, у нас никогда не было и мысли, чтобы бежать или прятаться, но Господь Сам, как видно, смешивал их пути и давал нам свободу для работы.

Однажды в селении Бандышево происходило большое собрание на открытом воздухе. Вдруг появилось несколько полицейских; они потребовали прекратить собрание и последовать с ними в участок.

Сославшись на Слово Божие, где говорится, что Богу должно подчиняться больше, нежели человекам, я просил городских выслушать сначала проповедь, а потом пойти с нами в участок. Громадная толпа народа требовала продолжать.

По окончании проповеди всей группе пришлось последовать за городскими. По сторонам и сзади шли несколько человек с обнаженными шашками, а посреди с пением духовных гимнов шли служители Христа. Несмотря на угрозы полицейских, толпа народа сопровождала нас за селение; из домов выходили жители, сожалели об аресте и укоряли арестованных.

Было уже темно, когда мы подошли к большому помещицкому дому, расположенному в тенистом парке. В нем помещалась канцелярия пристава, и был расквартирован большой отряд полиции.

По длинным темным коридорам нам ввели в большой круглый зал. Были зажжены свечи. Отряд полиции с оружием в руках разместился у окон и дверей зала. Один из них направился известить начальство о выполнении поручения.

Оказавшись в такой необычной для нас обстановке, мы решили засвидетельствовать этим людям о Христе и призвать их к покаянию.

Зал для собрания был великолепный, слушатели налицо, и мы начали петь духовные гимны. Вначале послышался было протест, но слова песни и мелодия так поразили слушателей, что они прекратили протест и просили продолжать.

Во время пения в зал быстрыми шагами вошел пристав. Не обращая внимания на его появление, мы продолжали петь. Смущенный, он посмотрел на слушавших полицейских и на группу людей, певших посреди зала. Вынув изо рта дымящуюся папиросу и смяв ее между пальцами, он отбросил ее в сторону и снял фуражку.

Когда окончилось пение, я понял, что тут действует Господь, и попросил разрешения помолиться за них. Пристав проговорил в виде извинения несколько слов о том, что здесь это неудобно и т.д. Не обращая внимания на его слова, я произнес горячую молитву за пристава и всех собравшихся полицейских. Сердце было наполнено жалостью к этим людям. Вся местность была наполнена повстанцами, и полиция находилась в ежеминутной смертельной опасности.

Когда кончилась молитва, пристав дрожащим от волнения голосом попросил извинения за арест. "Мне неправильно сообщили о вас.

Вас выдали за каких-то агитаторов, потому я и должен был послать полицию для ареста. Но я вижу, что здесь ошибка, извините меня. Я только об одном прошу вас, не делайте ваших собраний на улицах и так поздно, а то вашим именем могут воспользоваться злые люди для агитации. Идите себе с миром".

После этого он вместе со своими подчиненными, освещая коридор свечами, проводил нас из дома. Двое городских указали ближайшую дорогу через парк к селению, где находились наши вещи.

Была уже глубокая ночь, когда мы прибыли обратно на нашу квартиру. Рассказав обо всем происшедшем приютившему нас семейству, мы вместе с нашими хозяевами вознесли горячую благодарность Господу за все случившееся в этот вечер. Такого оборота мы не ожидали. Здесь ясно была видна всемогущая рука нашего Господа. В продолжение дальнейшей работы в этом районе нас больше никто не беспокоил, и мы могли спокойно продолжать наше дело.

С некоторого времени мы стали замечать, что больные с неохотой принимали нашу помощь, особенно же предлагаемые нами лекарства. Часто мы видели, что прежде чем принять лекарство, люди несколько раз делали над ним крестное знамение и что-то шептали.

Вскоре нам стала ясна причина этого явления.

После осмотра одной женщины, тяжело больной испанским гриппом, были приготовлены нужные лекарства и ей дали совет, как их принимать. Больная покачала отрицательно головой.

"Я не буду их принимать, - прошептала она слабым голосом. - Если вы добрые люди, то дайте мне лекарство, от которого я не могла бы сделаться штундисткой. Батюшка говорил нам в церкви, когда я еще была здорова, что вы ходите по селам и даете какое-то питье. Каждый, попробовавший его, обязательно делается потом штундистом. Я лучше согласна умереть, чем оставить мою православную веру. Ах, мне так тяжело, так тяжело, и видно я скоро должна умереть, но я так боюсь вашего лекарства!"

После долгих уговоров бедная женщина согласилась принять нужные средства и обещала ими воспользоваться. Мы были благодарны Богу, что Он открыл нам еще одну сторону козней дьявола, которые он строил через духовенство православной церкви. Открытый враг не так опасен, как скрытый и невидимый.

Так изо дня в день продолжалась с помощью Господа эта благословенная и необходимая в то время работа.

* * *

В конце августа, пробравшись с большим риском через фронт из Москвы, приехали братья Г.Э. и В. Брат Михайлов остался на месте.

Они сообщили нам, что все палатки и часть литературы оставлены ими в Москве, но один вагон с 4000 Библий и 4000 Новых Заветов, который они успели нагрузить и отправить раньше, чем образовался фронт, был захвачен войсками Деникина на одной из станций и пропал без вести. Впоследствии мы узнали, что вагон был разбит около Мариуполя и разграблен окрестными жителями. Эту потерю мы также принесли в молитвах к Господу, прося, чтобы книги попали в руки людей, ищущих истины, и принесли нужный для Господа плод.

После приезда из Москвы еще двух братьев мы сделали недельный перерыв, а затем разделились на четыре группы и пошли с новыми силами на работу. Каждая группа переживала в своей работе много благословений и помощи свыше.

В то время как мы ходили из селения в селение, Я. Дик работал около станции Панютино. Злоба противников Евангелия разгораясь все больше и больше. За центром миссии, который снабжал группы литературой и всем необходимым, а также за братом Я. Диком был, видимо, установлен тайный надзор.

После одного из собраний, когда Дик уже направлялся домой, к нему подошел офицер и заявил: "Вы арестованы, следуйте за мной".

Видя, что офицер направляется в пустынное место за город, Дик начал с ним бесед. Пробудившаяся совесть заговорила в душе палача, собравшегося втихую расправиться с праведником.

"На этот раз вы избежали смерти, я не могу совершить своего дела, - заявил офицер, опуская наган. - Но берегитесь, не попадитесь в другой раз".

Как овцы среди волков, ходили наши братья и сестры из села в село, но ни у кого не было ни малейшего страха, никто не думал оставлять трудной и часто опасной для жизни работы. Все чувствовали, что находятся под могучей и крепкой рукой Господа, без воли Которого не может упасть волос с нашей головы.

Наша группа работала в районе Харькова. В селе Водолага один ищущий Бога человек предоставил в наше распоряжение довольно большое помещение, занятое прежде пивной лавкой. Помещение это находилось в центре села около двух больших православных церквей.

Незадолго до собрания мы прошли по селу с пением духовных песен, раздавая трактаты и приглашая на собрание. Громадная толпа народа шла вслед за нами и наполнила довольно вместительный зал.

Началось собрание. Во время вступительного слова вошел епископ православной церкви. Держа в одной руке свой пастырский жезл, а в другой - шляпу, он направился прямо ко мне, требуя прекратить проповедь и распустить собрание. Не обращая внимания на это требование, я пригласил епископа занять место вместе со слушателями и продолжал проповедь. Все слушатели также не обращали внимания на требование своего пастыря разойтись по домам, продолжали спокойно сидеть, слушая Слово Божие. Владыка постоял несколько минут и затем, стуча посохом о пол и, комкая от злобы шляпу, с гневом оставил помещение.

Слушатели ловили каждое слово, многие плакали. Проповедь Евангелия прозвучала в первый раз в этом громадном селении.

Тишина вскоре была нарушена вторично. На этот раз епископ явился в сопровождении двух понятых и старшины, украсившего свою грудь медалью. Вошедшие потребовали именем закона прекратить собрание. Я вновь любезно пригласил их сесть и послушать Слово Божие. Но вся группа снова вышла из помещения. Мне было жаль прекращать собрание и оставлять жаждущих истины людей без надлежащей духовной пищи.

Кончилась горячая проповедь, кончился спетый призывной гимн, и многие, преклонив колени, стали взывать к Господу о прощении своих грехов. Вдруг во время молитвы я почувствовал толчки по наклоненной голове. Несколько городских, пришедших в помещение, потребовали прекратить молитву. "Вы арестованы, следуйте за нами", - заявили мне пришедшие. Вместе с моим спутником, который не желал, чтобы я шел один, нас отправили в канцелярию пристава.

Оставшиеся сотрудники в это время взывали к Господу о защите.

В соседнем селении произошло ограбление с убийством, и пристав находился в отсутствии. Его приезд ожидался только на следующий день. Его помощника, довольно злого человека, не оказалось в канцелярии. Он находился в другом конце села. Жена пристава, узнав о нашем аресте, просила городских не извещать помощника до приезда ее мужа.

"Ведь вы знаете, что помощник пристава, не разобравшись, как следует в деле, может погубить этих людей без всякой вины с их стороны", - просила добрая женщина. Однако, несмотря на ее просьбы, двое городских отправились на поиски своего начальника.

Мы знали, что этот человек крайне жесток и по революционным законам имеет право распоряжаться жизнью людей. В ожидании его прибытия мы мысленно обращались в молитве к Богу.

Не прошло и получаса, как во двор въехал сам пристав в сопровождении нескольких полицейских. Его жена, до сих пор беседовавшая с нами, обрадовалась и побежала ему навстречу. Прежде чем он зашел в канцелярию, она, как видно, сообщила ему все подробности нашего ареста.

Пристав оказался довольно симпатичным пожилым человеком в чине строевого капитана. После короткого допроса, извинившись за неправильные действия городских, он освободил нас от ареста и разрешил продолжать собрания.

Наши сердца были переполнены благодарностью Богу за Его видимую помощь. Сейчас же направились мы к ожидавшим нас сотрудникам. Пройдя несколько шагов от участка, мы встретили помощника в сопровождении двух городских. Последние указали на нас и заявили: "Вот те самые люди, которые были арестованы".

Спросив, кто нас освободил, надзиратель потребовал, чтобы мы следовали за ним снова в участок.

"Кто и почему освободил этих людей?" - обратился он к встретившему нас во дворе приставу.

"А вам какое дело, господин надзиратель" - ответил немного насмешливо пристав.

"Это странный ответ, господин пристав! Ведь эти люди повсюду устраивают митинги, собирают массы народа, возмущая их против существующего порядка. С этой целью шайка прибыла и к нам. Под нашим носом они чинят безнаказанно свои безобразия. Их необходимо упрятать подальше, чтобы они никогда больше не возвратились к нам!" "Правда ли все это, в чем вы обвиняете этих людей, господин надзиратель? Видели ли вы, как они возмущали население, слышали ли вы политические речи на их митингах?" "Нет, г-н пристав, но мне передали это верные люди, старшина и епископ".

"Ну, г-н надзиратель, нам пора уже перестать слушать бабьи сплетни, но расследовать самим и лично убеждаться в виновности или невиновности обвиняемых".

"Идите себе с Богом", - добавил он, обращаясь к нам.

Нам было неприятно слушать не совсем любезные объяснения двух человек. Но во время этих препираний мы увидели еще яснее чудные пути нашего Господа. Человек, от которого зависело наше освобождение и которого ожидали только на второй день, неожиданно явился в нужное время, на один день раньше. Тот же, который горел ненавистью к нам и всеми силами стремился сделать зло, должен был отсутствовать и придти, когда было уже поздно.

Поблагодарив нашего Господа за своевременную помощь, мы проработали в этом селении беспрепятственно еще несколько дней и направились дальше, неся Евангельскую весть о спасении.

Глава VI

Специальный поезд для усталых слуг - Конец летней работы - Неожиданные преграды на пути и изменение маршрута - Обильная жатва в тревожные дни

Через несколько дней Господь дал нам снова доказательство Своей любви. После нескольких дней благословенной работы в Андреевке мы направились в большое селение Балаклею.

Было часа три дня. Солнце палило беспощадно. Несмотря на это, мы решили отправиться в путь, чтобы в тот же вечер иметь на новом месте собрание. Нам сообщили, что до Балаклеи всего верст десять.

Средств на поездку у нас не было, и мы отправились пешком.

Верст пять лежало уже позади, когда встречный крестьянин сообщил нам, что до Балаклеи не меньше пятнадцати верст. Мы были немного смущены, хотя по опыту уже знали, что крестьянские версты имели всегда небольшой "гак". Однако на этот раз "гак" оказался больше, чем мы ожидали.

После получасового пути мы встретили еще одного едущего и снова спросили о расстоянии до Балаклеи.

"Да не больше, как верст восемнадцать!" - ответил нам проезжий. Пройденный путь поряточно всех утомил. Каждый нес за плечами необходимые дорожные вещи, белье, литературу и гомеопатическую аптечку. Сестры устали особенно сильно и едва могли идти.

Мы сбросили ноши на землю и опустились на траву для короткого отдыха. Тут мы преклонили колена, в молитве взывая к Господу о помощи. Нас удручала мысль, что придем слишком поздно и в этот день не сможемстроить собрания для проповеди Евангелия.

Отдохнув минут пятнадцать, мы снова взяли ноши на плечи и уже собрались идти дальше, как вдруг увидели идущий сзади нас паровоз с двумя вагонами. Поравнявшись с нами, поезд начал замедлять ход. Из вагона подавали знаки, чтобы мы шли к ним. Мы не могли понять, что это могло означать.

Пройдя саженой пятьдесят, паровоз остановился. Я поднял руку и, шутя, махнул в их сторону. Паровоз, проехав несколько саженой назад, остановился напротив нас. Наше недоумение еще увеличилось.

На паровозе мы заметили несколько вооруженных солдат. Думая, что это отряд, высланный для нашего ареста, мы без дальнейших рассуждений вошли в вагон.

Теперь мы все сидели в вагоне и ехали в нужном нам направлении. "В чем же дело?" - спрашивал мысленно каждый из нас, взывая о помощи к Богу. В вагоне находилось человек десять не совсем трезвых мужчин, занятых игрою в карты. Мы предали нашу судьбу Господу и, видя перед собою грешников, нуждающихся в спасении, начали петь духовные, призывные песни. Играющие в карты оставили свое занятие и начали слушать. По окончании пения к нам подошел человек с требованием денег.

"В чем дело, и какие деньги вы желаете от нас получить?" - спросил я его, все еще не понимая происходящего.

"За остановку поезда в пути сто рублей, за проезд каждого до Балаклавы по пятидесяти рублей", - ответил тот.

Видя, что мы попали в руки не совсем честных людей, рассчитывающих получить с нас несколько сот рублей, я заявил ему в ответ: "Хорошо, друзья, ваш требование будет удовлетворено полностью, но рассчитывать мы будем о приезде в Балаклею в кабинете военного коменданта станции. А теперь, пока мы находимся в пути, чтобы не терять даром времени, мы вам споем еще несколько песен и прочитаем из Евангелия о любви нашего Господа, Который умер за грехи всех нас". Открыв Евангелие, я начал читать и говорить о Христе.

Такого оборота эти люди не ожидали, да и не хотели. Балаклея была уже видна в нескольких верстах. Дав сигнал машинисту, они остановили поезд, и мы спокойно вышли из вагона. Поблагодарив за услугу, мы попросили этих людей больше не повторять таких шуток с проходящими. Впоследствии мы узнали, что они уже несколько раз опустошали карманы растерявшихся прохожих, которых заманивали на поезд.

Когда паровоз пошел дальше, мы от всего сердца поблагодарили Господа за Его помощь. Сатана имел намерение сделать нам зло, но Господь превратил это во благо. Иначе в тот день мы не дошли бы до Балаклеи. Теперь же мы были на месте уже через два часа.

Немного отдохнув, мы устроили собрание в доме одного верующего. Собралось довольно много народа, и мы могли говорить о любви Господа и призывать души к покаянию.

Так вел нам Господь изо дня в день. Мы шли за Ним в полном доверии, не спрашивая себя, что будет дальше. Мы сами не имели духовных сил и отдали себя всецело нашему Господу. В этом малом Он творил дивное для Своей славы. Не получая ниоткуда материальной поддержки, никому не говоря о своих нуждах и не рекламируя нигде себя и своей работы, мы никогда не имели нужды в насущном хлебе, который Господь посылал нам каждый день.

Да будет Ему слава и благодарность за все!

... Приближалась осень. Частые дожди начали препятствовать нашим походам из одного селения в другое. Начала сказываться и физическая усталость сотрудников. Одежда и обувь требовали

обновления. Необходим был и духовный отдых, духовное укрепление работников. В связи с этим решено было прекратить летнюю работу и сделать на зиму подготовку к будущему году.

Первого октября все наши группы собрались из разных мест в центр "Миссии" на станции Панютино. Было устроено благодарственное собрание миссии и прощальное собрание для местных верующих.

Со всех окрестностей из общин съехались верующие. Это был настоящий праздник духовной жатвы. Многие из обращенных за время нашей работы, присутствуя на этом торжестве, громко прославляли Бога. Все горели желанием служить Ему всем сердцем. Многие из молодых братьев и сестер высказывали желание на будущее лето присоединиться к числу сотрудников миссии.

Насколько много было радости во время работы и общего праздника, настолько тяжела была разлука с дорогими друзьями. Было странное ощущение: как будто провожали нас навсегда. Как ни утешали мы себя надеждой на более радостную встречу в будущем году, но глаза всех провожающих были полны слез. Дух Божий свидетельствовал сердцам, что встретиться со многими придется лишь там, в небесах. Некоторые высказывали свои предчувствия открыто, другие, не желая нас смущать, таили свои опасения и лишь возносили молитвы к Богу.

Большинство наших вещей мы оставили на хранение в молитвенном доме Панютинской общины и в домах верующих.

Простившись со всеми друзьями, мы решили ехать на юг, где предполагали организовать на несколько зимних месяцев Библейские курсы для сотрудников. Хотели также пригласить и подготовить новых сотрудников для работы в миссии в следующем году. Однако, к нашему разочарованию, перед самым отъездом мы получили известие, что поездка на юг невозможна: город Александровск, через который мы должны были ехать, занят войсками Махно.

Необходимо было ждать освобождения пути или избрать другой.

Обстоятельства говорили за последнее. Верующие из Екатеринослава (ныне город Днепропетровск) неоднократно просили нас посетить их и поработать несколько дней в их городе. После молитвы и совещания было решено заехать в Екатеринослав и оттуда пойти с проповедью Евангелия на юг из одного селения в другое. На этом же пути лежали и Хортицкие менонитские колонии, где была также сильная нужда в духовной поддержке.

Приехав в Екатеринослав и разделившись на четыре группы, мы проводили в течение десяти дней по несколько собраний ежедневно во всех частях города и его окрестностях. Здесь Господь являл Свою силу. Собрания переполнялись слушателями. Тысячные толпы слушали Слово Божие иногда беспрерывно по пять часов. Одно из таких собраний затянулось до 12-ти ночи. Трамвайное движение в городе уже прекратилось. Некоторые из слушателей были из дальних районов. Мы предложили им разойтись, но они заявили, что пойдут домой пешком.

"Мы еще не устали, продолжайте, читайте, говорите еще, мы хотим слушать Евангельскую истину!" Многие души за эти дни нашли мир с Богом. Дух Святой действовал могущественно. Сатана же одновременно творил в эти дни свое дело разрушения и пагубы. Отряды махновских войск уже подступали к городу, занятому войсками Деникина.

За обладание городом шла борьба, орудийные выстрелы потрясали землю. За последние дни в город дважды врываются махновцы, но отступали снова, отбитые защитниками города.

На улицах лежали неубранные трупы людей и лошадей. Из-за большой опасности иногда приходилось прерывать собрания и откладывать назначенные.

Глава VII

Шествие долиной смерти - Восхождение на Голгофу - Роковое изменение маршрута - Последнее собрание - Мученический конец

На десятый день нашего пребывания в Екатеринославе махновцы окончательно овладели городом после ожесточенного сражения на улицах. Начались грабежи и беспощадные убийства мирных жителей. Солдаты-махновцы грабили, жгли магазины, врываются в квартиры, беспощадно убивая тех, кто попадался под руку. Население города было в страхе. Дальнейшая работа стала невозможной. Никто не рисковал выйти из своей квартиры, все как бы замерло.

После занятия Екатеринослава махновцами для нас открылся путь на юг через русские и немецкие селения, которые мы намеревались посетить в начале нашего пути.

Был холодный, дождливый октябрьский день. Для подвоза вещей Господь послал нам одну подводу, но самим нам пришлось идти пешком. До первого селения было 15 верст. В обыкновенных условиях такие переходы не составляли для нас большой трудности. В данный момент это был один из самых тяжелых переходов. Дорога размякла от постоянных дождей, везде стояли лужи. Клейкая грязь цеплялась за ноги и пудовыми гирями облепляла обувь. Только с огромными усилиями можно было двигаться вперед. Сверху беспрерывно лил дождь. По сторонам дороги лежали обнаженные трупы убитых в сражении людей. Раздавались редкие ружейные выстрелы. Навстречу двигались, едва тащась по грязи, махновские обозы. Иногда нас обгоняли повозки с ранеными, которых отвозили в тыл.

Было жутко, но дух был бодр, ибо мы сознавали, что идем под могучей охраной нашего Господа и совершаем этот путь не ради каких-либо земных целей, но ради спасения душ наших ближних. Несмотря на хлеставший в лицо дождь и холодный ветер, часто раздавалось в этой мрачной долине смерти пение духовных гимнов. Некоторым из нас пришлось снять с ног окончательно размокшую обувь и идти босыми ногами по холодной грязи.

Было уже темно, когда мы приблизились к селу Александровка.

Завидев мерцающие в окнах огоньки, мы обрадовались скорому концу нашего пути. Однако перед самым селом оказалась еще одна преграда. Небольшая речка разлилась от дождей, и широкая водная полоса отделяла нас от села. В темноте эта река показалась нам настоящим Днепром. Перекинутый через речку мостик был залит водой.

С большим трудом и риском, один за другим мы перешли по воде.

В селе мы были с радостью встречены одним из верующих.

Омывшись от покрывавшей нас грязи, еще мокрые до самого белья, мы до поздней ночи имели чудное и благословенное собрание.

Несмотря на темноту и грязь, весть о нашем прибытии облетела все селение прежде, чем мы пришли на место. Дом, где мы остановились, вскоре наполнился людьми, жаждущими послушать Слово Божие.

Мы не имели возможности много работать в этом селении. Отсюда было близко до Екатеринослава, и здесь был сосредоточен тыл махновских войск, которые относились к нам очень враждебно и всячески препятствовали устройству собраний. Поэтому, устроив на второй день два собрания, а также просушив нашу одежду и обувь, мы разделились на две группы и пошли дальше по направлению к менонитским колониям Языковской волости.

В каждом селении, лежавшем на нашем пути, мы провели ряд евангелизационных собраний. Многие обращались к Христу, и верующие укреплялись в истине. На каждом собрании присутствовали махновцы. Слово Божие касалось многих из них, но большинство было настроено враждебно.

* * *

Наш путь за последнее время казался нам как бы восхождением на Голгофу. Тяжелые тучи сгустились вокруг нас, и становилось все темнее и темнее. В сердцах некоторых сотрудников появилось предчувствие скорого перехода в вечность. У многих любимой темой проповедей и бесед стало восхищение Церкви и пришествие Господа.

Стояла плохая погода, неблагоприятная для работы и передвижения с одного места на другое. Все время шли холодные дожди.

Всюду, где мы проходили, чувствовалось напряжение и тревога. Этот район находился во власти анархо-коммунистических махновских войск, причинявших жителям много тревог и бедствий.

22 октября обе группы прибыли, наконец, в колонию Николайполь (село Запорожского р-на Запорожской области). Жители колонии, извещенные уже раньше о нашем приходе, обрадовались этому посещению. Верующие старались приглашать на собрания возможно большее количество народа. Прошли три дня в почти беспрерывных собраниях. Несколько десятков грешников обратилось к Господу.

Господь послал много радости во время скорби и испытаний.

* * *

Работы было много, времени мало. Нашего посещения ожидали и в других местах. Мы решили направиться дальше, к Хортицким колониям. Во время последнего молитвенного собрания пришел местный проповедник Шеленберг и начал упрашивать посетить еще три окрестные колонии. При этом он сообщил некоторые печальные вести, что побудило нас внять его просьбе и остаться здесь еще на несколько дней.

Шеленберг сообщил, что в колонии Дубовка жители до сих пор не допускали к себе ни одного верующего. Несколько времени тому назад один верующий купил хозяйство в этой колонии. Когда он подъезжал к колонии с несколькими подводами, нагруженными его имуществом, то жители, узнав, что он человек, обращенный к Господу, вышли всем обществом ему навстречу и не допустили его въезда в колонию.

Этот рассказ окончательно побудил нас оставить мысль о дальнейшем пути и сделать попытку проникнуть с Евангельской вестью и в эту колонию. Мы разделились на четыре группы и, оставив одну из них на месте, направились в соседние колонии.

Махновцы, нередко присутствовавшие на собраниях, относились к нам враждебно. В их среде было много людей, которые прежде знали Господа, но отпали от истины и теперь приходили в ярость при каждом напоминании о Боге и Его любви.

Это были люди, крайне ожесточенные на всех и на все. Некоторые заявляли нам при беседах: "Мы хуже зверя. Имей мы хотя бы звериные чувства, мы не решились бы делать того, что делаем теперь. Нам человека убить гораздо легче, чем пристрелить собаку".

* * *

В час дня 25-го октября каждая из групп направилась в назначенное селение. Условились вернуться во Вторник 29-го октября в Николайполь и тогда уже всем вместе ехать дальше. Братья Я. Дик и Юшкевич с двумя сестрами, Р. Розенберг и Е. Гиберт и братом Голицыным избрали для себя колонию, о которой Шеленберг рассказывал много плохого. Шеленберг также решил поехать с ними, чтобы присутствовать на первом евангельском собрании в прежде неприступном для Евангелия селении.

Через час после приезда в помещении школы было устроено первое собрание. Люди, предоставившие помещение для собраний, на первом собрании не присутствовали за исключением нескольких женщин и детей. Несмотря на такое отношение, было решено назначить второе собрание, в семь часов вечера.

Вечернее собрание превзошло все ожидания и надежды. Господь начал действовать. Все селение от стариков до детей явилось в назначенное время. Во время проповеди и последующих бесед многие люди с глубоким раскаянием приходили к Господу. Чувствовалась усиленная работа Святого Духа. Люди, не желавшие прежде слушать о Боге, не хотели теперь оставить собрание. Было уже около двенадцати часов ночи, когда все разошлись по домам, с намерением собраться снова, как только наступит утро.

В девять часов утра было назначено собрание для новообращенных. В двенадцать часов - для детей и юношей, а в два и шесть часов вечера - общие собрания. Так был распределен для работы следующий день, но этому плану не суждено было осуществиться.

Господь, как видно, сулил иначе. Его пути - не наши пути, и мысли Его - не наши мысли.

В субботу утром 26-го октября проповедники были приглашены к завтраку. В это время вошло несколько вооруженных махновцев, которые сейчас же уселись за накрытый стол. Видя перед собою ожесточенные души, нуждающиеся в спасении, Я. Дик начал свидетельствовать им о Христе.

Через некоторое время приехал отряд махновцев. Оставив лошадей во дворе, они вошли в дом. Проповедь и беседы продолжались до двенадцати часов дня. Махновцы слушали, задавали различные вопросы. Братья с любовью и кротостью давали им ответы, стремясь пробудить сердца людей, огрубевших в преступлениях, грабежах и убийствах.

В двенадцать часов махновцы разошлись по другим домам. Воспользовавшись этим, Я. Дик и Шеленберг с двумя сестрами направились в школу на собрание для детей и юношей. Юшкевич был приглашен к одному новообращенному, а Голицын по случаю болезни остался на квартире.

Часы жизни каждого из них были сочтены. Некоторые из них уже чувствовали приближение конца. Перед самой поездкой в эту колонию на совместном собрании всех сотрудников при разборе первых стихов 14-ой главы Ев. Иоанна Яковом Диком были высказаны слова о скором переходе в

небесные обитатели. Накануне, во время собрания, обращаясь с призывом к раскаянию, он несколько раз говорил слушающим: "Многие из вас завтра уже будут не в состоянии слушать меня и не смогут раскаяться!" Голицын еще перед выходом из Екатеринослава сказал в беседе с одним из братьев: "Мой переход в вечность близок. Странно, но я чувствую, что мне остается жить всего несколько дней. Я готов перейти в вечность, но какая-то тоска наполняет мое сердце. Мне кажется, я так мало сделал для моего Господа. После моего обращения я много еще занимался самим собою!" В этот день он также был очень сосредоточен, мало говорил и стремился уединиться.

Сестры продолжали детское собрание. Я. Дик и Шеленберг после беседы с двумя учителями преклонили колени для молитвы. Эти две души жаждали получить мир от Господа. В это время в помещение вошли три вооруженных человека. Они грубо потребовали от Дика и других прекратить молитву и показать документы, уполномочивающие их разъезжать по селениям. Требовавшие враждебно смотрели на них и держали в руках обнаженные шашки.

Видя замыслы этих людей и чувствуя приближение своего конца, Я. Дик передал им свои документы, открыл Библию и начал читать им, увещевать и призывать к раскаянию. Дерзкие лица людей, пришедших с определенной целью, смягчились. Подобно преступникам, застигнутым на месте преступления, стояли они и не могли поднять своих глаз. Палачи отступили назад, как некогда в Гефсимании перед Господом, так и теперь перед Его служителем.

"Кто мы и зачем посещаем селения, вы знаете и без моих документов. Многие из вас знают, что нас послал Господь умерший за нас всех на Голгофском кресте. Теперь вы пришли с определенной целью, но какая вам польза, если вы прервете нашу жизнь? Мы готовы перейти в вечность к нашему Господу. Смерть для нас - желанная встреча с Тем, Кому мы служим, и во имя Которого прерывается наша жизнь. Но вы? Что ожидает в вечности вас? Знайте, мои друзья, что не сегодня, так завтра вам тоже придется встретиться со смертью. Что вас встретит там, за гробом? Все ваши преступления, все злодеяния вопиют к Богу о справедливом суде и воздаянии.

Слово Божие говорит, что все мы предстанем на суд Христов, все должны будем дать отчет в том, что мы делаем на земле. Это же Слово говорит, что ни воры, ни пьяницы, ни убийцы Царства Божия не наследуют. Вечные мучения и скрежет зубов - вот участь грешников. Друзья, быть может, последний раз в своей жизни вы слышите сегодня призыв Господа к покаянию. Еще не поздно. Он может и хочет вас спасти и простить. Остановитесь на ваших путях греха и покайтесь. Хотите молиться? Хотите воззвать к Нему о помощи прощения?"

Махновцы стояли перед ним с поникшими головами и обнаженным оружием в руках, дрожа от охватившего их внутреннего волнения, они мялись с ноги на ногу. Наконец, повернувшись, они вышли вон из помещения: "Да, мы давно вас знаем", - произнес один из них дрожащим голосом.

Прошло несколько минут. В помещение вошла другая группа вооруженных махновцев в сопровождении бр. Голицына, которого двое поддерживали под руки. Он едва держался на ногах: Из-под надетой на голову шляпы струилась кровь. Лицо и руки были покрыты синими кровавыми подтеками.

В то время как одна группа махновцев была в школе у бр. Я. Дика, вторая направилась на квартиру, где остановились миссионеры.

Застав там одного лишь брата Голицына и задав ему несколько вопросов, они начали избивать его нагайками. "Сегодня, наконец, мы заставим вас всех умолкнуть навсегда. Теперь вы все, пугавшие народ адом и призывающие слушаться Бога, узнаете сами мучения ада в наших руках! Мы не боимся ни вашего Бога, ни ада. Мы свергнем Его с престола, как свергли земных владык. Мы заставим замолкнуть всех, говорящих о Нем, всех слуг капитала!" На мученика за Христа, лежащего на полу в луже собственной крови, вместе с угрозами и насмешками один за другим посыпались удары нагаек и прикладов. Одежда и белье пропитались кровью.

Вырывавшиеся иногда стоны совершенно затихли. Он лежал уже без движения и признаков жизни.

"Мы вытянули из него душу, - обратился один из истязателей к другим, глядя на своих товарищей налившимися кровью глазами. - Прекратим, его нужно привести в чувство, он нам еще нужен на несколько минут".

"Хозяйка, - загремел он хриплым, подобным рычанию зверя голосом. - Принеси сейчас же ведро холодной воды и дай чистое белье, чтобы одеть этого оперированного фазана. Нам нужно провести его по улице, а в таком виде он перепугает других, прежде чем те подвергнутся той же участи".

Холодная вода, вылитая на безжизненное тело, произвела некоторое действие. Закрытые глаза открылись еще раз, и тихий стон вырвался из уст страдальца. Повинуясь приказанию палачей, бедная женщина с болью в сердце дрожащими реками раздела несчастного и обмыв водой окровавленное тело, одела его в чистое белье и одежду своего недавно умершего мужа.

"Ты не должна чистить пола, - проревел снова палач, обращаясь к хозяйке, начавшей вытирать лужу крови. - Мы заставим его самого лизать свою кровь! Сейчас же убери все это!". При этом он нанес своей жертве удар по наклоненной голове.

Собрав последние силы и подползши к месту истязаний, Голицын начал вытирать свою кровь. "А теперь ты должен отвести нас к остальным братьям и сестрицам. Вместе вам будет веселее прогуляться в рай из этого мира, принадлежащего теперь нам. Вы обещали рай за гробом, призывая здесь к страданиям и подчинению эксплуататорам и кровососам! Теперь мы вам самим дадим возможность испытать страдания и попасть в ваш рай! Возьмите его под руки, а то он еще откажется повиноваться нам, - обратился начальник группы к остальным палачам. - Пойдем, как бы не улетели другие птенцы из-под нашего надзора. До свидания, хозяйка. Спасибо, что дала приют этим святым особам. Не смущайся тем, что видела. Подобные операции мы произведем еще многим здесь. Если хочешь сохранить твою шкуру, то сиди дома, чтоб твоя нога никуда не выходила. Как только ты пойдешь болтать по соседям, мы отправим тебя вслед за твоими квартирантами!".

Когда махновцы с Голицыным прибыли к школе, где находились Я. Дик, Шеленберг и две сестры, оттуда только что вышла другая группа. Увидев своих сподвижников, идущие обратились к ним с вопросом: "Ну что, товарищи, отправили проповедников в рай? Мы хотели собрать их всех вместе, чтобы им веселее было совершить этот путь. Что же вы молчите? Или и вас испугали грехом и адом?".

- Нет, они еще живы, - ответил один из вышедших. - Напрасно хотим мы проливать еще и их кровь, ведь мы и так уже купаемся в человеческой крови.

- Что? - проревел начальник вновь прибывшей группы. - Вы бежите, как бабы, испугались крови! В самом деле боитесь ада? Стыдитесь, берегитесь, как бы вам самим за такие вещи не открутили голов. А ну, шашки наголо! Марш обратно, мы подбавим вам храбрости, вместе будет веселее!

"Становитесь к стенке, - обратился он к миссионерам, войдя в помещение. - Мы давно уже не стреляли в цель, теперь немного попрактикуемся!".

- Стойте, товарищи, - не стоит грязнить их кровью помещения школы, - отведем их лучше в какой-либо сарай, там будет немного свободнее, - приказал начальник.

Двое палачей набросились на Я. Дика и стали избивать его нагайками: - Успеете расправиться, - остановил их начальник, - ведите на место!

Окруженная со всех сторон палачами, державшими в руках обнаженные шашки, группа служителей Христа как овцы, ведомые на заклание, вышли из школы и направились к месту пыток и казни. Через несколько минут был приведен и последний из миссионеров, брат Юшкевич, находившийся в доме одного новообращенного человека.

Находившаяся против школы клуня стала местом страшных пыток и смерти всех шести работников этой группы.

Впоследствии, рассказывая об их смерти, палачи с удивлением восклицали: "Таких людей мы еще никогда не убивали: они вели себя до крайности странно. Когда их рубили шашками, они все еще стояли на коленях, молились, призывали нас покаяться в грехах, говорили о любви Бога ко всем людям и даже к таким, как мы. Никто из них не жаловался на боль, никто не просил пощады. Да, это были какие-то странные люди!".

Остальные три группы переживали в эти дни сильные испытания и были близки к такому же концу. Из них только брат Реймер был убит махновцами в Николайполе. Для остальных еще не наступило время перехода в вечность.

Из оставшихся в Николайполе два брата заболели тифом, и Реймер ухаживал за ними. Однажды он направился в аптеку за лекарствами и больше уже не вернулся. В это время сестра К. Эннс, посещавшая дома, проходя по селению, была позвана в один дом, где проходившими махновцами был убит человек. Голова несчастного была совершенно раздроблена. Как видно, он был убит из винтовки разрывной пулей. Перевернув труп, лежавший вниз лицом, сестра Эннс узнала в убитом своего сотрудника бр. Реймера.

Этот еще молодой человек, обратившийся к Господу во время нашей работы в Екатеринославе, хотел, во что бы то ни стало идти с нами и помогать, чем может, в нашей работе. Прошло всего

несколько недель, и его жизненный путь пришел к концу. Его работа была коротка, но он перешел в вечность прямо с Божией нивы.

Глава VIII

Чудное спасение - Новое избавление от рук палачей - Возвращение - Триумф на тернистом пути

В пятницу 25-го октября, когда группа братьев Дика и Юшкевича находилась в Дубовке, мы с братом Г. Э. и с нашей небольшой группой прибыли в соседнюю колонию, находящуюся от Дубовки всего в полутора верстах. На первом собрании вечером того же дня присутствовало все население колонии. Многие из молодых людей и несколько пожилых отдали свои сердца Господу. Видимо проявилась благодать Божия. Уставшие от всех волнений и переживаний, люди жаждали покоя в Боге и Его Слове.

Собрание, назначенное на утро, не состоялось. В село заехал довольно большой отряд махновцев. Солдаты шли из одного дома в другой и грабили что попало. Человек двадцать из них вошли в дом, где находился я с несколькими сотрудниками. Угрожая и размахивая обнаженными шашками, махновцы потребовали хозяина дома, который должен был поскорее спрятаться. Видя разъяренных людей, мы начали петь духовные гимны. Слова и мелодия песни умиротворяюще подействовали на сердца озлобленных и загубелых людей. Собравшись все в одну комнату, успокоенные махновцы, не снимая оружия, расположились, кто где мог для отдыха.

Видя, что через пение почва для Слова Божия была подготовлена, я взял Библию и, читая отдельные места, около двух часов провел в беседе с махновцами. Некоторые из них сознавали гибельность того пути, на котором они стояли, давали обещания как можно скорее изменить свою жизнь.

"Только еще не теперь, вот перережем всех буржуев, создадим царство братства и равенства, а тогда будем жить по Евангелию.

Теперь этого сделать невозможно, товарищ, теперь время борьбы".

"Вы хорошо делаете, призывая людей к покаянию, я не против этого, но все же вы нам мешаете делать наше дело, будьте осторожнее", - заметил начальник группы. После отдыха и беседы махновцы мирно уехали дальше.

На вечернее собрание собрались все жители от стариков до детей. Дома никто не решался оставаться. По улице разъезжали махновцы, которые вели себя крайне возбужденно. Было жутко встречаться с этими зловещими личностями, окидывавшими каждого встречного мрачным взглядом.

В селе было несколько верующих семейств. Все они, да и другие жители в этот вечер хотели быть вместе у ног Господа. Все чувствовали приближение какой-то страшной опасности.

Когда помещение молитвенного дома было переполнено до отказа, пришли человек двенадцать вооруженных махновцев. Посадив пришедших по три человека у каждой из дверей и по три по обе стороны кафедры, их начальник обвел всех угрожающим взглядом и, отдав каждой группе какие-то приказания, вышел в коридор.

Все почувствовали, что здесь готовится что-то страшное. Впоследствии мы узнали, что у них было решено не выпустить ни одного человека живым из собрания. Вместе с работниками "Палаточной миссии" они решили погубить и всех собравшихся.

Во время работы в немецких колониях половину собрания проводили на русском, половину на немецком языке. В этот вечер в виду сложившихся обстоятельств решено было иметь только русскую проповедь.

Кончилось пение; я взошел на кафедру, мысленно прося Господа защитить нас. Я чувствовал, что если Господь не сохранит нас, моя проповедь будет последней в этой жизни. Видя, что махновцы прибыли для исполнения роли палачей, я просил Господа, чтобы Он дал мне силы направить каждое слово с любовью к этим людям.

В начале проповеди махновцы смотрели на меня со злобной усмешкой на лицах, переговаривались друг с другом. Но Господь начал совершать Свое дело и над этими душами. Злорадство и насмешка постепенно сходили с их лиц, и они начали принимать все более и более печальный и подавленный вид.

Проповедь продолжалась, горячий призыв к раскаянию раздавался в притихшем зале. Сидевшие у кафедры сотрудники миссии, склонив головы, непрерывно возносили за меня и за всех слушателей молитвы к Господу, просили о силе и действии проповеди.

Чувствовалось почти осязаемое присутствие Святого Духа. Большинство слушателей сидело со слезами на глазах. Не в силах сдерживать себя от рыданий, махновцы один за другим оставили свои места и вышли в коридор.

"Горько плакал великий могучий Христос", - раздалось заключительное пение нашего небольшого миссионерского хора. Среди слушателей началось движение. Многие желали молиться, делали отдать Господу свое сердце. Наши сотрудники беседовали с желающими раскаяться.

Двое из махновцев, зажав склоненные головы между ладонями рук, продолжали сидеть на своих местах. Дух Божий действовал в их сердцах. Они вспомнили о недавнем прошлом, когда, будучи юношами, детьми верующих родителей, они посещали подобные же собрания и сами участвовали в пении. Волна революции вырвала их из дома и из среды верующих людей. Дальнейшая жизнь в рядах различных армий превратила их в извергов, жаждущих человеческой крови.

Дядя одного из этих молодых людей был хорошо знакомым мне проповедником из одного селения около Бердянска, с которым мне пришлось встретиться всего несколько месяцев тому назад.

Рассказав свою историю, юноша закончил с отчаянием: "Да, мы погибли, погибли окончательно! Для нас нет никакого выхода. Бог не может нас простить, слишком много совершено преступлений. Кровь, кровь! Море человеческой крови вокруг нас, проливать кровь мы прибыли и сюда. Если бы мы и обратились к Христу, то свои же товарищи перестреляют нас сегодня же, как собак. Если бы мы сумели бежать из этой Среды, то нам жить не дадут соседи. Нас выдадут белым или задушат сами, ибо мы сделали им всем так много зла. У нас теперь единственный путь - идти дальше, жить такую же жизнью, пока она не оборвется. Мы погибли, совершенно погибли, для нас нет никакого выхода".

Не помогли никакие увещания и просьбы обратиться с молитвой к Христу, Который укажет им выход. В отчаянии они ушли из помещения, и нам больше не приходилось с ними встречаться.

Выйдя вслед за этими людьми, я встретил в темном коридоре начальника отряда, который с группой других махновцев все время стоял там, слушая проповедь. Слово Божие действовало и на него.

Он довольно приветливо встретил меня и сообщил, что года полтора тому назад он был на одном из моих собраний в Палогогах, не будучи еще в то время в махновских войсках.

"Я вас узнал только по голосу, когда услышал проповедь; вы так изменились за это время. И очень хорошо, что узнал", - закончил он многозначительно.

Так отвратил Господь неминуемую смерть от нас и от всех жителей этой колонии. Замыслы людей были расстроены, произнесенный приговор не совершился. Видно, не настало еще время для нашего перехода в вечность. Поднятый меч был опущен в ножны. Рука Господа удержала его.

* * *

Следующее воскресенье принесло нам много новых переживаний и волнений. По пути с квартиры на собрание меня встретила въехавшая в селение подвода. На арбе среди разбросанных в беспорядке вещей сидели два престарелых человека. У них был вид помешанных людей. Взором, полным ужаса, они смотрели по сторонам, как бы ища места, где можно было бы укрыться. Было видно, что они только что пережили что-то кошмарное.

На мой вопрос, кто они и что с ним и случилось, старичок бессвязно забормотал: "Кровь! Кровь! все убиты, замучены..." В это время следом за ними в селение въехала подвода. Сидевшие в ней сообщили на мои вопросы, что в соседней колонии прошлую ночь было зверски перебито все мужское население. Находившиеся там миссионеры были замучены первыми. Две миссионерки из их группы оставлены в живых и находятся среди махновцев.

Известие о смерти бр. Я. Дика и других было неожиданным и тяжелым для нас. Весть о том, что две наших сотрудницы оставлены в живых и находятся среди этих свирепых палачей, еще усугубляло тяжесть положения. Это было хуже смерти.

После молитвы и совещания я решил поехать на место убийства и, если возможно, облегчить положение сестер. Одна из сотрудниц, С.Э., решила поехать вместе со мной. У одного из верующих оставалась еще пара худых лошадей, которых он и предоставил в наше распоряжение.

Был пасмурный осенний день. Масса грязи прилипла к колесам, затрудняя наше движение. Лошади едва тащились, выбиваясь из сил.

Колония Дубовка лежала в глубокой балке и была теперь окутана утренним туманом, что придавало ей какой-то фантастически мрачный вид. На улице не было заметно никакого движения. Только громадные стаи воронов, собравшихся на кровавую тризну, кружились над домами. Во дворах кричали голодные куры и утки. Темные осенние тучи как будто еще больше сгустились над этой мрачной долиной смерти.

При въезде в колонию мы заметили стоявшую за углом дома плачущую женщину, которая подавала нам какие-то знаки, махая находившимся в ее руках платком. Мы приблизились к ней.

"Вернитесь, ради Бога, вернитесь скорее обратно, пока вас не заметили махновцы, - просила плачущая женщина. - Все жители колонии перебиты, и если вас увидят, то вы тоже будете убиты".

На мой вопрос о наших сотрудниках женщина сообщила: "Никто из них не остался в живых. Вся группа была убита первой. Я сама видела их всех мертвыми".

Несмотря на предостережения доброй женщины, мы все же хотели видеть дорогих нам друзей. Узнав от женщины приблизительно место убийства, мы поехали дальше. Оставалось проехать еще несколько метров, как из одного двора выехало несколько всадников и быстро приблизилось к нам.

"Ни с места, руки вверх! - скомандовал один из них. - Кто вы такие? Зачем прибыли в эту колонию? Ваши документы". Осмотрев мои карманы и просмотрев Библию, под крышкой которой находились документы, махновец возвратил мне ее обратно.

"Ах, вот как, значит, ты тоже миссионер и приехал видеть своих сотрудников, я покажу их тебе сейчас же. Слезай с брочки и следуй за мной", - приказал суровым голосом махновец.

"Вы можете совершить ваше дело и здесь, - ответил я на его требование. - Ведь вам безразлично, где проливать кровь, среди этой улицы или в темном месте. Бог видит каждое злодеяние всюду, где бы оно ни совершалось". В руке махновца сверкнула быстро выхваченная из ножен шашка... В это момент из противоположного двора быстро выехал еще один из махновцев.

"Стой, товарищ! - обратился он к поднявшему шашку. - Оставь, пожалуйста, этого человека, он мне знаком, и я не разрешаю поднять на него руку". Шашка опустилась в ножны; пришпорив лошадей, все, кроме моего защитника отъехали в сторону.

"Как можно скорее уезжайте из этого села, - прошептал он, - я едва ли буду в силах помочь вам, если о вашем приезде станет известно в нашем штабе. Ваши сотрудники все убиты, никого нет в живых, а вас постигнет та же участь" - добавил он в ответ на нашу просьбу разрешить увидеть наших умерших друзей.

Сидевшая рядом со мною сестра С.Э., склонив голову, непрерывно молилась и просила Господа о защите. И Господь услышал!

Защитивший нас махновец оказался начальником той группы, с которой мне пришлось иметь продолжительную беседу о Христе в прошлую субботу. Уехав после беседы, он со своим отрядом прибыл в Дубовку, где также принимал участие в убийствах.

Сохраненные Богом, мы покинули Дубовку и возвратились к ожидавшим нас сотрудникам.

В назначенный день в Николайполь возвратилось всего две группы. Третьей группы не было. Не доставало и руководителя миссии.

Встреча оставшихся в живых работников была самым тяжелым для всех моментом. При въезде во двор нам навстречу вышла жена убитого Якова Дика с ребенком на руках.

"Где Яша?... Что с ним?... Почему его нет с вами? Правда ли?..." - Тут голос ее прервался, и вопрос остался неоконченным. Мы молчали... Она поняла. Тихая, прижимая к груди своего сына, она ушла в комнату...

Господь укрепил ее и помог перенести эту незаменимую утрату.

Прошло два дня. Оставшиеся в живых сотрудники находились в угнетенном состоянии от сильного физического переутомления и тяжелых душевных переживаний. Появились слухи, что махновцы не убили Я. Дика, а захватили с собою в Екатеринослав, где находился штаб махновской армии.

В связи с этими слухами я решил еще раз поехать на место убийства. Чтобы не быть замеченным, как в первый раз, я оставил лошадей в соседнем селении и пошел пешком. Один из местных жителей, верующий человек, провел меня через сады и указал место, где все еще без погребения лежали убитые. Никто не решался зайти в эту колонию и совершить погребение десятков убитых людей.

Оставшиеся в живых жители колонии, бросив все свое имущество, разбежались кто куда еще в ту же ночь.

Пробираясь от одного дома к другому, мы увидели потрясающую картину. Около каждого дома лежало по двое или трое убитых мужчин. В одном месте лежал мужчина средних лет со своими четырьмя взрослыми сыновьями. Все они были зарублены шашками. На лицах каждого из них было по несколько глубоких ран. Казалось, одна и та же рука совершила все эти убийства, изуродовав некогда прекрасные лица. Как будто убийцы не могли вынести вида человеческого лица и стремились как можно скорее изуродовать его, превратив в кровавую маску. Ни одного лица не осталось в целости из восьмидесяти убитых. Было что-то странное в этих страшных убийствах.

Наконец, когда зрелище этой кровавой бойни чуть притупило восприятие, мы пошли к тому месту, где лежали наши сотрудники. Низкая широкая дверь вела в полутемное помещение. На земле в лужах замерзшей крови лежали сильно изуродованные трупы. Некоторые находились в коленопреклоненном положении. Как видно, они молились в последний момент, и смерть застигла их на молитве. С трудом можно было узнать некоторых. Лицо Якова Яковлевича Дика было совершенно изрублено и представляло собой сплошную кровавую массу. Узнать его удалось только по фигуре и по имевшимся на его белье меткам. Одежда, кроме нижнего белья, была со всех снята.

Слишком опасно было оставаться возле убитых дольше. Вынести и похоронить тела также не было никакой возможности. Махновские разъезды часто заглядывали в селение и убивали всех, кого там встречали.

Бросив последний взгляд на тела дорогих сотрудников и мысленно вознеся молитвы к Богу, мы с проводником возвратились в соседнюю колонию. Оттуда я благополучно вернулся на оставленной подводе в Николайполь, к ожидавшим меня членам "Миссии".

Через несколько дней вся мученически погибшая группа была похоронена в общей могиле собравшимися с окрестностей деревень крестьянами.

Благословенный, но тернистый путь закончился Голгофой для некоторых работников. Для оставшихся эта потеря была неожиданна и невосполнима. Двое из умерших, Я.Я. Дик и Оскар Юшкевич, были самыми преданными Господу и самоотверженными работниками.

Оба были в самом расцвете лет и деятельности. В лице Якова Дика миссия потеряла своего организатора, вдохновителя и самого талантливого из проповедников.

Он был не только организатором и председателем "Миссии", но и другом и братом для всех сотрудников. Его личная жизнь была примером для всех окружающих. Потеря Я. Дика была непонятна для нас всех. "Почему?" - спрашивал каждый из нас.

Впоследствии нам стало ясно, что каждый из них окончил на земле назначенное ему Богом дело, и Господь взял их в Свой покой. Каждый пожал свою ниву, сложил серпы для других и пошел к Господину жатвы.

Каждый сделал все по мере данных от Бога сил. Одаренный более других, Я.. Дик жил мало, но сделал очень много. Он был подобен свече, горящей с обоих концов и поэтому так скоро сгоревший.

Семь человек умерли, двое лежали, тяжело больные тифом. Оставшиеся члены миссии пробыли еще дней десять в Николайполе.

Каждый день в колонию заезжали махновцы.

До убийства наших сотрудников при встречах с махновцами никто не чувствовал перед ними ни страха, ни смущения, несмотря на все их угрозы. Теперь, наоборот, при каждой встрече с ними плоть начинала дрожать. Этому содействовало отчасти и сильное физическое и духовное переутомление. У большинства из оставшихся сотрудников махновцы отобрали одежду и обувь. Брата Шафрана, верующего из евреев, махновцы, встретив на улице во время сильного мороза и снега, заставили на месте снять сапоги и идти дальше босиком.

Последнее обстоятельство заставило нас группироваться по возможности вместе. Прежде после собраний мы расходились на ночь в разные дома. Теперь, если только находилась подходящая квартира, мы помещались в одном доме.

Однажды довольно рано я был разбужен сильным криком, несшимся из комнаты сестер. Одевшись как можно быстрее, я побежал на крик. Сестры были разбужены пришедшими в дом махновцами, которые теперь отбирали у них последние вещи и одежду. Пришлось упрашивать оставить им некоторые вещи. одному из пришедших понравилось мое пальто, и он грубо сорвал его с моих плеч.

"Прошу вас, друзья мои, оставьте мне мою последнюю одежду, ведь стоят сильные холода, а мы должны совершать переходы", - обратился я с просьбой к махновцам.

Всего несколько недель тому назад это пальто было подарено мне одним верующим евреем в Екатеринославе. Имея единственную уже порванную одежду, этот брат принес ее мне со словами: "Она у меня последняя, но я живу на месте и как-нибудь обойдусь без теплой одежды, а вы ведь в дороге, совершаете переходы, можете совершенно замерзнуть, возьмите это пальто, как из рук Господа".

Пальто пришлось отдать перелицевать портному. Всего несколько недель довелось в нем греться, и теперь его отбирали. Снова приходилось оставаться раздетым. Купить было негде, все разграблено, сожжено, уничтожено...

"Вы должны без слов отдать все, что мы от вас требуем, иначе мы сейчас же расправимся с вами как с контрреволюционерами", - ответил на мою просьбу махновец. - Все народное, и тот, кто что-либо скрывает, достоин смерти!".

"Но, мой друг, неужели, прося оставить мне мою последнюю одежду, я совершаю преступление? Ведь если все народное, то мы должны пользоваться всем одинаково. Вы имеете хорошую теплую шубу, а у меня отбираете последнее пальто".

"Вот вам мое право, - грозно закричал махновец, выхватив из ножен шашку. - Вы все, проповедующие о Боге, являетесь слугами капитала, вы своим уже попользовались, вы недостойны жить, а не только что пользоваться чем-либо в пролетарской стране! Мы вас всех передумим, обождите, придет и ваша очередь! А теперь ни слова, мне нравится это пальто, и все!" Накинув пальто на плечи поверх своей шубы и размахивая шашкой, махновец вслед за другими вышел из дома.

В тот же день, когда мы собрались для совместной молитвы, в дом снова зашел один из солдат. Открыв и осмотрев комоды хозяйки, он взял себе, что ему понравилось.

"А вы что здесь молитесь, слуги капитала? - обратился он к нам.

- Проповедники имеют иногда много денег, где они у вас? А ну, давай их сюда!" Держа в одной руке револьвер, махновец начал всех бесцеремонно обыскивать.

"Ого, еще часы имеет, - прокричал он, выхватив из моего кармана часы. - Сколько лет вы их употребляли?" "Года три", - ответил я солдату.

"Хорошо, теперь я их поношу еще года три", - при этом он положил часы в свой карман.

Так поступали с нами почти каждый день. Одежда и обувь была отобрана. Пришлось сделать деревянные колодки или сандалии вместо обуви и путешествовать по грязи и снегу в деревяшках.

Несмотря на все испытания и переживания, сильно действовавшие на усталую и измученную плоть, мы не переставали работать для Господа. Каждый день в двух соседних колониях проходили собрания при большом стечении слушателей.

После двух-трех дней невыносимых страданий, оставшаяся с девятимесячным ребенком на руках жена убитого Я. Дика, за которую молились все сотрудники, окрепла физически и духовно и снова присоединилась к работе.

Господь прославлялся и в эти тяжелые дни. Он изливал обильные благословения на труд оставшихся в живых работников. Многие десятки душ нашли мир у подножия Голгофского креста.

Несмотря на просьбы местных верующих и новообращенных остаться с ними еще на некоторое время, мы должны были ехать дальше, чтобы как-нибудь добраться до менонитских колоний около Гальбштадта, находившихся от нас верстах трестах.

До соседнего селения нужно было проехать около двадцати верст; лошадей для поездки достать было очень легко, но никто не соглашался везти, никто не рисковал выехать из села. Мы обратились к Господу с молитвами о помощи, и Он укрепил мужеством двух верующих, которые, простившись со своими близкими, решили поехать с нами.

Оставив одну из сестер ухаживать за двумя больными тифом, мы поехали дальше после благословенного прощального собрания.

Господь хранил нас. Благополучно проехав двадцать верст, мы прибыли в колонию Широкое (село Запорожского р-на Запорожской области). Через несколько дней мы узнали, что вскоре после нашего отъезда из Николайполя туда наехали махновцы, искали нас и причинили жителям много зла. У многих забрали тогда последних лошадей. Верующие, решившиеся отвезти нас, спасли таким образом себя самих, нас и свои подводки.

Оставшиеся же на месте много пострадали. Во всем этом мы снова увидели руку нашего Господа: увидели, что Он взял от земли тех, для которых пришло время, и что Он охраняет оставшихся, пока не придет и наш час.

В Широком нам ожидала снова большая и благословенная работа. Вся эта местность была занята махновскими войсками. В каждом доме лежали раненые и больные тифом махновцы, заражая жителей.

Пять дней прошли в почти в непрерывной работе. Каждый день было по несколько собраний. Посещали больных, проводили отдельные беседы с жаждущими мира душами. И эти пять дней снова принесли великие плоды. Многие души в Широком и соседней колонии обратились к Христу. Многим из обращенных пришлось через несколько недель перейти в вечность от повальной эпидемии тифа, распространяемого махновцами.

Во время этой работы, заразившись тифом, заболел еще один из наших сотрудников, Г.Э. С первых дней возникновения "Палаточной миссии" он был самым близким другом и помощником Я. Дика.

Таким образом, из четырех руководящих братьев, помогавших друг другу, остался я один. По просьбе остальных сотрудников мне пришлось взять на себя дальнейшее руководство "Миссией".

Окончив работу в Широком, мы изменили наш маршрут и поехали по направлению к Воронцовке, лежащей на берегу Днепра. Проехать около Хортицы на другой берег Днепра, как предполагалось раньше, не было никакой возможности. Армия Махно находилась в так называемом "Днепровском мешке". С трех сторон был Днепр, противоположный берег занят войсками Деникина, с которыми у махновцев шла почти непрерывная артиллерийская перестрелка. У нас не было никакой возможности уйти с территории, занимаемой махновцами. Находясь в их среде, постоянно соприкасаясь с ними, мы были подобны овцам, обреченным на заклание, и каждый день ожидали своего конца.

При выезде из Широкого мы взяли с собою больного брата, не желая оставить его одного. Однако в следующей немецкой колонии его пришлось все же оставить вместе с его сестрой по плоти и нашей сотрудницей в работе; она должна была ухаживать за ним, и впоследствии также заболела тифом и должна несколько недель пролежать в постели.

Посетив на пути несколько небольших русских селений и хуторов, где провели ряд благословенных евангелизационных собраний, мы прибыли в немецкую колонию Фриденсфельд.

Избрав эту местность временным центром, мы разбивались на две, иногда на три маленькие группы и работали около недели в этом и окрестных русских селениях.

Сила Духа Святого разбивала самые закрученные и ожесточенные сердца. Особенно эта сила проявилась на двух молодых людях, которые соединили себя клятвой мщения врагам, причинившим их домашним много зла. Присутствуя на собраниях, они поняли свою вину перед Богом и увидели необходимость в покаянии. Дух Божий действовал в их сердцах, совесть не давала им покоя; но сатана, увлекший их в свои сети посредством клятвенного обещания, держал эти души в своих когтях.

После первого собрания, чувствуя себя виновными перед Богом, они сообщили один другому свои переживания, но возобновили свою клятву и решили не ходить на собрания и ничего не делать друг без друга.

На второй день, вечером, будучи не в силах больше сдерживать себя, один из них снова пришел на собрание. Слово Божие действовало еще сильнее на его сердце. Но и в этот вечер, понеся страшную внутреннюю борьбу, он ответил отказом на предложение миссионеров помолиться с ним. Теперь он был связан двумя клятвами: клятвой мести и клятвой ничего не делать без своего друга.

Собрание кончилось. Слушатели и новообращенные, радуясь, разошлись по домам. Но внутренняя борьба у этого молодого человека не прекращалась и дома. Просьбы его матери обратиться к Христу не помогали. Будучи глубоко верующей женщиной и видя внутреннюю борьбу сына, она умоляла его отдать свое сердце Христу; но все было напрасно. Дух Святой усиленно работал, но голос плоти заявлял свой протест.

"Будь мужчиной", - говорил какой-то внутренний голос. - Ты дал клятву, неужели ты будешь трусом и не исполнишь ее? Сколько зла причинили враги тебе и твоим родным! А что скажет твой друг? Ты дал ему обещание, неужели не сдержишь его, неужели не хватит мужества? Если ты обратишься, то ты уже не сможешь выполнить твоей клятвы..." Было два часа ночи. Слова проповедника, слышанные им вечером, еще раз эхом прозвучали в его ушах: "Сегодня или никогда! Наша жизнь - не в наших руках; мы живем в тяжелые дни, смерть ходит день и ночь по нашим домам.

Отдай свое сердце Иисусу сегодня, вручи твою душу Его охране, и Он спасет ее, хотя телу и придется временно умереть. "Сегодня", - говорит Господь, - всякое "завтра" - от дьявола, не слушай его, он обманщик от начала века".

"Да, сегодня, сейчас, сейчас!" - воскликнул молодой человек, падая на колени. Больше он не мог себя сдерживать. Горячая молитва о прощении полилась из отягощенной грехом души. Проснувшаяся старушка-мать, услышав молитву в комнате сына, пришла и опустилась с ним на колени. Мать и сын с радостью благодарили Бога за чудное избавление.

Исчез всякий страх перед другом, исчезла вражда из сердца к тем, которым он хотел мстить. Наоборот, любовь и желание засвидетельствовать им о Христе наполнили сердце молодого человека.

Несмотря на два часа ночи, надев пальто, он сейчас же отправился к своему другу, спеша сообщить ему о перемене, происшедшей в его сердце. Он спешил предупредить друга. Ему стало жутко при мысли, что жизнь его друга может быть прервана еще в эту ночь, и тот должен будет перейти в вечность с нераскаянным сердцем, исполненным злобы и мести.

"Что с тобою, почему ты ночью взбудоражил весь дом? - обратился к нему разбуженный друг. - Неужели снова бандиты грабят дома? Но почему ночью, ведь они делают это свободно и днем, теперь их власть. Что случилось? Говори скорее, еще какое-либо несчастье?" "О нет, никто никого не грабит. Случилось великое счастье, и я не мог дожидаться утра, я хотел сейчас же сообщить тебе. Я обратился к Христу, и Он простил мне всю мою вину!" "Что ты, с ума сошел! Где же твоя клятва? Где обещание? И меня теперь выдашь? - крикнул полусонный перепуганный человек.

"Нет, Саша, ты успокойся, и мы поговорим по-хорошему. Обсуди положение, и, быть может, ты не будешь ко мне так строг?" Когда настало утро, небесный свет ярче солнца озарял сердца обоих молодых людей. Результатом ночной беседы было то, что и второй склонил свои колена у ног Господа. Они знали Священное писание с детства и, будучи энергичными и даровитыми молодыми людьми, начали помогать нам в работе в окрестных селениях. Будущим летом они хотели всецело присоединиться к числу работников "Палаточной миссии".

Благословение свыше продолжало изливаться на совершаемую нами работу, но сил для работы становилось все меньше и меньше.

Из 35 сотрудников, работавших в "Миссии", осталось всего четырнадцать. Пять из них заболели тифом, и мы должны были их оставить на пути. Трое остались ухаживать за больными. Шесть были убиты (не считая Шеленберга, который присоединился к миссии на несколько дней). Некоторые еще до конца летней работы уехали домой.

Из Фриденсфельда, разбившись на небольшие группы, мы поехали двумя дорогами, назначив место и время встречи. Одна группа, под руководством бр. Л., верующего из евреев, присоединившегося к нам в Екатеринославле, должна была посетить лежащие на пути немецкие колонии и русские хутора; вторая поехала по русским селениям. Обе группы переживали много радости и благословений.

Но вот настал день, когда обе группы должны были встретиться в лежащем недалеко от Днепра селении Карпатском. Оттуда мы думали с помощью местных верующих перебраться на другой берег Днепра. Верстах в 120-ти от Карпатского находились дома некоторых из наших сотрудников, где мы намеревались отдохнуть и подготовиться к дальнейшей работе.

Глава IX

Тучи нависли со всех сторон

Из села Никольского, где мы имели ряд благословенных собраний, верующие повезли нас в Карпатское на двух подводах, запряженных четверками лошадей. Остающиеся верующие и только что обращенные, в количестве сорока человек, с плачем провожали нас далеко за селение. Нам было тяжело расставаться с этими дорогими людьми. Выйдя вместе с ними за селение и предав их милостивой охране Господа, мы сели на подводы и поехали.

Был пасмурный день. Все время моросил мелкий дождик. Грязь комьями наклеивалась на колеса, которые отказывались вращаться и превращались иногда в настоящие полозья, с трудом тащившиеся по грязи. Несмотря на теплую одежду, которой нас снабдили верующие на дорогу до Карпатского, мы сильно замерзли. Сойти с брички не было возможности, ибо прилипавшая к ногам грязь делала невозможным путешествие пешком. Ко всему этому некоторые из группы были уже заражены тифом

и напрягались из последних сил, чтобы не свалиться совершенно и не стать беременем для остальных сотрудников.

Было уже совсем темно, когда 30-верстный путь, наконец, остался позади, и мы подъехали к Карпатскому. При въезде в селение мы должны были переехать довольно глубокую балку, на дне которой протекала небольшая река. Темнота сгустилась еще больше. Пришлось сойти с брички и идти перед подводами, указывая дорогу.

Река осталась уже позади, и мы поднимались на противоположную сторону, когда меня чуть было не раздавили быстро спускающиеся с противоположного берега подводы, ехавшие в полном беспорядке. Мы попали в самую гущу поспешно отступающих махновских войск.

Потерпев поражение, они отступали перед белыми. Все улицы и дворы в Карпатском оказались запруженными подводами. Нам, ехавшим как раз навстречу, не было почти никакой возможности двигаться вперед, чтобы добраться до дома верующих.

При этом мы сознавали, что если будем узнаны махновцами, то без всяких объяснений будем тут же убиты. Но Господь хранил нас.

В десяти шагах не было возможности что-либо видеть, и в темноте они приняли нас за своих.

"Вы как попали на эту улицу, товарищ, какой вы части, почему едете навстречу? Здесь наш участок, мы должны здесь расквартироваться на ночь", - обратился ко мне махновец, управляющий лошадьми. "Здесь такая тесная улица, что четверками нет никакой возможности разъехаться, хоть в стену въезжай", - продолжал кричать и ругаться управляющий передней подводой.

Видя, что мы приняты ими за своих, я решил воспользоваться этим обстоятельством. Не отвечая на вопросы, я крикнул махновцу: "Завтра разберемся, кто где должен расквартироваться. Теперь нам надо разъехаться, не стоять же целую ночь под дождем в грязи. Поворачивайте в первый попавший двор, нам нужно проехать дальше, я вам сейчас помогу!" - с этими словами я взял за поводья махновских лошадей и повернул их в первый попавшийся двор. За этой подводой последовали еще две. Путь был освобожден. Мы благополучно проехали несколько следующих домов и нашли верующего человека, который принял нас с радостью в свой дом.

В продолжение всех этих переговоров и возни с разъездом, сидевшие на бричках братья и сестры хранили полное молчание и в тишине молили Бога о помощи. Молитвы были услышаны, и Его рука вывела нас из Среды махновцев.

Не успели мы распрячь измученных лошадей и войти в тесную комнату деревенской хаты, как вслед за нами прибыли три верховых махновца, требуя для себя квартиры. Хозяину дома пришлось принять их. Несмотря на сильную усталость и опасность положения, мы открыли Библию и начали с приехавшими беседу о Христе, затянувшуюся далеко за полночь. Загрубевшие в преступлениях люди под влиянием Слова Божия с сожалением и раскаянием рассказывали нам кошмар, который они только что пережили.

При отступлении они зажгли со всех сторон одну из находившихся на их пути немецких колоний. Мужчины, женщины и дети выбегали из охваченных пламенем домов, искали спасения в садах и небольшом лесу. Махновцы при свете багрового пламени, поднимающегося от горящих строений, верхом нагоняли бегущих и рубили шашками всех без малейшей пощады.

В одном доме родители и четверо детей были приведены в комнату и там зарублены шашками. Одна из дочерей, десятилетняя девочка, успела спрятаться. Когда махновцы ушли из дома, она вышла из своего убежища, чтобы посмотреть, что сделали махновцы с ее родителями, братьями и сестрами. Увидев груды изуродованных, окровавленных тел, она помешалась разумом. С широко открытыми от ужаса глазами, она легла поверх окровавленных трупов и обхватила их руками, как бы желая защитить их от врагов.

Один из махновцев, зашедших снова в дом, заметил живую девочку и вынул шашку, чтобы зарубить ее. Увидев безумный взор ребенка, устремленный на него, он опустил руку. Был послан другой, но и с этим произошло то же. Тогда они зажгли дом и уехали, оставив помешанного ребенка вместе с трупами родителей в горящем доме.

Махновец, рассказавший эту жуткую драму, умолк. Воспоминание о только что пережитом, как видно, было тяжким и для него самого. Нам, находящимся теперь вместе с этими зверями в образе человеческом, было жутко слушать этот кошмарный рассказ.

Из сердец наших, как вопль души, рвалась молитва к Богу.

"В чем провинились эти люди, что вы их так безжалостно убивали? Что вы чувствовали, когда рубили жен, мужей и ни в чем не повинных детей?" - обратился я к махновцам после минутного

молчания. "Подумайте; что сказали бы вы, если бы кто-либо начал так мучить ваших родителей, жен и детей? Что скажет Тот, Который сотворил как их, так и вас, Который дал жизнь всему существующему?"

Неужели Он не взыщет пролитой вашими руками невинной крови?"

Ведь их кровь вопиет к Нему. И все, все мы должны будем предстать перед Господом, дать отчет во всем, что мы делали, говорили и мыслили.

"Вы правы, товарищ, - ответил один из махновцев. - Этот поступок хуже зверского, звери не могли бы так поступить. Но мы совершенно не сознавали, что делаем. Опомнились мы лишь тогда, когда опустили окровавленные шашки; пришла жалость и раскаяние, но было уже поздно. О, если бы был тогда среди нас хотя бы один человек, который успокоил бы нас и постарался остановить. Тогда было бы совершенно иначе! Я, например, совершенно не знаю, что овладевает мною в таких случаях, другие вам скажут то же. Это теперь мы рассуждаем. А тогда нет никаких рассуждений, никакого сожаления, жаждешь только крови, крови и больше крови!" Не так давно в одном селении мы убили группу людей, подобных вам, а за что рубили - никто из нас не может сказать. Правда, нам не нравилось, что они говорили о грехе, призывали нас к покаянию, но ведь они нам не делали никакого вреда. Наоборот, мы видели, что они нас любили, в то время как другие все нас ненавидели. Двое из наших товарищей не могут успокоиться еще и теперь. Они говорят, что убиваемые молились за них, когда уже кровь лилась по их лицам из нанесенных нами ран. Эти люди просили нас обратиться к Господу, и Тот простил бы нам всю прошедшую вину.

Эти убийства так укорили нашу совесть, что мы начали пить, чтобы успокоиться. Напившись, мы еще больше озверели и перерезали всех жителей. Нам самим жутко иногда, и мы не знаем, будет ли когда-либо конец. Хорошо, если передохнем от тифа или нас перестреляют, другого выхода для нас не видно. Я помню, как года полтора тому назад мне пришлось посещать в Мелитополе собрания евангелистов. Там много говорили о грехе и о вечной жизни. Мне хотелось и жизнь вечную иметь, и жаль было расстаться с грехом. Однажды что-то внутри так побуждало меня встать и раскаяться, но я удержался и сказал себе: "Еще рано, я молод и успею покаяться. Теперь прошло всего полтора года, но уже поздно, для меня нет выхода, какая-то сила владеет мною!" Говоривший умолк... Мои сотрудники, утомленные и перемерзшие за день, уже спали где попало на земляном полу. Я один продолжал беседу с махновцами. При последнем рассказе сердце мое наполнилось глубокой скорбью за этих бедных и погибших навсегда людей. Во время беседы, как и из других встреч с махновцами, мне пришлось еще больше убедиться, что многие из них некогда были близки в Евангельской истине, слышали проповеди и посещали собрания. Некоторые были детьми верующих родителей. Руководившие убийством наших сотрудников, как видно, отпали от менонитских общин, ибо при совершении убийства говорили на чистом немецком языке, употребляя нередко библейские выражения. Это была та категория людей, дом которых, по словам Христа, был убран, выметен, но не занят Им всецело. И вот пришли семь злейших духов и овладели ими. Только в этой истине можно было найти объяснение всем этим страшным жестокостям.

Находиться в среде таких людей было жутко, но дух был бодр и радостен. Видя вокруг море греха и смерть, идущую повсюду со своей острой косой, сердце наполнялось желанием свидетельствовать повсюду о спасающем Иисусе.

Следующий день был тяжел и тревожен. Собраний иметь не пришлось, за исключением с отдельными лицами, приходившими на нашу квартиру. Выйти из дома означало подвергнуть свою жизнь смертельной опасности. Один верующий, пришедший из другого селения, был схвачен на улице и убит около штаба махновской кавалерии. Этот случай заставил нас воздержаться от посещения верующих и ограничиться молитвами и беседами с отдельными душами.

Надвигались вечерние сумерки. Приходившие для бесед крестьяне разошлись по домам. Двое из наших сотрудников были больны и устроились на печи за неимением другого места. Опустив голову на руки, я сидел у стола над открытой Библией и молился.

Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел стройный молодой человек с оружием, немец из колонистов, оказавшийся впоследствии инспектором кавалерии.

"Руки вверх! Ни с места!" - крикнул он, наведя на меня наган, быстро вынутый из кобуры. Было видно, что он перепугался, неожиданно встретив человека, одетого в одежду защитного цвета и по виду не принадлежавшего к жителям деревни.

"Кто вы такой, зачем находитесь в этой местности?" - спросил он. Получив ответ и посмотрев лежавшую на столе Библию, а также и добытые из моего кармана документы, он разрешил опустить руки.

"Кто здесь с вами еще?" Больная жена убитого Я. Я. Дика, встав со своей постели, предъявила свои документы. "О! Я и так вас знаю", - сказал по-немецки один из убийц ее мужа и других работников миссии. Сейчас он осматривал квартиры для размещения своих солдат.

Вскоре после ухода "Яшки", как звали своего начальника махновцы, трепетавшие и раболепствовавшие перед ним, в нашу квартиру прибыли три махновца. Один из них, как видно, начальник воинской части, был болен тифом.

Я начал беседу с вновь прибывшими. Махновцы, особенно больной, слушали с большим вниманием и хранили полное молчание. Лишь тяжелые вздохи вырывались по временам из их уст.

Прошло довольно много времени. Двое из махновцев потребовали от хозяйки ужин. Скоро все было подано на стол. Чтобы дать место махновцам, я закрыл Библию и отошел в сторону, прекратив на время чтение и беседу.

Больной, лежавший до сих пор совершенно тихо, вдруг зашевелился, и в его руке блеснуло дуло револьвера: "Если вы будете прерывать чтение, я застрелю вас сейчас же, как собак! - закричал он на своих товарищей. - Не мешайте, пусть читает и говорит, я хочу слушать. Вы еще успеете наполнить свои желудки!" "Пожалуйста, товарищ, продолжайте ваше чтение, продолжайте еще, мне никогда в жизни не приходилось слышать что-либо подобное", - обратился ко мне больной.

Чтение и беседа о Христе продолжались до глубокой ночи, пока не уснули утомившиеся за день махновцы.

На другой день, когда все в доме спали, больной разбудил меня, снова прося читать и говорить ему о Христе. Этот заглубевший в преступлениях человек слушал со слезами и глубоким раскаянием слова о Боге, о вечной жизни и о любящем всех грешников Христе.

Часов в девять утра был получен приказ к дальнейшему отступлению. Махновцы быстро собрались в путь. Больной, напрягая силы, встал, одел свою одежду и вооружение и, уже готовый к отъезду, обернулся и быстрыми шагами подошел к столу, за которым сидел я с открытой Библией. Положив передо мной пятидесятирублевый кредитный билет, он проговорил дрожащим от волнения голосом, со слезами на глазах: "Возьмите это, товарищ, для себя и ваших сотрудников, он вам пригодится. Не бойтесь, это мои собственные деньги, они не запятнаны человеческой кровью". Это сильный и энергичный человек, заглубевший в преступлениях, рыдая, вышел из дома.

Господь, простивший некогда разбойника на кресте, стучал теперь и в это сердце. Он встретился этому человеку, быть может, в последний момент его жизни.

В этот и последующие дни нашего пребывания в Карпатском мы решили начать открытие собрания. Правда, посетителей собрания было мало, многие боялись еще выходить из дому. Зато приходило много махновцев. Господь давал силы и мужество для свидетельства перед ними. Мы сознавали, что без воли Отца Небесного не может пасть ни один волос с нашей головы.

Правда, испытания одно за другим сыпались на нас в эти дни.

Если бы не Господь, мы давно бы отчаялись и не смогли работать, но Он давал нам на каждый день все новые и новые силы.

На четвертый день нашего пребывания в Карпатском мы получили известие о том, что наша вторая группа целиком убита в одной из немецких колоний. Сознывая, что время, назначенное для встречи, уже прошло, мы допускали такую возможность.

В эти дни, когда тучи особенно сгустились над нами, мы должны были перенести еще более тяжелый удар, на этот раз от верующих людей. Небольшая группа местных верующих, услышав, что наша вторая группа убита и боясь, как бы из-за нас не пострадать и им, собрались на совещание, как с нами поступить.

Я случайно заглянул в этот дом, и мне пришлось услышать донесшиеся слова: "Что же, нам придется выдать их махновцам".

Заинтересовавшись слышанным, я не вошел внутрь дома, а остался у двери, и мне пришлось услышать нечто невероятное. Говоривший предлагал пойти в штаб махновцев и сказать им, что какие-то совершенно незнакомые люди приехали к ним и, самовольно заняв их дома, живут теперь с ними.

Я понял, что речь идет о нас. Снова, как и в седой древности, раздался голос: "Я не знаю человека сего".

Понимая, что предложение было вызвано страхом за свои дома и семьи, мы простили перепуганных людей. Все же мы сознавали, что оставаться в этом месте было бесполезно и крайне рискованно.

Наши физические силы таяли с каждым днем. Одна сестра уже неделю как лежала в горячке сыпного тифа. Другие также едва держались. Нужно было ехать на отдых, но куда? Впереди был фронт, к которому мы подошли теперь вплотную. К тому же была холодная дождливая погода, наступил уже декабрь месяц. Мы все были в легкой летней одежде и плохой деревянной обуви. Белье и обувь, кроме деревянных сандалий, махновцы уже давно у нас забрали. Однако мы не могли ехать дальше, не имея известий о второй группе. Поехать туда, где должны были находиться наши сотрудники, не было возможности. Это было верстах в двадцати от Карпатского, и никто не решался дать нам подводу. Пойти же пешком означало верную смерть. Везде разъезжали махновцы и, видя пешего человека, неизбежно сочли бы его за бегущего от них.

Наконец, на наше собрание зашел крестьянин, сообщивший нам, что в соседнем селении он встретил таких же, как и мы, проповедников Евангелия.

Это принесло нам надежду, что наши сотрудники, может быть, еще живы. А вечером того же дня прибыла и вся группа.

Это была радостная встреча. Мы смотрели друг на друга, как на пришедших из потустороннего мира. Дело в том, что до них также дошли слухи, будто при нашем въезде в Карпатское мы были убиты.

Поэтому-то они и не торопились попасть сюда к условленному дню.

Поздно вечером мы имели чудное молитвенное собрание вместе с местными верующими, продолжавшееся далеко за полночь. Возносилась горячая благодарность за все благословения и помощь в испытаниях, которые в эти дни переживали обе группы.

Группа брата Л., так же, как и наша, пережила много тяжелого и готовилась уже встретить мученическую смерть.

Во время отступления махновцев они находились в одной из немецких колоний. Уже из соседних селений до них доходили слухи о чинимых махновцами зверствах. Так, они услышали, что наша группа убита. Это дало им основание ожидать такого же конца и для себя.

В от вечер, когда махновцы подошли к колонии, пришлось отложить собрание, и все члены группы с разных квартир собрались в одно место, чтобы если и придется умереть, то умереть всем вместе, поддерживая друг друга.

"Две наши группы уже там, пойдём и мы за ними", - говорили друг другу сотрудники.

Настала темная зимняя украинская ночь; в селение въехали махновцы. Озверевшие, врывались они в дома и грабили, кому что хотелось. Придя в дом, где находились наши братья и сестры, они застали их на коленях в молитве перед Богом. Забрав вещи у хозяина дома и у наших братьев и сестер, они не тронули никого из людей и удалились.

Это был передовой разведочный отряд во главе с начальником.

Далее произошло что-то не совсем понятное. Дальше этого дома махновцы не пошли, но остановились и, дождавшись прихода остальных, приказали следовать через селение быстрым порядком, не заходя в дома. Таким образом, не только наша группа, но и жители этой колонии уцелели в этот вечер, тогда как в предыдущем и последующем селениях были совершены повсеместно грабежи и убийства. В этот вечер миссионеры и жители колонии ясно увидели, что Сам Господь сохранил их жизнь.

Встретившись так неожиданно, обе группы, как бы воскреснув из мертвых, от всего сердца благодарили Бога. Были и другие, более глубокие причины для благодарственной молитвы: Несколько сот душ обратилось к Христу за этот короткий промежуток нашей работы.

Они действительно воскресли к новой, святой жизни. Господь особенно благословил группу бр. Л. В одном небольшом селении обратились к Богу все жители. Каждый, покайсявшись, шел к своему соседу, проповедовал ему о Христе и приглашал на собрания. Так возникла волна обращений. Нива побелела, поспела к жатве, и труд малой горстки учеников Христовых в эти тяжкие дни вознаграждался сторицею.

Остальная часть ночи после молитвенного собрания прошла без сна. Становилось все тревожнее. Не снимая верхней одежды, мы дремали, прислонившись к стене или устроившись на полу хаты. Еще с вечера начался ожесточенный бой, шла непрерывная артиллерийская и пулеметная стрельба. В дома забегали расшвырявшие солдаты.

К утру все стихло, махновская кавалерия вышла из селения. Верстах в двадцати в селении Воронцовка находились белые. Мы оказались на нейтральной полосе, куда время от времени заезжали и те, и другие разъезды.

Подождав еще день и простившись с местными верующими, мы выехали по направлению к Воронцовке. Путь был крайне тяжел и опасен. Шел дождь, и всюду была сильная грязь. По сторонам нередко трещали орудийные и пулеметные выстрелы. Мы везли теперь трех больных тифом сотрудниц, не желая оставить их в такой среде.

Несмотря на все окружающее, сердца работников миссии были наполнены радостью по случаю обращения многих грешников.

Христианский гимн: "Радость, радость непрестанно" раздавался в этой долине вражды и смерти.

Вот уже десять лет прошло с того времени, а картина всего пережитого и особенно этот последний переезд все еще ясно стоит перед моими глазами: две брички, напряженные четверками лошадей едва тащатся по клейкой грязи. Погонщики лошадей, три больных сестры и наши вещи лежат на бричках. Остальные, едва вытаскивая ноги из грязи, идут вслед за подводами. Особые усилия делает бр. Л. Его уже несколько лет больная нога никак не хочет вылезти из грязи.

Опираясь на палку, он едва движется вперед.

"По следам пойдем Христовым, Будем льнуть к рукам Его, Чтоб под бременем суровым Не пропасть нам без Него".

Он поет, и его сильный голос громко раздается в воздухе. На глазах некоторых братьев блестят слезы благодарности Богу за все благословения в работе.

Мы подъехали к селу Марьинскому. Несколько семейств верующих, зная, что мы недалеко от них, ожидали с нетерпением нашего приезда. Услышав пение духовных гимнов, они вышли нам навстречу и с радостью приютили нас у себя.

Бесперывные собрания проходили дней пять подряд в разных концах этого большого села. Не только дни, но иногда и целые ночи мы проводили в беседах и молитвах со слушателями и верующими.

Каждый раз нас засыпали разными вопросами на духовные темы.

Кругом была видна великая духовная жажда и большая нужда в работниках. Грешники жаждали спасения; верующие, уставшие от всех волнений, жаждали укрепления и поддержки.

Было еще очень много работы, но силы наши истощились, и мы нуждались в основательном отдыхе.

Теперь мы были близки к освобождению от непрерывной опасности: нам нужно было только переправиться на другую сторону Днепра.

Но по реке шел лед, и ехать на легких лодках было крайне опасно.

Все же местные верующие сделали одну попытку переправить нас на другую сторону. Почти целый день проехали мы по плавням, но с обеих сторон реку обстреливали береговые патрули. Отсюда махновцы, а с противоположной стороны - белые.

Эта неудачная попытка ясно говорила нам, что наше время еще не пришло. Что есть еще души, для спасения которых Господь оставляет нас в этой местности.

Глава X

Неожиданное избавление

Прошло еще несколько дней благословенной работы. Еще несколько душ нашли мир с Богом. Однажды вечером приехали крестьяне с Днепра и передали нам, что река стала, т.е. покрылась льдом. Местные верующие обещали отвезти нас на следующий день верст за тридцать в лежащее на берегу Днепра селение Золотая Балка, где также имелась группа верующих.

Шесть человек из наших сотрудников мы вынуждены были оставить в Марьинском. Четыре сестры лежали в сыпном тифу, а двое здоровых остались для ухода за ними.

Было ясное морозное утро, уже два дня как выпал снег. Снабженные на дорогу тепло одеждой, мы, девять человек двинулись в путь на двух подводах.

При въезде в Воронцовку мы были встречены разведочными отрядами Деникинской армии, которые отнеслись к нам более человечно, чем махновцы. По просьбе местных верующих мы

остановились здесь на короткое время. Имели несколько благословенных собраний в молитвенном доме баптистов и на открытом воздухе, на базаре.

Несмотря на сильный холод, массы народа стояли часами на месте и со слезами слушали Слово Божие.

Нива побелела и поспела к жатве, везде была нужда в делателях.

Но восьмимесячная непрерывная работа, полная переживаний и испытаний, заставляла нас искать покоя. Нужно было ехать дальше.

Семнадцатого декабря мы прибыли в Золотую Балку. Местные братья упрашивали нас пробить у них хотя бы несколько дней. Но, выслушав наши просьбы и видя нас такими измученными, они согласились отпустить нас на следующее утро.

Вскоре после нашего приезда в доме верующего брата, где мы находились, собралось много народа. Не было места, чтобы стоять, люди теснились в коридоре и под окнами, все просили читать из Библии, говорить о Христе.

Это были действительно овцы, не имеющие пастыря, нуждающиеся в мире и покое. С тяжелым сердцем пришлось наблюдать за этой массой жаждущего истины народа. Наша скорбь усиливалась от сознания, что не было сил удовлетворить нужды этих людей.

Мы начали было собрание, но никто из сотрудников не был в состоянии не только петь и говорить, но даже сидеть. Все должны были лечь в постель. С большим усилием, держась за край стола, чтобы не упасть, мне пришлось произнести еще одну проповедь, но для бесед и молитвы уже не было сил. Все мы были больны, с температурой 38-39° С. Духовная нужда в этом селении осталась неудовлетворенной, да простит нам Господь! ...

Уже несколько дней, как Днепр стал, но идти по льду было еще слишком рискованно. Ширина реки в этом месте достигает полутора верст. Во многих местах остались еще полыньи, непокрытые льдом, и бегущая вода предупреждала об опасности. Несмотря на это, мы решили идти. Утомление некоторых дошло до крайнего предела, так что братья и сестры решили лучше умереть подо льдом Днепра, чем оставаться дальше в таком положении.

Пусть мой читатель не осудит нас за слабость. Мы - только слабые люди с человеческими немощами. Если бы не помощь Господа, то давно бы закончился наш труд на ниве Его. Все, что я описал здесь, является лишь слабой тенью действительности.

Рано утром 18-го декабря мы спустились с крутого берега Днепра на лед. Господь побудил одного из местных верующих, привычных к переходам, идти впереди нас. С длинной палкой, снабженной острым железным наконечником, он шел впереди, пробуя лед. Мы шли за ним на расстоянии саженей десяти один от другого, осторожно обходя слабые, еще не замерзшие места. Весь наш дорожный багаж находился за плечами, увеличивая нашу тяжесть, что делало переход еще более опасным. Жена убитого брака Я. Дика, все время мужественно переносившая с нами испытания и помогавшая в работе, держала на руках своего маленького сына.

Шаг за шагом мы продвигались вперед. На оставленном берегу стояла группа братьев, привезших нас из Мариинского, следя за переходом и моля Господа о помощи. Было установлено, что если мы утонем, они, как очевидцы нашей смерти, сообщат о том нашим больным сотрудникам, когда те выздоровеют, и передадут им наш последний привет. Если мы перейдем благополучно, они сообщат об этом сразу, как только приедут домой.

Наконец-то долгожданный и желанный брег! Наконец-то избавление! Раздалось радостное пение: "Мы у берега земного". Преклонив наши колени на снегу, мы вознесли горячую благодарность Господу.

С противоположной стороны Днепра, в едва заметной дали, братья махали белыми платами в знак радости и последнего привета.

Точно на крыльях, несмотря на болезнь, сидящую в нашем теле, проделали мы пятиверстный путь. Сознание, что мы избавились от постоянной угрозы смерти, придало нам силы.

В доме одного верующего нас встретил настоящий милосердный самарянин. Мокрое от ходьбы белье было снято с нас. Наиболее больные были вытерты оказавшимся в доме нашатырным спиртом.

Пока длился двухчасовой отдых, хозяин дома достал две подводы, чтобы отвезти нас поскорее в немецкую колонию Ольгофельд, верст за пятнадцать отсюда.

Сильный пот во время пути от берега до Рогатчика, нашатырный спирт и двухчасовой отдых сделали свое дело. Дальнейший путь от Ольгофельда на подводах был легок для нас. В тот же вечер и

на второй день было проведено несколько евангелизационных собраний, явившихся началом чудного пробуждения в пяти соседних колониях.

Так совершилось наше избавление от непрерывной смертельной опасности и притеснения со стороны махновских отрядов, в среде которых пришлось нам пробыть около двух с половиною месяцев.

Глава XI

Разные цвета, но одна внутренняя сущность

Еще весной 1919-го года разные партии спрашивали неоднократно некоторых наших сотрудников: "За кого вы стоите, кто вам больше всех нравится? Белые или красные?" На этот вопрос один из сотрудников ответил однажды следующими словами: "Если вас взять в руки, в одну красного, а в другую белого и ударить одного о другого, то звон получится совершенно одинаковый".

Эта истина частенько подтверждалась в процессе нашей работы.

Мир, разделившись на различные группировки и партии, всегда вел и ведет борьбу между собою. В то же время каждая партия ведет борьбу с Богом, со всем святым и чистым. Освободившись от черных (махновцев), нам вскоре пришлось переносить новые испытания от белых и красных.

От Ольгофельда до колонии Рикенау, где мы смогли бы иметь первый отдых в несколько дней, было около 130 верст. Пришлось ехать от одного селения к другому, проповедуя Евангелие. Некоторые из наших сотрудников были родом из Рикенау и его окрестностей и имели сильное желание опасть к родным и близким к наступающим Рождественским праздникам, но Господь судил иначе. У Него были другие планы, другие намерения... Как видно, наш путь еще не был закончен, и работа не совсем была выполнена.

Прибыв в селение Тимошевку (Запорожская область), где была довольно большая община верующих, мы при всем старании не могли найти подводы, хотя нам и оставалось ехать всего около 30-ти верст.

Здесь снова образовался фронт: белые отступали на юг, а красные шли с севера. Никто не решался выехать из дома. Верующие же никак не хотели пустить нас дальше на праздники, без того, чтобы мы не поработали в их селении.

С большой неохотой и скорбью в сердце пришлось согласиться с доводами верующих и остаться с ними на праздники, всего в нескольких верстах от наших близких. Вскоре мы должны были со стыдом признать свою вину перед Богом.

Около двенадцати лет в этой довольно большой общине не было никакого пробуждения, ни одна душа не была привлечена к Христу.

Все было мертво и сухо. Чувствовалась одна лишь христианская форма без духа жизни. И вот теперь, за несколько дней нашего пребывания здесь Господь совершил нечто великое. На утреннем рождественском собрании около двенадцати душ с глубоким сокрушением взывали к Богу о прощении, и на последующих собраниях к Христу стали обращаться все новые и новые души. Верующие ожили, пробудились от своей духовной спячки. Несмотря на сильный холод люди, шли из собрания по домам с пением духовных гимнов, останавливаясь на улицах для свидетельства о Христе.

Наконец, работа была закончена, многие души пришли к Христу, верующие были ободрены и укреплены почти непрерывными собраниями и беседами. Недоразумения были улажены, теперь мы с миром могли ехать дальше.

Оставалось всего несколько верст, но и эти последние должны были принести нам новые невзгоды. Сильные рождественские морозы быстро сменились оттепелью. Пошел дождь, дорога сделалась невозможной для езды. При всех усилиях нам не удалось доехать до Гальбштадта из-за наступившей темноты. Поздно вечером, измокшие и покрытые грязью, мы должны были остановиться на ночь в колонии Фишау у брата Гардера, работавшего с нами летом, но уехавшего раньше окончания работы.

Было часов одиннадцать вечера, когда, обогрвшись и немного обсушив одежду, мы укладывались в приготовленные братом постели.

Во дворе вдруг послышался лязг оружия, крики команды, храп лошадей... Не прошло и нескольких минут, как в дом вошло человек двадцать офицеров белой армии. Зашедшие потребовали квартиру и пищи.

Нам же приказали, чтобы мы моментально собрались и уехали из селения.

Была темная и холодная ночь. Весь район был занят отступающими и наступающими войсками, которые могли перестрелять нас при выезде из селения. Но делать было нечего. Угрожая расстрелом, офицеры повторили требование. Брат Гардер решил везти нас дальше.

Поехать в Гальбштадт не было возможности, так как все колонии по пути были заняты войсками. Намерение офицеров сводилось, как видно, к тому, чтобы подвести нас под расстрел где-нибудь в поле. Своими руками они не желали проливать невинную кровь.

Знакомый с местностью, брат Гардер, много переживший с нами за время летней работы, решил поехать в Рикенау полевыми дорогами, минуя селения.

Приближалось утро, невдалеке показались силуэты домов. "Слава Богу, - проговорил молчавший до сих пор бр. Гардер. - Надеюсь, что это Рикенау, и мы доехали благополучно".

- Стой, а то будем стрелять, - загремел впереди нас чей-то голос.

С земли поднялось несколько фигур.

"Руки вверх! Один из вас пусть идет сюда, другие же - ни с места, оставаться с поднятыми руками!" Сойдя с брочки, я пошел навстречу группе солдат. Оказалось, что это был передовой отряд наступающей Красной Армии, занявшей еще с вечера Рикенау и выставившей сторожевые посты. Один из них и встретился нам при въезде в колонию. После осмотра документов, под конвоем нескольких красноармейцев нас проводили в караульное помещение, откуда после допроса освободили на поруки местных жителей.

Утром несколько человек из нашей группы вместе с братом Реймером, у которого мы остановились, были вызваны в канцелярию командира воинской части. Начался допрос, кто мы, откуда и зачем едем и т.д. Допрос кончился тем, что там же в помещении канцелярии при собравшихся красноармейцах, мы могли иметь настоящее собрание.

Пропели несколько духовных гимнов, прочитали из библии; я произнес короткую проповедь с призывом покаяться и прекратить пролитие человеческой крови.

Так закончилась наша работа в 1919 году. В эту холодную темную ночь закончилось наше последнее путешествие и последнее испытание. Теперь некоторые из сотрудников могли отдохнуть в кругу своих родных и близких, рассказывая обо всем пережитом и испытанном, обо всем, что совершил с нами Господь.

За все время нашей работы в ней приняли участие 35 человек.

Еще в октябре месяце выехали из Екатеринослава на юг 25 сотрудников, а вернулись всего только семь человек. Все остальные остались позади. Некоторые были убиты, другие заразились тифом.

Это была тяжелая работа. Голод, стужа и дожди, невероятные преследования, телесные немощи и болезни, духовная слабость - вот условия, в которых мы должны были работать. Но Господь прославлялся всегда и везде, даже при переходе через долину смерти. Многие сотни душ были вырваны за это время из-под власти греха и пороков.

Многим из них пришлось в скором после обращения времени перейти в вечность. Призванные в последние часы своей жизни, они встречали смерть с радостью, благодаря Бога.

Все наши переживания ничего не стоили по сравнению с тем, что сотворил Господь в эти тяжелые и тревожные дни. Он послал нас как свои пожарные дружины спасти гибнущие души из пламени греховного пожара, охватившего всю страну. Правда, некоторым из нас, спасая других, пришлось пожертвовать жизнью. Но Господь говорит: "Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее". Они не умерли, но лишь сложили серпы, окончив свою работу, и вошли во славу Своего чудного и славного Господина. Вошли как победители, с триумфом, в сопровождении сонма ликующих Ангелов. Немногим в наши дни достается такой славный удел, удел страданий и смерти за Христа!

Мы же, оставшиеся, поднимем еще выше знамя Евангелия, не сложим наших серпов, пока не придет и наш переход к Господу! Там будем славная встреча со всеми, кого мы знали, с которыми делили общую участь. Увидимся там и с теми, о которых только лишь слышали и читали, которые в свое время были верны Богу до конца и в минуты изнеможения были нашими вдохновителями!

Ах, радость, радость будет там Искупленным сердцам, Где все святые без конца Поют Христу, вдали от зла.

И мы там громко воспоем, Когда свой путь пройдем!

ЧАСТЬ II

Глава I

Подготовка к новой работе - Спасение от смерти - Вторая жизнь старой Библии

Благословенный Господом организатор и руководитель "Миссии" и некоторые из наших сотрудников умерли. Одни находились в тяжелой болезни, другие были рассеяны по разным местам. Но Господь жив! В мире осталось еще много нераскаянных грешников. Нужда в работе осталась необъятно великой. Не умерло и желание оставшихся членов миссии работать дальше. Прошлые испытания не устрашили, но, наоборот, утвердили еще больше в доверии к Господу.

"Миссия крещена кровью, она не должна умереть", - заметил верующий, встретившись с одним из оставшихся работников миссии.

После приезда на юг с небольшой группой оставшихся сотрудников мне нужно было приниматься за новую работу. Время бежало быстро, еще несколько месяцев, и с наступлением весны можно было бы снова выехать на работу. Но уставшие работники должны были отдохнуть и больше углубиться в Слово Божие. Поэтому после недельного отдыха у друзей мне пришлось заняться подготовкой трехмесячных Библейских курсов.

Предполагалось пригласить новых верующих на курсы, а если укажет Господь, то и для дальнейшей работы в миссии.

Благословение Господне сопровождало и это начало. Своего помещения миссия не имела, но Господь расположил сердца многих братьев меннонитов и из трех колоний я получил предложение организовать у них курсы. При этом верующие предоставляли не только помещение для занятий, но и квартиры и продовольствие для участников курсов.

Благословенный муж Божий Адольф Реймер, много поработавший среди русского народа, дал свое согласие безвозмездно руководить курсами. Некоторые другие братья обещали служить частными лекциями.

После некоторой подготовки, переговоров и осмотра помещений была избрана для начала колония Александроталь. Впоследствии, по просьбе верующих, живущих в других колониях, пришлось перевести занятия к ним и провести по месяцу в каждой из трех колоний.

Подготовка для курсов приходила к концу, но от оставшихся за Днепром больных братьев и сестер не было никаких известий. Предполагалось, что все они должны быть на курсах. Поэтому после молитв и совещаний с оставшимися сотрудниками я решил, поехать, чтобы собрать и привезти отставших. Письменного сообщения в то время совершенно не существовало.

Стояла суровая зима. Несколько дней подряд была небывалая в этой местности вьюга. Сугробы снега равнялись по высоте с деревенскими домами, заграждая не только дороги для езды, но даже подходы к домам. Несмотря на вьюгу и сильный мороз, родители одной из сотрудниц, К. Эннс, оставшейся также за Днепром, дали своих лошадей.

Один из их сыновей решил быть моим компаньоном в поездке.

Однажды утром, заметив некоторое затишье, мы выехали из дома. Путь до колонии Ольгофельд, находившейся на расстоянии ста верст, с трудом удалось покрыть в течение трех дней. Стихшая при нашем выезде вьюга возобновилась с еще большей силой. Мы могли лишь шаг за шагом с большими усилиями пробираться вперед. В некоторых местах, не доставая ногами твердой почвы, лошади плыли по рыхлому снегу, точно по воде.

На второй день после выезда, проехав селение Белозерку, часов в десять утра мы выехали в степь. До следующего селения, Большой Рогатчик, нужно было ехать верст тридцать открытой степью. Вьюга била нам в лицо, лошади, выбившись из сил, начали останавливаться.

Они шли целый день без корма, мы тоже были голодны. Был страшный мороз, сидеть в санях было холодно, мерзли все конечности, а слезать и идти за санями, чтобы согреться, не было никакой возможности. Ноги выше колен тонули в снегу, и мы были не в силах вытащить их. Дорога для нас была незнакома, да ее и не было видно. На каком-то отрезке пути тянулись телеграфные столбы, указывая нам путь, но дальше они оказались срезанными, и мы остались среди снежной равнины и будущей вьюги.

Надвигались сумерки. Вместе с наступающей темнотой в сердце стало закрадываться сомнение о том, сможем ли мы еще спастись от неизбежной, казалось, смерти.

Стемнело. Не зная, что делать, и почти не имея сил двигаться вперед, мы тихо вызвали к Богу о скорой помощи. Выпустив вожжи из рук и свернувшись в сани, мы старались, насколько можно, защитить себя от ветра и вьюги и отдались всецело водительству Бога.

Время тянулось долго. Лошади останавливались каждые несколько шагов. Мы уже перестали их погонять. Но Господь не оставил нас и на этот раз. Неожиданно мы увидели в темноте с левой стороны какие-то темные силуэты. А через некоторое время подъехали к ветряным мельницам, указывавшим на близость какого-то селения.

Поблагодарив Бога, полузамерзшие, мы через некоторое время въехали в селение. Крестьянские хаты оказались наполовину занесенными снегом. После коротких поисков мы были приняты в один из домов довольно гостеприимными людьми.

Так закончился наш путь в этот день. Милость Господня проявилась видимым образом в нашем спасении. Если бы мы поехали дорогой, то должны были бы ехать еще верст десять. Но, перестав управлять лошадьми, которые сами свернули с дороги, мы прибыли в лежащее в трех верстах от дороги селение.

Два молодых человека, приведя нас в хату, отправились выпрягать наших измученных лошадей. С печи слезли старички, хозяйева дома, и принялись помогать нам освободиться от примерзшей к ногам обуви и смерзшейся одежды, заменив все наше своим сухим и теплым платьем и обувью. Добрая бабушка, быстро суется около плиты, приготовила нам хороший ужин. Видя любовь и заботу добрых людей, мы от всего сердца благодарили Господа.

Согретые и подкрепленные пищей, мы сидели, беседуя о Боге, в тихом семейном кругу. Два сына со своими женами и старики-родители внимательно слушали наши свидетельства о Христе. Один из сыновей на короткое время вышел и привел вскоре еще несколько человек соседей. Мы казались им какими-то странными людьми. Им за последнее время приходилось встречать массу проезжих и принимать их в своем доме. Но то были большей частью солдаты разных армий, требовательные и грабящие все, что им нравилось, Теперь же они слышали о любви, о Боге, о Евангелии.

Во время беседы, увидев лежащую на платяном шкафу толстую запыленную книгу и предполагая, что это Библия, я обратился к хозяину дома с вопросом: "А что это у вас там за книга, дедушка, для чего она лежит у вас там, на гардеробе?" "Ах, батюшка, это наша Святая Библия", - ответил старичок.

"А что же вы с ней делаете? - продолжал я. - Для чего она вам, разве она приносит пользу в доме?" "О да, мы читаем ее иногда по праздничным дням, там много хорошего написано, да мы вот мало понимаем. Наш священник тоже иногда предостерегает нас, говоря, что Библию читать вредно для мирянина. Мы со старухой уже стары читать, мое зрение сильно притупилось, а вот Павло, - тут он указал на сына, - иногда читает нам.

Да теперь уже, наверно, года два не читал, все некогда, да и лень ему, как видно. Молодым теперь свои интересы, им бы выпить и сыграть в карты или еще что".

"Ах, оставь ты, тату мы пьем не больше, чем другие и проигрываем денег, как многие, но нужно же чем позабавиться иногда", - возразил сын в ответ на укоризненное замечание старика.

Попросив разрешения и взяв с гардероба Библию, я начал читать и делать некоторые примечания и пояснения. Все собравшиеся сидели, затаив дыхание и вытянув шеи. Старичок снова спустился с печи и, подойдя к читающему, старался разглядеть сквозь запыленные очки, правда ли то, что читает приезжий человек; написано ли все это в его Библии, которая лежит у него десятки лет как мертвая книга.

Теперь она ожила, заговорила, и каждое ее слово поражало сердца слушающих. Слезы текли из глаз собравшихся мужчин и женщин.

Два человека вышли и вернулись снова со своими женами, детьми и некоторыми соседями.

"Неужели это ваша Библия? - слышались время от времени тихие вопросы соседей, обращенные к сыновьям хозяина дома.

"Да, это наша Библия", - отвечали последние, вытирая текущие из глаз слезы. - Но горе, что мы ее все время не знали. Впрочем, тише, после поговорим, будем теперь слушать!" Было уже довольно поздно, когда, сокрушенные Словом Божиим, раскаивающиеся люди разошлись по домам. А мы, уставшие за день, но благодарные Искупителю, легли на отдых на свежей сломе, разостланной на полу хаты.

Было еще темно, когда старушка разбудила нас от приятного сна.

Мы хотели уехать как можно раньше, так как утром вьюга всегда бывала тише. На столе стоял приготовленный завтрак. Все семейство также уже пробудилось, чтобы проводить нас в дальнейший путь.

Когда были запряжены наши лошади, мы простились с гостеприимными людьми. Зная, что они расходовали корм для лошадей и продукты для нас, мы хотели дать им некоторую плату. Не взяв от нас ничего, добрый старичок, рыдая, пал мне на шею, благодарил за посещение и упрашивал заехать на несколько дней на обратном пути.

"Вот уже прожил я на свете семьдесят лет, а не слышал ни от кого о моем Искупителе Иисусе. Я не знал Его до вчерашнего вечера.

Всю прошлую ночь мы со старухой провели в молитве. Мы так благодарны, что могли теперь услышать о Нем. Наши дни уже сочтены, мы оба слабые и скоро пойдем туда, домой. Раньше не хотелось идти, не знали, что там нас ждет, мучили соделанные грехи. А теперь, теперь мы ушли бы сейчас же! Мы знаем, что Он Сам нас там встретит. Слава Ему за все!" Все семейство и некоторые из соседей провожали нас, стоя на улице, пока не скрылись за сугробами снега. Словно мы были для них самыми близкими и давно знакомыми людьми.

С болью в сердце пришлось проезжать в это утро по громадному селению, имеющему двенадцать верст в длину, населенному многими тысячами людей, не слышавшими никогда в своей жизни о Христе Иисусе.

Нива побелела по всей нашей родине, везде видна нужда, сильная жажда. Да пошлет Он, милостивый Господь, нужное количество своих делателей.

Во всех селениях, где приходилось останавливаться на ночь во время этой поездки, люди слушали Слово Божие, отдавались Господу, обещали служить Ему Одному. Все, оставленные в этой местности больные сотрудники и сотрудницы были найдены выздоровевшими. Некоторые уже работали для Христа, устраивали собрания.

Некоторые еще выздоравливали, но уже достаточно окрепли и чувствовали себя бодрыми, чтобы отправиться в путь.

Еще по пути за Днепр, остановившись на ночь в Нижнем Рогатчике, мы имели благословенную беседу о Христе с собравшимися людьми. Один молодой человек, слушая Слово, обратился тогда к Христу.

Этот 20-летний юноша был настоящим ужасом для своего селения и всех окрестностей. Имея в своем подчинении небольшой отряд махновцев, он производил грабежи и опустошения.

Теперь на обратном пути мы снова остановились здесь на ночь.

Хотелось собрать людей и засвидетельствовать им о Христе. Но стояли сильные морозы, снова началась вьюга. Мы были опечалены.

Увидев наше огорчение, наш молодой друг заявил: "Будьте готовы вечером свидетельствовать о Христе, все селение будет на собрании, холод и вьюга не помешают". С этими словами он вышел, оседлал своего бывшего боевого коня и куда-то уехал. Мы не знали в чем дело и как смогут люди собраться в такую погоду.

Приближались сумерки, за окном продолжала бушевать вьюга.

Но мы заметили, как люди, кутаясь в шубы, пробирались по снегу группами и поодиночке и проходили мимо дома, в котором мы находились.

Через некоторое время прибыл наш друг.

"Все готово, - заявил он, входя в хату и стряхивая снег с одежды.

- Кто из вас достаточно здоров и не боится холода, пойдёмте со мною".

Довольно большое помещение, приготовленное для собрания, было переполнено людьми. Оно было не отоплено, но от массы стоящего народа становилось тепло. С трудом пробирались мы сквозь толпу к приготовленному для нас месту. Сердце занимал вопрос, как могли люди так быстро собраться в такой холод?

Наше недоумение вскоре выяснилось. После пения нескольких духовных гимнов и горячей призывной проповеди молодой друг просил разрешить ему сказать несколько слов.

"Вы знаете меня, как зверя в образе человека, - начал он, обращаясь к собравшимся. - Да, я был хуже зверя. Вы боялись моего появления на улице. Сегодня, когда я ехал на коне по селению и просил придти на это собрание, никто не отказал, несмотря на вьюгу и холод.

Я знаю, что вы сделали это из страха.

Но знайте, что на этот раз я просил вас собраться не для того, чтобы требовать от вас ваше имущество или угрожать расстрелом.

Вы видите, что вокруг меня нет уже больше моих бывших товарищей, вооруженных с ног до головы. И я также без оружия, оно мне больше не нужно, оно уничтожено мною. Я нахожусь здесь среди людей, читающих нам о Христе, о Его любви к людям.

Узнайте же, что три дня тому назад двое из этих людей ночевали в нашем селении, они говорили нам о Христе. Я пришел, чтобы посмеяться над ними, но Господь коснулся моего сердца, и я обратился к Нему. Отныне я уже не жестокий махновец, а ученик и последователь Христа. И вот сегодня, стоя перед вами и сознавая, как много причинил я всем зла, прошу вас, простите меня. Дьявол владел моим жестоким сердцем, и я не знал, что делал. Но Христос простил меня, как разбойника на кресте.

Простите и за сегодняшнее беспокойство, но я решил собрать всех не для того, чтобы требовать от вас, как раньше, ваш хлеб, скот и одежду, но чтобы просить у вас прощения. К тому же сегодня такой чудный случай, и мы можем слушать Евангелие о Христе!" "Господь тебя простит, и мы прощаем", - слышалось из толпы несколько голосов.

Собрание продолжалось пять часов непрерывно. Было уже поздно, но люди со слезами раскаяния слушали Слово Божие. Многие в этот вечер отдали свои сердца Богу. Многие после собрания целовали своего бывшего врага и тирана, а теперь брата во Христе.

Часов в двенадцать мы возвращались на квартиру. Бушевала метель, снег лез за ворот одежды, в каждую дырку и, растаяв на теле, маленькими слезинками стекал вниз. Сопровождаемые новообращенными, мы шли, радуясь и прославляя Бога. Ветра и глубокого снега как будто не существовало. В душе царил свет, мир и тишина. Слава за все Иисусу, творящему тишину и укрощающему бурю в сердце.

После двухнедельного путешествия я собрал с Божией помощью всех сотрудников, и мы благополучно возвратились на место, предназначенное для устройства Библейских курсов.

Глава II

На Фаворе у ног Христа

После пережитого и испытанного за время работы начавшиеся в феврале Библейские курсы стали для всех сотрудников настоящим фавором. Здесь все чувствовали себя в тишине, в уединении у ног Иисуса, все углублялись в чистые источники Его Слова.

Несмотря на то что перенесшую болезнь и слабости, никто из братьев и сестер не пожелал остаться дома при родных, все собрались для изучения Библии. Сверх предполагавшихся вначале тридцати участников на курсах оказалось 53 человека. Некоторым пришлось отказать за неимением возможности подыскать большее помещение для занятий.

Вскоре после открытия курсов из Москвы прибыл брат Михайлов, который был оставлен там еще Я. Я. Диком. Он вместе с сестрой Л., пожелавшей трудиться в миссии, суровой зимой совершил путь от Москвы на лошадях и пешком, пробираясь от одного селения до другого. Всюду они устраивали собрания. Господь обильно благословлял распространяемое Слово, и многие души находили мир с Богом. Их путешествие продолжалось несколько месяцев.

Теперь после работы все могли отдохнуть, прославляя Господа за все Его милости и чудное водительство.

Во время Библейских курсов при разборе Священного Писания у преподавателей возник один серьезный вопрос, по поводу которого пришлось много молиться и еще больше вникать в Слово. Этот вопрос заключался в следующем: "Могут ли на основании Св. Писания сестры работать в миссии или вообще в Церкви наравне с братьями?" Был исследован Ветхий и Новый Заветы, и на основании всех мест из Священного Писания мы выяснили ту роль, которая предназначена для женщин Богом, и какую она занимала в первохристианской церкви и при жизни нашего Господа.

Заключение произнесли сами учащиеся на курсах сестры. Основываясь на Слове Божиим и на прошлом опыте, они заявили следующее: "Евангелизационная работа в смысле проповеди является для сестер своевольным служением, не основанным на Слове Божиим.

А всякое своевольное служение, как оно ни привлекательно с человеческой точки зрения, не угодно Богу".

Правда, наши сестры и прежде, работая вместе с братьями в миссии, исполняли другие обязанности, не проповедуя. Для них было всегда достаточно работы по уходу за больными и бесед с женщинами и детьми. Они помогали в пении и молитвах. Вообще они исполняли ту работу, которая указана Святым Духом и Словом Божиим. О, если бы каждый член церкви исполнял то, что ему назначено от Бога!

Дух антихриста, извращая установления и законы Бога, в наши дни распространяется так усиленно, что им заражается и церковь.

Церковная кафедра становится нередко местом распространения идей антихриста. Да сохранит наш Господь Своих чад от этого зла!

В продолжение всех занятий на курсах все братья и сестры каждое воскресенье разбивались на небольшие группы и ездили или шли пешком по окрестным селениям для привлечения душ к Христу. Таким образом, благословения, получаемые участниками при исследовании Писания, в то же время широкой рекой текли по всей окрестности и приносили много радости для жаждущих истины сердец.

Глава III

Снова на работе - Господь делает возможным невероятное

Приближалась весна 1920 года, когда вновь можно было начать активную и широкую евангелизационную работу. Но бушевавшая все время гражданская война не прекращалась. Экономическое положение в стране ухудшалось с каждым днем. Передвижение по железным дорогам сделалось невозможным. Подвижной состав железных дорог был разбит и поломан. Едва поддерживалось товарное движение и лишь иногда шли пассажирские поезда особого назначения.

Передвижение на подводах от селения к селению, как это мы делали прежде, также затруднялось все больше. Всюду разъезжали партизанские отряды, да к тому же у крестьян почти не оставалось лошадей, так как каждая приходящая и уходящая армия забирала последних.

В связи со всеми этими затруднениями по окончании курсов смогли выехать только две небольшие группы, одна из которых была назначена в тамбовскую губернию для работы в большой палатке. Вторая должна была перевезти палатки и литературу из Москвы в центр Миссии и работать на Украине. Несмотря на все трудности и многие лишения, Господь помогал и благословлял и в этом году работу выехавших.

Для перевозки палаток и литературы в центр нужно было поехать в Москву и Петроград. До Харькова трем братьям удалось доехать на паровозе, механиком которого был знакомый верующий, но дальше ехать не было никакой возможности. Трое суток мы просидели в Харькове, обегали все учреждения, испробовали все доступные для верующих средства, но разрешения на поездку не получили. Везде нам отказывали, ибо разрешалось ехать только по государственным служебным делам или военным чинам с различными командировками. Правда, мы имели миссионерские командировки, но нам везде заявляли: "Вас с вашими командировками нужно уничтожать, а не разрешать ездить на пролетарских поездах. Они нужны для блага народа, а не для людей, сеющих дурман".

Наконец, на четвертый день Господь вразумил меня обратиться к военному коменданту станции, в распоряжении которого находились вагоны особого назначения для чинов армии, ехавших с различными штабными, секретными документами. Было нереально получить разрешение на поездку в таком вагоне, но это была последняя неиспробованная возможность.

Зайдя в кабинет коменданта и предъявив свои миссионерские бумаги на предмет командировки, я получил разрешение поехать в штабном вагоне с первым отходящим поездом. При этом для всех троих пассажиров были даны плацкарты со спальными местами до самой Москвы.

На пятый день нашего пребывания в Харькове мы сели в поезд.

Сердца были наполнены благодарностью Богу. Мы еще раз увидели, что самое невероятное Он может превратить в возможное. Через несколько минут пришлось убедиться, что с естественной точки зрения для нас не было никакой возможности ехать в этом вагоне.

Брат Михайлов, не пропускавший никакого случая, чтобы засвидетельствовать о Христе, быстро нашел предлог для беседы с находившимися в вагоне различными чинами Красной армии. Вдруг до моего слуха донеслись раздраженные голоса из соседнего купе: "Среди нас находятся люди, которые не имеют никакого отношения к армии вообще, а не только к ее штабу. Они, скорее наши враги,

контрреволюционеры. Как могли они сюда попасть?" С этими словами обратился один из едущих к своим товарищам.

"Ничего, товарищ, - успокаивали его другие. - Комендант знает, кому дает разрешение. Кто знает, зачем они здесь и кто они, лучше их не трогать".

Чтобы не раздражать едущих и не лишиться данной Господом возможности для поездки, пришлось прекратить всякие беседы. К тому же мы все страшно устали и нуждались в покое.

"Да придет Царство Твое, Господи! - мысленно молились мы. - Тогда все средства передвижения будут употреблены для блага живущих на земле, а не для уничтожения друг друга, как это делается теперь на нашей родине!" Не имея права на поездки в поездах, мы сознавали, что наше дело важнее, чем у этих сотен и тысяч людей, едущих с целью разрушения страны и уничтожения друг друга, с целью пролития потоков братской крови. Мы ехали с целью спасения бессмертных душ и помощи ближним.

* * *

Месяца через полтора мне снова пришлось совершить тот путь, на этот раз одному. Господь показал вновь, что для Него нет ничего невозможного и что Он готов помочь всегда, когда мы ожидаем от Него помощи.

После работы в Москве и Петрограде, получив вагон для палаток и литературы, я оставил братьев Михайлова и В. для погрузки багажа в вагон и должен был возвратиться на юг.

Прошлая зима сильно отразилась на состоянии моего здоровья.

Совершенно простуженный, превратившись от ревматизма в калеку, я должен был поехать в Славянск для лечения.

Прошло несколько недель, а палаток и литературы не было. От оставшихся в Москве братьев не поступало никаких известий. Между тем они должны были приехать вслед за мной через неделю или две. Наконец один из знакомых железнодорожных служащих сообщил мне, что он слышал, будто братья Михайлов и В., ехавшие из Москвы, расстреляны на одной из станций недалеко от Курска, а палатки, литература и все другое забрано властями. Для проверки этих слухов необходимо было поехать лично. Вероятность подобных слухов подтверждалось еще тем, что во время пребывания в Славянске меня в один прекрасный день совершенно неожиданно и неизвестно за что арестовали и отправили в ГПУ. Там меня подвергли строгому допросу и тщательно пересмотрели мои вещи и документы.

На вопрос о причине моего ареста следователь ответил: "Это было нужно, но здесь произошла некоторая ошибка". После допроса я был освобожден, но в сердце остался вопрос, не находится ли этот арест в связи с появившимися слухами о расстреле моих сотрудников.

До Харькова удалось доехать благополучно, но здесь явилось новое препятствие. Отряд матросов, ехавших на север, потребовал для себя мест в отходящем поезде, в котором я имел разрешение ехать. Началась проверка документов, всех едущих по маловажным причинам лишали права на поездку.

Сознавая, что меня обязательно задержат, я обратился в молитве к Господу, прося о Его помощи и защите. По одному человеку пассажиры проходили на перрон. Агент ГПУ и матрос проверяли документы. Увидев мою миссионерскую командировку и разрешение на поездку, матрос пришел в настоящую ярость. "Ах, вот как, различные святые ездят здесь на пролетарских поездах, а мы, матросы, защитники рабочего класса, должны по неделям сидеть на станции голодными? Хороши порядки, нечего говорить. Расстрелять всех их нужно, перевешать на телеграфных столбах, а не возить на поездах", - кричал он, выходя из себя. Между двумя контролерами начался спор. Постояв с минуту между спорившими, я спокойно прошел на перрон, оставив их разбираться, кто имеет право ехать, а кто нет.

Подойдя к стоящему на путях поезду, я снова пережил разочарование. Вагон, в котором мне разрешалось ехать, был совершенно переполнен. В нем негде было стоять. От табачного дыма и едкого запаха пота и пыли нечем было дышать. Из выбитых окон вагона неслись проклятия, ругательства и стоны.

"Воздуха, задыхаюсь, выпустите из вагона!" Стояла страшная жара, и спящие по перрону люди также обливались потом.

Раздался первый, затем второй звонок, извещавшие о скором отходе поезда, а я, как и многие другие, все еще ходил от одного вагона к другому. Начальник поезда разрешил мне поместиться на

площадке вагона уже перед самым отходом. Но, чтобы не вызвать возмущения других, охранявшие поезда предложили мне полезть на крышу вагона. Это было немного рискованно, но стража уверяла, что там будет много лучше, чем в переполненном вагоне. В данном случае они оказались правы.

Наконец поезд тронулся. Вначале было жутко лежать на крыше при движении поезда, но вскоре пришлось убедиться, что советовавшие ехать на крыше были правы. Пассажирский поезд шел плавно, не было заметно никаких толчков. Предав себя в молитве в руки Господа, я разостлал одеяло и улегся между двумя трубами вентиляторов.

Был чудный, теплый вечер. Небо было усеяно мириадами ярких звезд. От движения поезда веял прохладный ветерок. Смотря на усеянное звездами небо и припоминая, что "любящим Бога все содействует ко благу", я от всего сердца благодарил Бога за истину, оправдавшуюся и в данном случае. Эта поездка на крыше была великим благом по сравнению с пребыванием в душном вагоне, наполненном табачным дымом и руганью.

Предав себе охране Господа и чувствуя над собою Его руку, я уснул спокойным сном и проснулся, когда поезд подходил к Курску.

Здесь появились новые затруднения. Ночью на крыше было приятно, но теперь поднявшееся высоко солнце начало нагревать все больше и больше железную крышу. При этом стоящая внизу охрана поезда заявила, что в Курске будет осмотр и на крыше ехать не разрешат.

Отстать от поезда значило сидеть неделями на станции, ожидая очереди для дальнейшей поездки или совсем лишиться возможности продвинуться дальше. Но Господь позаботился обо мне и тут.

В Курске сошло несколько пассажиров, освободив, таким образом, несколько мест. Несмотря на то, что на каждое освободившееся место было по сотне кандидатов, ожидавших подобного случая несколько дней, военный комендант станции предоставил одно из мест мне, как едущему на крыше.

Снова невероятное превратилось в возможное. Во время страшной жары и духоты в вагоне Господь дал мне возможность ехать на свежем воздухе, любоваться чудным звездным небом и прославлять Его величие и силу. Когда же наступила жара, и на крыше оставаться было невозможно, Он снова послал мне место в штабном вагоне, где было свободно и можно даже было занять отдельное спальное место.

Эти два случая из десятков других приведены мною здесь как наглядная помощь Господа. Он действительно носит Своих детей как бы на орлиных крыльях. Даже самых отъявленных врагов Он делает орудием помощи для Своих слуг. Да будет Ему слава за все!

Слухи о расстреле двух сотрудников Миссии и отобрании палаток оказались ложными. Через некоторое время все было привезено в центр и использовано для славы Господа. Задержка произошла из-за работы в Петрограде и Москве, где братья В. и Михайлов имели целый ряд благословенных собраний.

Глава IV

Для Слова Божия нет уз - Еще двое пожали свои нивы и ушли на покой

Группа, прибывшая в тамбовскую губернию для работы, испытывала большие сложности. Палатки на месте не оказалось. Оставленная там еще в 1918 году, она была забрана проходящими войсками генерала Мамонтова из армии Деникина.

Местность была поражена сильным голодом, и достать продукты для работников не было никакой возможности. То, что было взято ими с места, из центра Миссии, было украдено во время поездки по железной дороге.

Несмотря на все эти неудачи и затруднения, маленькая группа начала работу без палатки, не обращая внимания на недостатки и нередкие голодовки. Господь обильно благословлял их труд. Души обращались к Христу, и это было самое великое вознаграждение в работе. Это давало силы переносить все лишения.

Через некоторое время вся группа, за исключением брата Д., который находился в другом месте, была арестована властями и посажена в городе Козлове в тюрьму. Две недели им пришлось пробыть за решетками тюремных камер.

Но и в этом была видна рука Господа и Его водительство. В тюрьме были души, которые должны были услышать о спасающем Иисусе. "Для Слова Божия нет уз", - говорит Писание. Эта истина подтвердилась и теперь.

Мрачные стены тюрьмы огласились пением духовных гимнов.

Вначале стража и тюремное начальство строго запретило арестованным петь и говорить с другими заключенными, но через три дня в тюрьме уже проходили настоящие собрания. При этом как служебный персонал, так и арестанты со вниманием слушали Слово Божие.

Через несколько дней жители прилегающих к тюрьме кварталов стали приходить к тюремным стенам, чтобы слышать несущиеся из тюрьмы пение и проповедь о Христе.

Помимо сырых и тесных тюремных камер, заключенных мучил сильный голод. Кроме кипяченой воды и одной четверти хлеба в день заключенные ничего не получали. Но Господь чудно заботился о своих слугах. Он посылал некогда пророку Илии пищу через ворона, и Он же нашел пути, чтобы дать голодным хлеб.

Однажды братьям было передано несколько фунтов хлеба, за который они от всего сердца благодарили Бога.

Приходящие к тюремной стене городские жители были тронуты всем слышанным. Несмотря на сильный голод, в городе нашлись люди, которые послали этот дорогой подарок с запиской: "Поющим и говорящим о Боге".

Оставшийся на свободе бр. Р., узнав о заключении своих сотрудников, возбудил ходатайство об их освобождении. После двухнедельного пребывания в тюрьме или, правильнее сказать, после двухнедельной работы среди заключенных, все были освобождены.

По выходе из тюрьмы братья приехали на юг. Некоторые разъехались по домам, проповедуя Евангелие каждый в своей местности.

Голод и частые преследования делали работу невозможной.

Несмотря на сильную нужду в жнецах на побелевшей необъятной ниве, Господь снова отозвал двух из работников "Палаточной миссии".

В скором времени после приезда из Москвы с палатками и другим имуществом Миссии заболел брат Михайлов, заразившись в дороге возвратным тифом. Уставший от всех переживаний, организм не в силах был бороться с суровой болезнью, и брат тихо перешел в вечность к своему Искупителю.

Будучи с детства физически искалеченным, Михайлов обладал замечательной памятью и выдающимся ораторским даром. Обратившись к Господу, он посвятил Ему на служение все свои дарования и много поработал для спасения гибнущих душ. Самые закоренелые атеисты не оставались равнодушными после его сильных и убедительных проповедей. Несколько лет он работал как проповедник Всероссийского Союза Баптистов. Будучи приглашен братом Я. Диком, он всецело отдался работе в "Палаточной миссии". Смерть настигла его во время работы, и он вошел в покой прямо с нивы.

В это же время оставленный для работы на юге брат Шафран был убит в селении Черниговка, около Бердянска.

Несколько дней прошло в благословенной работе в этом селении, души приближались к Господу. Но сатана строил козни, чтобы помешать дальнейшей работе брата в этой местности.

Однажды, выйдя из своей временной квартиры, бр. Шафран направился посетить одного жаждающего истины человека. В селении в это время был расквартирован отряд, состоявший из офицеров армии Врангеля. Пройдя небольшое расстояние, брат услышал позади себя голос: "Вот он, нам как его-то и нужно!" Оглянувшись, он увидел несколько подъезжавших к нему всадников.

"Стой, ни с места, - прокричал один из едущих. - Ты кто такой, что делаешь здесь, кто послал тебя сюда?" "Я человек, которого послал Господь для проповеди Евангелия всем грешникам, чтобы они обратились всем сердцем к Нему и перестали причинять зло друг другу", - ответил скромный раб Христа, с любовью смотря на вопрошавших.

"А, так ты проповедуешь людям Евангелие покаяния, хорошо же, мы послушаем тебя", - с этими словами отряд спешил и окружил брата. Расположившись вокруг, офицеры потребовали, чтобы он читал им Библию. С радостью исполняя это требование, он открыл Библию и начал читать и свидетельствовать о Христе.

Собралось много народа, брат продолжал свой призыв обратиться к Христу. На лицах окружающих его военных видна была злая, ироническая усмешка.

"Довольно, - приказал вдруг начальник отряда, грубо обращаясь к брату и прерывая его чтение. - Мы должны тебя обыскать. Что в твоей сумке и карманах?" Начался обыск и осмотр всех находящихся при нем вещей...

Стоящие вокруг крестьяне начали протестовать.

"Оставьте этого человека, он никому не делает вреда, освободите его! - просили они.

"Убить его нужно, возмутителя православных христиан. Он пришел совращать людей в штунду, - кричали другие. - Расправьтесь с ним по-военному, господа офицеры, не дайте в поругание матери православной церкви, в которую вы и отцы ваши верили всю жизнь.

Посмотрите, ведь он еврей, а сам проповедует Христа, видно, что он обманывает народ".

"Это шпион, коммунистический шпион, - кричали некоторые яростные защитники православия. - Убить его, совратителя".

"Какой он шпион, господа офицеры, он вот уже несколько дней, как находится в нашем селении, и никто от него ничего не слышал, кроме проповеди и бесед о Боге и о Христе. Зачем напрасно обвинять невинного человека, освободите его, пусть идет с миром своею дорогой. Он ведь ничего не говорит против православия и даже не упоминает о нем".

"Да, лучше освободить, - заявили некоторые из офицеров. - Какое преступление, если человек читает и проповедует другим Евангелие".

"Я сейчас освобожу его, - заявил делавший допрос, вынимая шашку из ножен. - Расступитесь, господа офицеры!" "Господи, прости им", - успел произнести слуга Христа.

"Ах!" - выдохнула толпа.

"Изверг!" - произнес чей-то голос.

С разрубленной головой, как подкошенная былинка, упал бр.

Шафран на землю, обогрив ее кровью. Ударив еще несколько раз и вытерев окровавленную шашку об одежду своей жертвы, убийца сел на коня и уехал. За ним последовали другие.

Так умер еще один из верных и преданных свидетелей Христовых. Умер с неоконченной молитвой на устах.

Брат Шафран обратился всего два года назад, во время посещения нами Екатеринослава, незадолго до смерти первой группы наших сотрудников он присоединился к нам.

Верующие евреи в Екатеринославе спрашивали его: "Надолго ли ты, брат Шафран, идешь в Миссию?" Он скромно отвечал: "Иду, пока мой Господь не возьмет меня к Себе".

И вот теперь Он взял его! Во время работы он перенес тяжелую болезнь, заразившись тифом. Немного оправившись, он начал опять трудиться для Христа. Будучи от природы физически слабым, он без ропота переносил все тяжести и неудобства работы среди русских селений. Всегда тихий и скромный, он никогда не пропускал случая свидетельствовать о своем Искупителе. О нем вполне можно сказать, что он любил Иисуса всем сердцем.

"Да пошлет Господь замену уходящим сотрудникам", - молились остальные члены Миссии, услышав о смерти брата.

Глава V

Снова открытая дверь

Работники "Палаточной миссии" один за другим тихо уходили к Пославшему их Господину. Новой замены не было; мало кто решался путешествовать в такое тяжелое и тревожное время. Материальные затруднения росли с каждым днем. Забота о насущном хлебе для своих семейств и царивший по всей стране голод также оторвали некоторых семейных братьев от активной постоянной работы. Оставшиеся иногда маленькими группами, иногда поодиночке продолжали нести Евангелие нуждающемуся и жаждущему народу.

Работа "Миссии" начала постепенно затихать. Но Господу угодно было продлить существование миссии еще некоторое время, и Он снова открыл двери для широкой работы.

Осенью 1920 года гражданская война утихла, по всей стране утвердилась единая Советская власть. Грабежи и убийства со стороны различных партий немного прекратились. Надеясь теперь развернуть работу более широко, я обратился к центральной власти за разрешением для официальной работы Миссии по всей стране.

Десять дней пришлось бегать из одного учреждения в другое.

Одни, прочитав заявление и посмотрев устав, желали успеха в работе, но не считали себя вправе зарегистрировать Миссию. Другие, не просмотрев до конца заявления и устава, бросали его мне обратно со словами: "Надо вас отправить в ГПУ и расстрелять, как контрреволюционеров, а не давать разрешение для подобной деятельности!" ...

В эти дни пришлось переживать великое благословение и помощь Господа. Чувствовалась особая сила молитвы других детей Божиих за меня и совершаемое дело. Вместе с бр. Бородиным, предоставившим мне временно квартиру в своем доме, мы преклоняли колени и в горячих молитвах открывали перед Богом наши души.

Недавно свергнутая царская власть считала верующих революционерами, преследовала их и ссылала в отдаленные края. Пришедшая же на смену старой, называющая себя народной властью считает теперь этих же верующих контрреволюционерами и угрожает тюрьмами и расстрелам!

Однажды утром, когда бр. Бородин ушел на службу, я остался в своей комнате. Прежде чем пойти к властям, я снова преклонил колени в молитве. Встав после молитвы, я был сильно удивлен. Позади меня стояла на коленях, подняв взор к небу, 90-летняя старушка, мать хозяина дома.

"Простите, родимый, что я нахожусь здесь, но я знаю, как тяжело вам в эти дни. Каждый день, когда вы уходите, я часами стою на коленях в молитве за вас и за это дело. Я думала: быть может, раб Христа стоит теперь перед властями, вот и молилась. Сегодня не вытерпела, зашла в вашу комнату, хотела помолиться вместе. У вас сегодня будет, наверно, очень тяжелый день. "Молись, помоги в молитве! - твердит мне сегодня какой-то внутренний голос.

С глубокой благодарностью Богу слушал я слова престарелой служительницы Христа, стоявшей за меня в молитвах все эти дни.

Для меня становилось теперь ясным, почему день тому назад председатель губисполкома Антонов, взявший уже телефонную трубку со словами: "Я сейчас вызову агента ЧК и прикажу ему поговорить с вами на их языке", - изменил свое намерение.

Ободренный и укрепленный Господом, я отправился в этот день для новых ходатайств и переговоров. Молитвы были услышаны, Господь помог.

Представленный на рассмотрение властей устав Миссии был зарегистрирован народным Комиссариатом Внутренних Дел в Харькове. Этим открывались широкие двери для дальнейшей работы. Миссия имела право:

1. Разъезжать по всем городам и селениям страны, устраивая в собственных палатках, в предоставленных помещениях и на открытых местах собрания с чтением лекций, рефератов, пояснением Евангелия и бесед религиозного характера.

2. Оказывать содействие Наркомздраву и его местным органам в деле оказания медицинской помощи населению.

3. Посещать ночлежные дома, народные столовые, больницы, вокзалы, пристани, парки и все другие общественные учреждения с целью проповеди Евангелия.

4. Оказывать содействие органам Наркомпроса в деле устройства общеобразовательных школ для детей и детских домов.

5. Оказывать содействие органам Наркомсобеса в деле устройства приютов и других подобных учреждений.

Все эти и некоторые другие права были утверждены за миссией центральной властью. Начался снова подъем в работе, открылись большие перспективы на будущее.

В скором времени пришлось особенно благодарить Бога, что Он дал возможность узаконить труд миссии.

Прямо из Харькова я поехал на юг, где находились остальные сотрудники и большинство друзей Миссии. Около шести месяцев эта местность была фронтом. Теперь армия Врангеля была разбита, и местность освобождена.

По всем русским и немецким селениям были расквартированы войска Красной армии.

Остановившись на короткое время в колонии Тигенгаген, я начал устраивать собрания. Среди посетителей первого собрания было много солдат. Господь являл Свою силу. После собрания продолжались долгие беседы со слушателями, были розданы религиозные трактаты. Многие просили меня назначить собрание и на следующий день.

Было около часа ночи, усталый от недавней поездки и работы прошлого дня, я только успел заснуть, как в двери дома раздался сильный и настойчивый стук. Через несколько минут в мою комнату вошло несколько вооруженных солдат. Пришлось поскорее встать и встречать непрощенных гостей.

"Вы тот человек, который днем проповедовал в молитвенном доме? Ваша фамилия Астахов? - обратился ко мне начальник группы.

"Да, это моя фамилия, и я проповедовал днем, а также назначил собрание на завтра", - ответил я.

"О завтрашнем дне поговорим потом", - сердито проворчал допрашивавший. - А кто снабжал солдат и других людей вот этими штуками?" При этом он положил на стол одну из раздаваемых мною брошюр под заглавием: "Пшеница или солома?" "Да, это моя брошюра. Но в чем же дело, мой друг, чего вы хотите от меня так поздно ночью?" - спросил я снова.

"Дело в том, что вы арестованы. Одевайтесь и следуйте за мною в штаб. Мы должны расследовать, кто вы и в чем заключается ваша деятельность. Вы контрреволюционер. Кто, по-вашему, эта солома, которая должна быть сожжена огнем неугасимым? А кто пшеница? А? Вы думаете, мы не знаем? Ведь это мы, пролетариат, по-вашему, солома и будем гореть в вечном огне. А все буржуи, все белоручки - пшеница, которая будет в раю с Христом? Не так ли?" Пригласив присесть все еще стоявших с оружием в руках красноармейцев, я открыл Евангелие от Матфея (3:12), на основании которого написана брошюра и объяснил им, кто подразумевается под пшеницей и кто - под соломой.

"Так что Бог смотрит не на экономическое состояние или классовую принадлежность людей, но на состояние сердца. Он делит людей не на богатых и бедных, но на праведных и грешных. Если кто живет в грехах, идет против воли Бога, тот солома, и не избежать ему участи, изложенной в Евангелии и в этой брошюре. Но Христос хочет и может всех живых людей сделать пшеницей, если они покаются в своих грехах. Это не мое определение, это определение Божие. Если же вы при чтении этой брошюры увидели, что вы представляете собою солому, то обратитесь к Христу сейчас же, в этот момент, и Он простит вас. Отдайте Ему ваши сердца. Быть может, мы теперь помолимся?" - предложил я в заключение.

Пришедшие сидели молча...

"Нет, товарищ, я благодарю вас за все, что я сегодня от вас слышал, но молиться мы не умеем. Я все же имею приказ арестовать вас и доставить в штаб для расследования. Вам придется пойти с нами", - заявил, уже как бы извиняясь, начальник.

Достав из своих бумаг недавно зарегистрированный в центре устав "Миссии", я подал его допрашивающему.

"Надеюсь, мой арест будет теперь не нужен, - обратился я снова, когда он подал устав обратно. - Вы видите, что я работаю на законных основаниях, с ведома центральной власти. Все же завтра я сам приду в штаб и дам нужные объяснения, если они нужны".

- Хорошо, это вас спасет от многого. Вы можете остаться на квартире, а я возьму ваши документы, и вы завтра придете в штаб.

Утром я явился в штаб и понял, что благодаря зарегистрированному уставу Господь спас от неминуемой опасности меня и многих верующих, помогавших в устройстве собраний в раздаче брошюр в этой колонии.

Оказалось, что это был штаб полевого военно-революционного трибунала, который заведовал всевозможными разведками и беспощадно расправлялся со всеми, кто оказался в чем-либо подозрительным для них.

После собрания упомянутая мною брошюра была доставлена следователю. Ее быстро прочитали и признали контрреволюционной.

Последовал приказ о моем аресте. Когда я пришел в штаб, на столе перед следователем лежала моя брошюра и данное мне разрешение из Харькова на деятельность Миссии. Решение, как видно, было уже вынесено до моего прихода на основании документов и вчерашней беседы с одним из членов трибунала и помощником следователя.

"Не будь у вас этой бумажки, товарищ, сегодня вы были бы у нас пущены в расход", - заявил мне следователь, указывая на устав.

Поблагодарив за откровенность, я обратил его внимание на содержание брошюры и на те истины, которые в ней изложены. Собрались все члены трибунала и человек двадцать охраны. Около двух часов пришлось вести с ними беседу о Христе. Господь действовал, враги превратились в друзей. На глазах многих были слезы раскаяния. В начале то один, то другой из коммунистов задавали вопросы, но потом все умолкли и внимательно слушали.

Беседа была нарушена обедом. После обеда с разрешения начальника трибунала я снова мог иметь собрание в молитвенном доме в Гигенгагене, на котором присутствовали почти все члены и стража трибунала.

Наступившая зима прошла в благословенной работе для Господа.

Отдельные братья, снабженные законными полномочиями от имени "Миссии", ходили из одной местности в другую, проповедуя Евангелие и распространяя духовную литературу, которую миссия имела в достаточном количестве, несмотря на сильный литературный голод по всей стране.

Глава VI

Господь охраняет от врагов - Работа и трудности

Революция и гражданская война, продолжавшаяся несколько лет и приведшая страну к разорению и сильному голоду, принесла с собою и литературный голод. Особенно чувствовалась нужда в книгах Священного Писания и в религиозной литературе. Власть стремилась уничтожить, прежде всего, типографии и склады духовной литературы. Все запасы были конфискованы властями, нового же в религиозном духе печатать не разрешали.

Еще перед уничтожением религиозной литературы Миссия смогла запастись ею в довольно большом количестве. При ликвидации единственного в России христианского издательства "Радуга" (в городе Молочанск Запорожской области) все запасы духовной литературы самими же властями были переданы в распоряжение "Палаточной миссии".

Этот случай снова показал, что Господь оберегает от врагов то, что должно послужить для Его славы. Все ценное из типографии "Радуга" вывозилось на другие склады либо расхищалось. Склад литературы был опечатан в ожидании распоряжения из центра.

Местный председатель исполкома, коммунист Глазов, один из оставшихся в России венгерских военнопленных, стремился всеми силами и как можно скорее получить разрешение на уничтожение религиозной литературы. Бывшие владельцы типографии, видя неизбежную гибель того, что было приготовлено для славы Господа, обратились ко мне с просьбой спасти литературу и распространить ее, если возможно, в народе.

После молитв перед Богом и ходатайств перед властями я, наконец, имел на руках разрешение забрать всю имеющуюся на складе "Радуга" литературу. Из уездного исполкома был послан представитель власти для снятия печати. Но здесь пришлось выдержать последний натиск сатаны. Если бы разрешение было получено часа на два позже, вся литература была бы уничтожена.

Через несколько минут после удаления печати с дверей явился Глазов и заявил протест.

"Вам кто дал разрешение ворваться в государственное помещение и наложить руки на рабоче-крестьянское имущество? Вы защищаете бывших буржуев, владельцев скопленного народным трудом богатства. Вы все, проповедующие Бога, враги народной власти и самые опасные контрреволюционеры. Вам не литературу выдавать, а запереть вас самих в подвал под складом и там показать силу нагана!" "Успокойтесь, товарищ Глазов, - ответил я ему. - Вы имели бы право меня обвинить, если бы я совершил один из перечисленных вами проступков. Литературу я берегу не своевластно. Печать снята не мною, а представителем власти, которая разрешила мне забрать все находящееся здесь.

При этом я предъявил письменное разрешение на изъятие всей литературы.

Прочитав разрешение, Глазов пришел в еще большую ярость: "Как, кто вам мог разрешить? Я протестую! Я имею разрешение из центра отправить все это, как бумажный хлам, на фабрику. На станции стоит заказанный для этого вагон. Через несколько часов придут подводы и рабочие, чтобы все вывезти на станцию".

"Вы кто такой? Зачем вы появились в этой местности, кто разрешил вам вообще ездить по колониям с нашим Евангелием? Я вас арестую!" - кричал он.

Не говоря ни слова, я подал ему устав "Миссии", зарегистрированный Народным Комиссариатом внутренних дел. Просмотрев первую страницу с государственной печатью и подписями, он успокоился и, подергивая плечами, отдал устав обратно.

"Я очень удивляюсь, товарищ Глазов, вашей излишней горячности. Вы видите, что я не совершаю никакого преступления. Изъятие литературы разрешено. Разъезжать не только по этой местности, но по всей стране центральная власть мне также разрешает. Мне кажется, что здесь Россия, моя родина. Но, присматриваясь к вам и вашей деятельности здесь, я удивляюсь, почему вы не уедете обратно в Венгрию? Кстати, у вас уже затребован вагон. Было бы великолепно, если бы вы погрузили в него вместо литературы свои пожитки и отправились на родину, - заметил я в шутку уже успокоившемуся коммунисту. - А литературу мы перевезем, куда следует, и на подводах".

Владея немецким языком, Глазов выдавал себя за немца и играл здесь отчасти провокационную роль. Иногда он выдавал себя за друга немецкого населения, но, войдя в доверие, предавал всех. Узнав о его деятельности, местные жители дрожали перед ним. Привыкший к беспрекословному подчинению всего местного населения, творя полный произвол, этот человек стоял теперь молча, переминаясь с ноги на ногу. Познакомившись с психологией подобных людей и имея с ними дело почти каждый день, мне нередко приходилось замечать, что чем больше боишься их, тем свирепее и наглее они становятся.

Через час приехали несколько подвод из соседнего селения. Было погружено 365 пудов литературы, которая и была впоследствии распространена "Палаточной миссией" по всей стране. Мы от всего сердца благодарили Бога за этот неожиданный дар. Ко времени литературного голода Он приготовил для нас нужные запасы. А когда эти запасы были обречены на уничтожение, Он нашел средства защитить их и распространить среди нуждающихся. В этом отношении Миссия явилась также орудием в Его руке.

Работа миссии продолжалась. Господь видимым образом благословлял и помогал во многом. Но работников становилось все меньше и меньше. Голод, свирепствовавший уже прежде на севере, в 1921 году перекинулся и на юг, где находилась родина большинства сотрудников. А так как Миссия не получала материальной поддержки, и все сотрудники работали также безвозмездно, то некоторым семейным братьям не было возможности покинуть голодающие семьи, и они должны были остаться при них, чтобы как-то доставать пропитание.

При наступлении весны 1921 года на труд смогла выехать всего лишь одна небольшая группа в составе пяти человек.

На второй день после отъезда пришлось снова пережить опасность для жизни и помощь Господа.

Мы уселись на бричку, близкие и друзья сопровождали нас напутствиями и пожеланием благословений. Некоторые находили время для невинных шуток.

Всего за две недели до отъезда на работу состоялось мое бракосочетание с сестрой и сотрудницей в работе К. Эннс. И вот теперь провожавшие друзья шутили и желали новобрачным счастливого медового месяца.

"Ну, при поездках в такое время можно провести уксусный, а не медовый месяц", - заметил кто-то из провожавших.

Первый день прошел благополучно. Проехав тридцать пять верст и остановившись в селении Сладкая Балка (Ореховский р-н Запорожской области), мы имели благословенное собрание при большом стечении народа. После собрания еще далеко за полночь у нас была назидательная беседа с верующими и приближенными.

Получив на второй день подводу и простившись с верующими, мы поехали к городу Орехову. Мы намеревались доехать подводами до ст. Панютино, и уже оттуда начать работу. Ехать поездом в это время не было никакой возможности, так как железнодорожное движение было нарушено.

Проехав около пяти верст, мы встретили быстро мчавшуюся нам навстречу подводу. На передке сидело человек пять вооруженных солдат; вся подвода была наполнена страшным грузом: в ней находилось около двенадцати изрубленных трупов, с которых струилась еще свежая кровь.

"Спасайтесь, уезжайте, махновцы, махновцы, - кричали нам быстро удалявшиеся солдаты.

Поднимая облако пыли и оставляя на дороге кровавый след, подвода скрылась в балке. Мы поняли, что их преследуют махновцы.

Встретиться с ними в степи было крайне опасно. Везший нас верующий брат предложил свернуть в сторону и заехать в лежащее верстах в трех от дороги село.

Но было уже поздно. В стороне от дороги над лежавшей впереди балкой показалось облако пыли.

"Наверно, махновцы, - заметил извозчик. - Они обыкновенно проезжают по балкам, предпочитая их дорогам, чтобы скрывать свое присутствие".

В это время из балки выскочило несколько всадников, и они направились быстрым галопом к нам. Спасти нас мог только Господь, к Нему мы и обратились в молитве.

"Стой, руки вверх!" - скомандовали подлетевшие к нам и окружившие подводу махновцы, угрожающе сверкая на солнце обнаженными шашками.

"Вы кто такие, куда едете, зачем? - посыпались вопросы. - Ваши документы".

"Мы евангелисты, проповедуем по селам Евангелие Христа Иисуса и едем теперь в город Орехов, чтобы там иметь собрание сегодня вечером, - ответил я. - Разрешите опустить руки и достать надлежащие документы".

"Нет, не шевелиться! - грозно прокричал один из всадников. - Мы сделаем это сами". Руки махновцев начали быстро шнырять по нашим карманам и дорожным вещам, вынимая и пересматривая все содержимое.

"Езжайте, - снова прогремел бас, после тщательного обыска и просмотра миссионерских удостоверений. - Только ни слова о направлении нашего движения, если в Орехове вас будут допрашивать власти. Знайте, что мы везде и всегда вас найдем!" Пришпорив лошадей, махновцы быстро скрылись в балке, присоединившись к отряду. Это было наше первое испытание и крещение опасностью в этом году. Этот случай говорил нашей плоти: "Возвратитесь и сидите на месте". Но помощь и защита Господа свидетельствовала нам: "Он с нами во все дни". Ободренные и утешенные Господом, мы поехали дальше.

Так перебирались мы из одного места в другое, иногда на полученных от верующих людей подводах, иногда пешком. Мы шли все вперед, проповедуя Евангелие, распространяя литературу и оказывая медицинскую помощь нуждающимся.

Работать в палатке еще не было возможности. Гражданская война окончилась, и по всей стране утвердилась советская власть, но южная часть России была еще наполнена различными партизанскими отрядами и бандами, которые делали частые набеги, терроризируя население и истребляя представителей власти.

Недалеко от Павлограда нам пришлось быть свидетелями такого набега. Около большого селения, где у нас было намерение провести несколько собраний, мы были встречены махновским отрядом. Несколько человек подъехали к нам, допросили. Просмотрев документы, они приказали с полчаса оставаться на месте и не въезжать в селение. Пришлось подчиниться требованию.

Через несколько минут отряд быстро развернулся цепью, и карьером понесся в селение. Всадники скрылись. Через несколько минут затрещали пулеметы, посыпались ружейные и револьверные выстрелы. Взрыв гранаты потряс воздух.

Не прошло и получаса, назначенного нам для ожидания, как снова все стихло. Махновцы, как вихрь, умчались в другую сторону. Районный исполком был разгромлен, несколько должностных лиц из коммунистов, застигнутых врасплох, зарублены шашками и застрелены.

При таких условиях поставить где-либо на видном месте палатку не было никакой возможности. Тогда мы решили путешествовать без палатки.

Ежедневно, даже в самую рабочую летнюю пору, нам приходилось иметь по два-три собрания каждый день и много частных бесед с отдельными душами. Верующие, несмотря на голод и недостатки, всегда содействовали нам, чем только могли. Они помогали нам не только в устройстве собраний, но и материально. Всюду была нужда, всюду духовная жажда. Для верующих необходимо было укрепление в Евангельской истине, для неверующих - призыв к ней.

Глава VII

Заговор противников - Враги покоряются в подножие ног Его

Не было селения, где души не отдавались бы Господу, но не было также и места, где дьявол не строил бы различных преград в работе.

Иногда он делал это осторожно, иногда он выступал в виде рыкающего зверя.

Придя в селение Л. недалеко от города Павлограда, мы узнали, что там никогда еще не было проповедано Евангелие. Со стороны местных властей была дано разрешение иметь собрания в сельской школе. Учитель приготовил помещение для начала работы. Приближался вечер, когда крестьяне по окончании полевых работ могли присутствовать на собрании.

После усиленной совместной молитвы, оставив нашу квартиру, предоставленную нам одним верующим, живущим на хуторе в полутора верстах от села, мы отправились на труд. Пройдя с пением часть селения, мы подошли к месту собрания. Обыкновенно пение привлекало массу народа, который и следовал за нами, но здесь было что-то странное. Даже дети, постоянные наши спутники в таких случаях, как будто куда-то попрятались. Это был для нас первый случай, и он привел нас в недоумение.

Вокруг школы все было тихо. Был теплый летний вечер. Не входя в помещение, мы продолжали петь. Но никто не показывался вблизи школы, также не было видно, чтобы кто-либо выходил из домов. Время шло, становилось темно, наше ожидание было напрасным. Скорбя в сердце и не зная

причины случившегося, мы решили пойти обратно. Учитель также хранил полное молчание и, казалось, ничего не знал... Пожелав его семейству доброй ночи, мы засвидетельствовали ему в короткой беседе о Христе и пошли обратно.

Вокруг было тихо, на улицах - ни одной души. Как будто мы шли по селу, оставленному жителями. Удивляясь, мы подходили уже к концу селения. Оставалось пройти еще несколько домов, как вдруг полная тишина сменилась страшным шумом и криками. С дворов последних домов с обеих сторон улицы послышались крики: "Вот они, антихристы, вот они, дьяволы, возмущающие нашу местность!" Теперь вы не уйдете из наших рук! Бей их, совратителей, а ну, вперед за ними!" Крики, свист, визг наполнили воздух. Камни и палки с шумом пролетели мимо наших голов. Оглянувшись назад, мы увидели при лунном свете, что жители всего селения сделали нам засаду и движутся теперь за нами. Господь хранил нас; все бросаемые ими предметы летели мимо нас. Мы спокойно и медленно шли дальше. Толпа делалась все свирепее, расстояние между нами и нашими преследователями уменьшалось. Еще несколько минут, и нас могли настичь и растерзать.

Видя грозящую нам опасность, я попросил жену и других сотрудников пойти дальше, что они отказались делать, сам же повернул обратно и пошел навстречу толпе.

"Что вам нужно от нас? - обратился я к остановившейся от неожиданности толпе. - Вас спрашивают, чего вы хотите? Неужели вы не знаете, какие последствия могут быть от вашего поступка? Кто научил вас так поступать? Наверное, ваши священники?" Все затихло. Воспользовавшись этим, я пошел вслед за своими сотрудниками. Несколько камней было еще пущено мне вслед, но дальше толпа уже не пошла.

Возвратясь благополучно на квартиру, мы с глубокой скорбью преклонили наши колени и молили Бога за людей, отвергших Его Слово.

Проведя некоторое время в беседе с приютившим нас семейством, мы собирались уже пойти на покой, как вдруг к дому подошла толпа мужчин, человек в двадцать. Извиняясь за случившееся в их селении, они просили почитать им Слово Божие.

Часов около двенадцати ночи началось собрание, которое и продолжалось до появления утренней зари. Пришедшие были внимательны к слышанному и задавали много вопросов. Господь чудно благословил собрание и прославился и в этом случае.

Накануне, когда мы только что прибыли в эту местность, из села пришла пожилая горбатая женщина с хитрым и злым лицом. Поинтересовавшись, как долго мы здесь будем, она просмотрела распространяемую нами литературу и быстро ушла обратно. Оказалось, что она была прислана православным священником.

Возвратясь в село, она по наущению своего духовного пастора обошла все дома и устроила засаду в конце селения. Имея большое влияние на жителей, как деревенская повитуха и знахарка и будучи в тесной дружбе со священником, она давно уже подговорила народ и приготавливала нам эту встречу.

Уже год тому назад эта женщина возбудила против меня жителей другого села. В то время мне пришлось быть там одному. Восставшая толпа, воодушевляемая нею, готова была наброситься и растерзать меня. Тогда пришли на помощь местные верующие, которые своевременно известили о случившемся власти. Возбужденная толпа была тогда быстро успокоена. Только теперь я вспомнил эту злую и хитрую женщину. Ее козни были разрушены и на этот раз, Господь чудным образом защитил нас.

Случаи, подобные вышеописанному, бывали нередко в продолжение всей нашей работы. При этом приходилось наблюдать интересные явления, заставлявшие нас еще больше благодарить Бога.

Там, где сильнее всего нас гнали, люди чаще и больше обращались к Христу. Самые ярые противники и враги покорялись Господу.

Приведу еще один случай из периода зимней работы. Посещая селения, мы с братом М. К. прибыли в село Очероватое. Один близкий к вере человек принял нас в свой дом, разрешив иметь у него несколько собраний.

Евангелие в этом селе еще не было проповедано, и собрания происходили в первый раз. Люди слушали проповедь о Христе с большой жадностью и вниманием. Помещение каждый раз переполнялось. За неимением места толпа стояла в коридоре и под окнами.

Услышав о наших собраниях, местный священник начал вооружать жителей против нас. Однажды во время воскресного утреннего служения он обратился к прихожанам со следующей речью: "Вот, православные христиане, дожили мы с вами до плохого, последнего времени. Сказано в Писании, что придут в последнее время антихристы. Но кто же мог думать, что это сказано о нас? Кто

мог допустить, что они появятся в нашем селе? А вот, поди же ты, пришлось пережить это и нам: антихристы пришли сюда.

Вы присмотритесь, православные, как влекут они народ лестью в свою еретическую веру! Говорят, что каждый, зашедший в их собрание, не выходит уже православным, но прельщается ими и увлекается в отступничество. Нечисть появилась в нашем селении.

Остерегайтесь, прихожане! Будьте верными матери-церкви, не идите на эти устраиваемые антихристами собрания, не пускайте на них своих детей. Особенно вы, молодые люди, - тут пастырь обратился к стоящей около клироса молодежи, - будьте осторожны, избегайте лукавого! Посмотрите, какую ловушку расставили для вас еретики. Они начали свои собрания как раз рядом с вашим клубом. Конец теперь вашему веселью, они разгонят вас, а некоторых прельстят.

О, если бы нашлись ревностные защитники православной церкви, если бы не дали ее на поругание и изгнали совратителей из нашего селения! Заканчивая мое вам увещание, я прошу особенно вас, молодые люди, которые должны быть будущими защитниками православия, зайдите ко мне на дом после обедни или под вечер, там мы еще потолкуем об этих совратителях, там я скажу вам еще больше".

Собравшаяся к священнику группа молодых людей провела у него около трех часов. После хорошего угощения, когда молодые люди совершенно опьянели от обильно преподносимого им самогона, пастырь начал внушать своим овцам, что каждый, убивший еретика получит Царство Небесное и прощение всех своих грехов.

"Чары, чары у них, мои друзья: они очаруют вас всех, если вы их не уберете вовремя", - Так поощрял священник своих молодых прихожан на совершение преступления.

"А если мы их случайно пришибем, батюшка, ведь расходившуюся руку не остановишь? - поинтересовался один из молодых людей, опрокидывая в рот стакан самогона. Ведь нас могут привлечь к ответственности?" "Какая теперь ответственность перед людьми в революционное время? Кто будет их искать? А перед Богом - это уже дело мое, я замолю ваши грехи. Ведь это дело святое - для защиты церкви".

"А це буде все хорошо, батюшка, мы их ухлопаем, мои хлопцы не выдадут!" - заметил один из присутствующих, глядя на священника помутившимися от алкоголя глазами. Мы уже проделывали разные дела, сделаем и это. Гей, хлопцы, на антихристов!" - воскликнул он, ударяя кулаком по столу, отчего стоявшая на столе посуда полетела в разные стороны... Попойка продолжалась.

Наступил вечер. Несмотря на предостережение священника, со всего села собрались люди. Дом совершенно переполнился, люди стояли вплотную один к другому. Звучала проповедь о страдании Христа и Его смерти за грехи всех живущих на земле. Была полная тишина. На глазах многих блестели слезы, вздохи вырывались из груди слушавших. Слово Господне действовало...

Вдруг в коридоре послышался шум, возня и ругательства. В помещение пыталось протиснуться несколько нетрезвых молодых людей. Под окнами также послышался шум и ругань. Группа людей, вооруженных кольями, прогнала других от окон и заняла там место.

Началась настоящая суматоха; толпа молодежи старалась пробраться вперед к столу, у которого стоял проповедующий, но помещение было переполнено, и не было никакой возможности протиснуться вперед.

Некоторые старались сдерживать нетрезвых людей. Один из вошедших, не имея возможности пробраться вперед, с ругательством бросил в меня через головы слушателей большим куском железа.

Разбив стоящую на столе лампу, железо пролетело мимо меня и ударило в стену.

В наступившей темноте поднялась еще большая суматоха.

"Бей их, тащи вон на снег, мы расправимся с ними", - ревели пьяные молодые люди, стуча в стены и окна. Мы стояли у стола совершенно тихо, полагаясь на Того, без воли Которого ни один волос не спадет с головы человека. Стоявшие впереди слушатели старались сдерживать рвущихся вперед людей.

Наконец, хозяином дома был зажжен свет. Все немного успокоились, но продолжать собрание не было никакой возможности. Слушатели, видя, что здесь может произойти избиение или убийство и, не желая быть свидетелями, начали расходиться. Под окнами и в коридоре все еще стояли вооруженные чем попало молодые люди.

Наконец, в помещении осталось всего человек десять слушателей, хотевших в первый раз открыть свои сердца в молитве перед Господом и хозяин дома со своим семейством.

Молитвы раскаяния и просьбы о помощи полились из обремененных грехами сердец. Молились один за другим, молились одновременно несколько. Чувствовалось присутствие силы Господней, Его Духа...

Затихла последняя молитва. Брат К. произнес еще благодарственную молитву за все собравшиеся души. Все это время толпа молодых людей, сдерживаемая какою-то силой, в нерешительности стояла под окнами и в коридоре. В своей благодарности за обращенные души, молящийся произнес: "О Господь, Который есть вечная любовь. Ты, Который отдал Самого Себя на смерть за всех нас, прости и тех, которые гонят нас за имя Твое, обрати их к свету Твоему, да познают и они, как Ты благ и милостив! Прости их, ибо они не знают, что делают".

Здесь молитва была прервана молодыми людьми, вбежавшими из коридора.

"Нет, мы знаем хорошо, что мы делаем!" - заревел один из них, видимо, зачинщик и вдохновитель. - Мы убьем антихристов!" Только что обращенные хозяин дома и проповедующие получили по несколько ударов. Один из нападавших, размахнувшись на меня палкой, зацепил за лампу, и в комнате снова водворилась темнота.

Опасения, как бы в темноте не избить друг друга, и заговорившая совесть заставили всю группу нападавших покинуть помещение и разойтись. Когда был зажжен огонь, никого из них уже не было, и мы остались одни с новообращенными.

После еще одного дня работы в этом селе, укрепив обращенных, мы пошли дальше. Недели через две, находясь верстах в двадцати отсюда, мы получили настойчивую просьбу возвратиться снова в Очереватое.

Первыми, кто встретил нас, были те самые молодые люди, которые нанесли там тогда побои. Все слышанное ими в тот вечер из проповеди и молитв, а также и сделанное ими зло не давали им покоя, и они после нашего ухода обратились к Христу.

Падая нам на шею, они со слезами просили: "Простите нас, братья, простите, ибо мы чувствуем, что Господь нас тоже простил. Да, мы действительно не знали, что делали: не знали, что мы гнали Самого Господа в лице вас. Мы поверили священнику и думали, что делаем доброе дело". - При этом они передали нам содержание проповеди священника в церкви и их частной беседы у него в доме.

От всего сердца мы простили им все, и пошли дальше, славя Господа за все Его милости. Здесь мы снова усидели, что кто больше должен, тот больше любит, когда ему прощен долг. Кто сильнее гонит, скорее обращается и бывает впоследствии более верным Богу.

Глава VIII

Овцы без пастырей - Жажда среди Израиля - Претерпевший до конца - И враги помогают

Снова и снова приходилось нам переживать во время нашей работы, что Господь пребывает со Своими учениками во все дни до скончания века. Господь послал нас нести духовный хлеб жаждущим и алчущим и каждый день оказывал нам Свою помощь. А голод духовный чувствовался по всей стране, среди всех народностей.

Особая нужда в духовной работе чувствовалась среди проживающих в России немецких колонистов. Преследуемые властью, ненавидимые окружающим населением, они к тому же остались без всякого духовного руководства и поддержки. Многие из пасторов во время мировой войны были сосланы как люди, принадлежащие к германскому народу. Многие во время революции и гражданской войны были расстреляны или бежали. Главное правление Лютеранской церкви находилось теперь за границей, в Латвии. Колонисты остались, таким образом, в полном смысле слова овцами без пастырей.

При посещении русских селений мы также не проходили мимо немецких колоний, стремясь помочь и там, насколько были в силах.

Приведу здесь один случай из работы среди немцев-лютеран. Во время работы в районе ст. Синельниково нам сообщили, что недалеко отсюда находится немецкая колония. После молитвы мы послали туда двух братьев, чтобы они подыскали помещение для устройства собраний.

Было получено разрешение на устройство их в сельском молитвенном доме. Но К. заявил, что едва ли кто придет на эти собрания.

Даже в праздничные дни собираются на богослужение не более пятишести человек, а в рабочий день, наверное, никто не придет.

Часов в пять, придя всей группой в колонию и позвонив в колокол, мы начали ожидать. Случилось то, чего мы не могли предполагать.

Все жители, побросав свои работы, поспешили в молитвенный дом, который скоро переполнился. Началось собрание. Слушатели ловили каждое слово. Даже дети, принадлежащие обыкновенно к числу шумного народа, сохраняли теперь необыкновенную тишину. Пение гимнов сменялось проповедями. Многие склонили головы, и слезы стояли в их глазах.

Во время собрания началась гроза с сильным ливнем. А так как запущенный молитвенный дом был раскрыт, то вода струями полилась на слушателей. Многие совершенно измокли, но все же продолжали слушать.

Кончилась проповедь, пение и молитвы. Я предложил подойти к кафедре тем, кто желает получить брошюры и книги на немецком языке. Здесь снова пришлось увидеть картину потрясающей нужды.

Желающими оказались почти все собравшиеся. Дрожащие руки стариков, мускулистые руки сильных мужчин и маленькие детские ручонки потянулись ко мне.

"Ах, дайте мне хоть что-нибудь, дайте, чтобы можно было на родном языке прочитать о Боге", - слышались умоляющие голоса.

Надвигались сумерки, взошла луна и залила причудливым светом расположенные среди садов и деревьев некогда красивые дома.

В сопровождении жителей всей колонии мы возвращались на ночь в лежавшее поблизости русское село. Многие плакали, провожая нас.

"Никогда в жизни мы не слышали живой евангельской проповеди, даже тогда, когда нам еще навещал пастор... А теперь вот уже лет шесть, как мы ничего не слышим о Боге".

"Приходите к нам еще, - просили другие. - Придите на более долгое время".

С болью в сердце пришлось покинуть это селение; да пошлет Господь помощь этим заброшенным, духовно умирающим в России людям, жаждущим жизни в Боге, жаждущим Его света!

Оставаться еще дольше здесь мы, к сожалению, не имели возможности. От долгого путешествия, голода и плохой пищи некоторые сотрудники заболели. На несколько дней пришлось прекратить работу.

Оправившись немного от болезни и возобновив работу, мы прибыли в Павлоград. Зная, что в этом городе не было проповедано Евангелие, мы просили Бога, чтобы Он открыл нам двери для распространения Его Слова и здесь. Найдя единственного в городе обращенного человека, недавно приехавшего из другой местности, мы остановились у него и начали евангелизационную работу.

Местные власти предоставили для собраний два помещения. Одно было в полковом клубе, а второе - в еврейском высшем начальном училище. Собрания проходили в обоих помещениях в течение нескольких дней подряд при громадном стечении народа. Среди слушателей было также много евреев.

Еврейское училище, перешедшее теперь в распоряжение властей, находилось как раз рядом с синагогой. В эти дни они имели свои особые собрания по случаю приехавшего в город сионистского деятеля. Когда заканчивалось их собрание в синагоге, начиналось наше в училище, и вся масса слушателей-евреев из синагоги шла на евангельские собрания.

С большим интересом и видимой жаждой слушали теперь многие из сынов Израиля о распятом Христе, об отверженном Израилем Мессии. Многие после собрания задавали различные вопросы.

"Мне это все очень удивительно, я никогда еще не слышал такой проповеди и такого толкования о Христе, - заметил служитель синагоги в беседе со мной. - Ведь мы верим, в сущности, в одного и того же Бога, имеем одни и те же надежды. Некоторое время тому назад почти то же самое говорил нам приезжий сионист. Правда, я не совсем согласен с вашей проповедью о Христе, но здесь необходимо разобраться в вопросе со всех сторон. Почему вы не устроите здесь ваших постоянных собраний? Я надеюсь, что среди евреев вы нашли много постоянных слушателей. Наш народ оказал бы вам поддержку в ваших начинаниях".

Было немного странно и удивительно слышать эти слова от служителя синагоги. Я совершенно не знал, как к этому отнестись, насмешка это или какая-либо уловка с его стороны. Мне пришла мысль, не думают ли они, будто мы стремимся получить разрешение властей, чтобы окончательно занять под свои собрания их бывшее училище. Но на следующий день пришлось убедиться в искренности его слов. Присутствующие, среди которых было много евреев, слушали с напряженным вниманием.

Проповедь подходила к концу, я сделал призыв обратиться к Христу. Вдруг посреди рядов произошло движение.

"О, прости меня, мой Господь, мой Мессия! - молился упавший на колени молодой еврей. - Я так долго искал Тебя, но я не знал тебя и не доверял Тебе. Но от сего дня я хочу быть Твоим учеником, Твоим последователем. Помоги мне следовать за Тобою".

Евреи переглядывались друг с другом, на лицах многих из них виднелось недоумение, но не было проявлено никакой вражды и никакого раздражения к молящемуся. Этот факт лучше всего свидетельствовал о том, что Израиль все больше и больше готовится к принятию своего Мессии и жаждет слышать о Нем.

Да пошлет Господь Своих делателей и среди Израиля!

Рассеянные кости шевелятся, сближаются одна с другою, обрастают плотью.

Да настанет скорее день, когда, по пророчеству Иезекииля, восстанет великое полчище Израиля, когда ни все, как один, воззрят на Того, Которого пронзили! ...

Вот самые практические увещевания верующим, находящиеся в Слове Божиим: "Терпение нужно вам, братья, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное".

И второе: "Претерпевший же до конца спасется".

Это относится к нашей обыденной жизни и, особенно, к преодолению трудностей в работе. Эту истину нам приходилось переживать очень часто.

После нескольких дней благословенной работы в Павлограде, мы простились с вновь приобретенными друзьями и направились в селение Андреевку, лежащее верстах в семнадцати от города.

Был жаркий июльский день. Солнце жгло невыносимо. Ни малейшее движение воздуха не освежало нас. Сыпучий песок под ногами был подобен горящим углям.

Казалось, что мы не идем, а плывем в кипящей воде. За неимением кожаной обуви, мы носили деревянные сандалии. Погружавшиеся в раскаленный песок обожженные ноги приобрели вид березовой коры. Наши силы таяли с каждой минутой. Находящиеся за плечами дорожные ранцы с необходимыми вещами сделались невероятно тяжелыми.

Раза два-три пробовали мы отдохнуть, опуститься на раскаленный песок. Однако мы только обжигались и вновь были вынуждены подниматься и, напрягая последние усилия, идти вперед.

Иногда нас охватывало настоящее отчаяние. Казалось, что мы не дойдем до нашей цели. В это время где-то в глубине сердца тихий и нежный голос шептал нам: "Терпение нужно вам, ... чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное..." Не имея своего терпения, мы просили силы у Бога, и Он помог нам и в этот день.

Путь был благополучно окончен. Окруженные собравшимися верующими, мы сидели, наконец, в тени вишневого сада и благодарили Бога за помощь.

Так заканчивается узкий и тернистый путь каждого христианина, если он будет с терпением проходить предлежащее ему поприще. А в конце пути его ожидает вечный покой, неувядающая тень вечных садов Божиих и вечное общение со всеми искупленными.

В тот же день Господь снова показал нам, что Он может употребить для защиты своих слуг даже врагов. После короткого отдыха вся группа принялась за работу. Помещение сельской школы было на несколько дней предоставлено властями для собраний. В назначенное время мы с пением прошли по селу, раздавая трактаты и приглашая на собрание. Все село пришло в движение. Бросая работу, массы народа шли за нами, некоторые бежали вперед, чтобы захватить место в помещении.

Видя эти массы, мы еще до собрания благодарили Бога, что наш трудный дневной переход не был напрасен и что люди жаждут Слова Божия. Православный священник, увидев из окна своего дома площадь, запруженную народом, и узнав, в чем дело, упросил председателя волысполкома, с которым он, как видно, был в дружбе, запретить собрание и не дать помещения.

Собрание уже началось, когда меня потребовали в волостное правление для новой проверки документов.

"Я не могу вам разрешить собирать народ, - заявил председатель, просмотрев документы. - Это была ошибка с моей стороны, что я было разрешил вам, но теперь я приказываю распустить народ и уйти из этого села, иначе вы здесь будете арестованы и направлены в уездную тюрьму".

Я уже привык к подобным угрозам.

Жалея о собравшемся народе и замечая, что здесь что-то не совсем в порядке, я начал опять настаивать и просить о разрешении.

"Мы только что из города; председатель исполкома разрешил иметь там собрания, нам были предоставлены помещения, а здесь такой неожиданный запрет. Это меня очень удивляет, товарищ председатель, - возразил я.

При этом мой взгляд упал на стоящий на столе телефон, у которого сидел секретарь.

"Вот и великолепно. Вы имеете телефонную связь с городом. Значит, мы позвоним к председателю исполкома".

"Я не разрешаю звонить", - проговорил раздраженно председатель.

"О, в таком случае, мне не нужно ваше разрешение. Видно, вы оберегаете не законы страны, а какие-то личные интересы".

"Да, здесь личные интересы, интересы нашего попа, а не государственные законы, - проговорил секретарь, хранивший все время молчание. - Нам еще вчера, прежде вашего прихода сюда, сообщили из исполкома, чтобы содействовать вам, но вот поп повлиял на нашего председателя".

"Я не разрешаю", - кричал вышедший из себя председатель.

Секретарь связался по телефону с городом. На сделанный запрос из города последовал следующий интересный ответ: "Вы можете проводить ваши собрания беспрепятственно, сколько вам угодно. Кто имеет на вас жалобу, пусть прибудет с нею в исполком, здесь мы с ними поговорим. Мы - враги всякой религии, но делать предпочтение одной перед другою мы не можем. Если священник имеет собрания в своей церкви, то он не должен иметь претензий, если другие проводят свои собрания в других помещениях".

С большим благословением несколько дней подряд проходили многолюдные собрания. Мы радовались и благодарили Бога, что Он и врагов делает друзьями. С нами радовались и верующие, живущие в этом селении, и обращенные в эти дни души.

Глава IX

Обновление икон - "Велика Артемида Ефесская!" - Все содействует ко благу

Вместе с другими преградами, которые сатана ставил на пути распространения Евангелия, сильным препятствием было обновление икон. Это явление сделалось новым орудием в руках духовенства против Евангельской истины и ее носителей.

Часто к нам приходили после собраний люди с записками в руках, на которых священниками были выписаны места из Евангелия, говорящие о последнем времени и пришествии Христа. Особенно часто из Ев. Матфея, гл. 24, где Господь предостерегал Своих учеников, говорил о войнах, голоде, болезнях, лжехристах, лжепророках и разных знамениях.

Указывая на эти места и на последние события в России, священники внушали народу, что теперь сбываются все эти события.

"Голод и войны мы переживаем. Эти ходящие по селениям люди и есть лжепророки и лжехристы. Обновляющиеся иконы суть знамения от Бога, чтобы мы не верили лжехристам, но верили святой православной церкви и ее святым угодникам, изображенным на иконах, которым не поклоняются эти еретики". Люди приносили нам подобные записки от священников и просили нас объяснить, кто лжехристы, и кто обновляет иконы.

А эти явления были в этом году настолько часты, что с ними приходилось сталкиваться почти в каждом селении.

Вначале этим слухам мы придавали очень мало значения, предполагая, что здесь действует обман или какое-либо шарлатанство.

Но вскоре пришлось убедиться, что налицо имеются факты, которых никак нельзя отрицать.

В одном селении недавно обратилось к Христу все семейство. С поклонением иконам, конечно, было закончено, но некоторые старые изображения остались еще в их доме. Раз во время нашего посещения находящиеся у них иконы сделались совершенно новыми. Одна из них, совершенно почерневшая от времени, обновилась наполовину, в то время как вторая ее часть оставалась еще совершенно черной.

Обмана в семействе верующих быть не могло. Все члены семьи были обращены, поклонение иконам считалось теперь грехом перед Богом. Посторонний человек не мог зайти в дом и вычистить почерневшие иконы, так как кто-либо из членов семейства всегда находился в доме.

Нужно было искать причины обновления в чем-то ином помимо влияния человека. Вера в Божественную силу, обновляющую иконы, царила повсюду среди крестьянского и большей части городского населения. Власти, желая воспрепятствовать распространению веры в чудесное обновление, высылали на места комиссии различных специалистов, но ничего доказать или опровергнуть они не могли.

Факт обновления был налицо. В газетах появились статьи с различными выводами и предположениями. Массы народа стекались на поклонение чудесным иконам. Священники имели большие доходы, ибо поклонники несли различные дары, пожертвования, шедшие в пользу духовенства и отчасти владельцев обновившихся икон.

В скором времени Господь чудесным образом открыл нам причину всех этих обновлений. Это было совершенно неожиданно и как бы случайно.

Находясь в доме верующих в селении Николаевке около Павлограда, я случайно обратил внимание на висящую на стене семейную фотографию, помещенную в рамку бывшей иконы.

"Почему вы поместили в эту рамку вашу фотографию?" - обратился я к вошедшей в комнату хозяйке дома. - Ведь это может соблазнять православных людей".

"О нет, - ответила, улыбаясь, верующая женщина. - наших людей так скоро не соблазнишь, ведь они сами не верят больше в святость икон. Даже теперь никто из нашего села не верит в модное обновление икон. Сами же православные говорят, что попы подкупают людей, и те, вычистив старую икону, или может, заменив ее новой, разглашают об обновлении. У нас в Николаевке пока еще не было ни одного случая обновления, вероятно и не будет.

Вот уже четыре года, как мы обратились к Богу. Изображения я сожгла в печи, но рамки было жаль, она такая подходящая оказалась для нашего семейного портрета, что я оставила ее и вот теперь поместила живущих, а не мертвых святых".

При этом, сняв фотографию со стены и желая ближе показать ее мне, она начала вытирать тряпкой осевшую на рамке и на стекле пыль.

"Ах, батюшки, что же это такое! - воскликнула женщина. - Смотрите-ка, смотрите, рамка-то на фотографии обновилась в моих руках! Вот тебе и на! Значит, и правда, что иконы обновляются, а мы только что говорили, что это обман".

Рамка от фотографии, находящаяся в ее руках, действительно блестела новой позолотой, как будто только что вышедшая из мастерской живописца.

"А ну, сестра, покажите-ка, пожалуйста, находящуюся у вас в руках тряпку", - обратился я к ней. На тряпке оказалась мелкая, едва заметная черная пыль с редким блеском.

Тайна обновления икон была теперь наглядно открыта перед нами.

Весь процесс обновления заключался в следующем: иконы в мастерских живописцев покрывались краской два или три раза. Попав впоследствии в крестьянские дома, эти иконы в течение долгих десятилетий стояли в так называемых "святых углах". От постоянных испарений верхний слой темнел, и блестящая позолотой икона делалась со временем совершенно черной.

Прошли долгие годы. Наконец, настала необычайно сильная жара, крестьянские хаты со всеми их "святыми углами" и находящимися там иконами наконец-то просохли. Дома наполнились сухим раскаленным воздухом, как это было в этом году. Под влиянием сухого воздуха верхний, уже разложившийся, слой распадался на мельчайшие частицы, и в виде мелкой незаметной пыли спадал вниз. При этом обнажался второй слой краски, совершенно чистой и блестящей, как будто только что вышедшей из-под кисти.

Крестьянин, заглянув в темный "святой угол", неожиданно видел вместо черной иконы, доставшейся ему, быть может, еще от бабушки, совершенно новую, блестящую. Извещался священник, распространялась молва по всей окрестности. Съезжалось духовенство, сходились люди, приносились пожертвования, устраивались богослужения и немалые попойки.

У священников оказывалось в кармане сотня-другая рублей. У прихожан - потеря нескольких рабочих дней, необрунный вовремя хлеб и вообще потеря средств. К тому же у священников появилось в руках сильное оружие, при помощи которого они боролись с носителями Евангельской истины.

Здесь я приведу один случай использования духовенством этого оружия против нас и распространяемого нами Евангелия. Работая в Харьковской губернии, мы прибыли на один хутор, Нестелеевку, где проживало несколько семейств верующих. После нескольких благословенных

собраний местные верующие попросили нас пойти в соседнее село, где еще некогда не было проповедано Евангелие.

От властей было получено разрешение, один из крестьян предоставил для собраний свой довольно вместительный сарай.

Был летний праздничный день. С пением духовных гимнов мы шли по улице, направляясь к назначенному месту. Двое из членов группы, идя по сторонам, раздавали жителям религиозные трактаты и приглашали их на собрание.

Все село пришло в движение. Когда мы прибыли в помещение, оно оказалось переполненным. С трудом удалось пробраться к поставленному столу. Началось собрание. Никогда не слышавшие проповеди Евангелия люди с напряженным вниманием ловили каждое слово. Дух Божий действовал. Многие плакали.

Через некоторое время прибыла новая толпа, но уже с другими целями. Еще во время нашего шествия по селу, когда раздающий трактаты приближался к некоторым домам, люди еще издалека кричали: "Не подходите, антихристы, не несите своих книжек, мы все равно не возьмем и читать их не будем. Уйдите из нашего села, кто звал вас сюда! Ишь вы, пришли прельщать и наших людей! Недаром батюшка предостерегал нас от вас, антихристы".

Теперь, собравшись вместе, наши противники пришли, чтобы помешать собранию.

Начался крик, проповедь прерывалась различными вопросами.

Пробравшись сквозь толпу и подойдя ко мне, один из вновь пришедших громким голосом начал задавать вопросы: "Ты вот лучше скажи нам, какую силою обновляются святые иконы? Это для нас будет лучше. Потом мы послушаем тебя и о другом".

Зная по опыту намерения этого посланного священником человека, я старался обойти этот вопрос, указывая на Христа, на греховность людей. Но спрашивающий делался все настойчивее и настойчивее, требуя прямого ответа.

"Что это? Чудо, творимое Господом как знамение, или что-либо другое? Скажи нам, мы все хотим знать!" - продолжал спрашивающий.

Народ насторожился, ожидая ответа. Для нас было немного трудно, ибо мы знали, что если мы укажем истинную причину обновления, этот человек добьется своего и восстановит против нас народ.

Сказать, что обновление от Бога - значило говорить неправду и поддерживать в народе суеверие. В коротких словах пришлось объяснить слушателям настоящую причину обновления.

Но этого только и хотели противники истины. Не дав закончить объяснений, они подняли страшный крик.

"Еретики, лжепророки, лжехристы! О вас говорил Христос, что вы явитесь в последнее время, вот вы и явились!" Мы продолжали петь, но наше пение не действовало, оно заглушалось ревом толпы. Что-либо говорить, объяснять не было никакой возможности. Люди, слушавшие только что с умилением и со слезами на глазах Евангельскую весть, как бы обезумели и кричали теперь против нас.

Находясь в заднем конце сарая, окруженные ревушей толпой, которая с каждой минутой делалась все более и более свирепой, мы тихо взывали к Господу, чтобы Он Сам успокоил этих раздраженных людей. Несколько человек, как мы заметили, старались все больше возбуждать других.

Один из жителей, подойдя к нам, попросил нас как можно скорее выйти из сарая и удалиться из села.

"Против вас сделан заговор. Они возбуждают народ, чтобы наброситься на вас. Пожалуйста, как можно скорее пробирайтесь среди толпы и идите", - настаивал крестьянин.

Мы приняли к сведению это предостережение. С трудом пробравшись сквозь возбужденную толпу, занявшую выход из сарая, мы вышли на улицу и ушли из села. Толпа шла за нами по улице и проводила нас далеко за селение в степь. Камни и палки летели нам вслед.

Находясь среди этой возбужденной человеческой массы, мы чувствовали себя перенесенными в далекое прошлое, за две тысячи лет назад, когда апостолом Павлом были принесены в Европу первые лучи Евангельского света. Тогда профессионалы, живущие от культа Артемиды, возбудили массы народа против Павла и проповедуемого им Евангелия. В благовествовании о Христе они видели угрозу своему ремеслу. В книге Деяний Апостолов написано, что они бросали пыль вверх и кричали: "Велика Артемида Ефесская".

Точно то же повторилось и с нами. Профессионалы увидели в нашей проповеди подрыв своим доходам, подрыв своему престижу и возбудили народные массы.

Шум, крики и свист затихли позади нас. Мы уже удалились на порядочное расстояние и шли засеянными полями, представляющими теперь чудную картину. Тут мы преклонили свои колени перед Богом, благодаря Его за возможность, предоставленную нам для свидетельства о Христе, и за чудную охрану от рук врагов. Мы просили, чтобы посеянные в этот день семена принесли должный плод.

"О, Ты, посылающий росу и дожди и произрастающий то, что посеяно руками сынов человеческих! Ты, украсивший поля чудной бархатной зеленью хлебов, произрасти то, что посеяно было сегодня в сердце наших слушателей! Пошли росу благодати Твоей на этот малый и слабый посев!" - так молили мы нашего Небесного Отца.

Через несколько месяцев нам пришлось получить известие об этом селении, которое заставило нас снова повергнуться в великой благодарности в ногам Господа.

Вскоре после нашего посещения, там обратилось несколько человек. Приняв крещение, они с помощью ближайших верующих организовали общину и открыли собрания.

Мы снова убедились, что каждая самая слабая работа для Господа не бывает напрасной. Его Слово не возвращается тщетным, хотя вначале и нет признаков успеха.

Да не устанут все сеятели вечного Слова, да не ослабнут они при виде временных неудач! Сеющие со слезами будут пожинать с радостью, неся снопы свои", - говорит Слово Божие...

Во время работы нам много раз приходилось горячо благодарить Господа, когда Он превращал во благо для нас самые трудные положения, и преграды сатаны делал средством для прославления Своего имени. Один из таких случаев мы пережили в скором времени.

К концу 1921-го года властями были более или менее ликвидированы партизанские отряды и отдельные банды. Жизнь сделалась более спокойной и безопасной. В связи с этим мы решили развернуть хотя бы одну палатку и пойти с нею из села в село. Для начала мы избрали большое селение Петропавловку, в сорока верстах от Павлограда. Власти дали разрешение поставить нашу палатку на самом людном месте на базарной площади. Были сделаны надлежащие объявления о предстоящих собраниях.

Настал день открытия собрания. Со всех окрестностей собрались русские верующие. Из немецкой колонии Герценберг приехал хор верующей молодежи. Однако командированный за палаткой брат Д.Р. возвратился без нее. Было горячее время и не было возможности достать лошадей, чтобы перевезти палатку за 80 верст от центра.

Это нас немного разочаровало. Вся окрестность пришла в возбуждение при вести о предстоящих собраниях. Узнав о нашем намерении, православные священники начали рассылать своим прихожанам письма с требованием не ходить на собрания в палатку, чем еще больше возбуждали любопытство народа и бесплатно широко объявляли о нашем приходе.

Собралась масса народа. Молитвенный дом местных верующих, в котором мы решили иметь собрания из-за неудачи с палаткой, оказался слишком мал. Пришлось обратиться к властям. Мы получили разрешение иметь собрание в одном из училищ, находящемся как раз на базарной площади против православного собора. Начались благословенные и многолюдные собрания.

В воскресный день, несмотря на увещевания священников, люди оставляли свои храмы и шли на собрания. Это еще больше приводило в ярость противников истины. Выслушав в церкви различные выпады священников против нас, люди шли послушать, что говорили мы. При этом ни убеждались во лжи своих духовных наставников и в истине Евангелия.

Происходило прощальное собрание, после которого мы должны были ехать в другие места. Помещение не вмещало и половины слушателей. Уже в начале собрания пришло несколько человек в сопровождении трех милиционеров с требованием прекратить собрание и очистить помещение училища. Нужно было подчиниться требованию, но оставить массы собравшегося народа, не проповедав им в последний раз о Христе, было слишком жаль. Нужно было действовать, пока народ не разошелся по домам.

Данный район находился еще на военном положении, и власть была почти целиком сосредоточена в руках начальника воинской части, расположенной в этом селении. От него зависело также и разрешение или закрытие собрания. В связи с этим, оставив с народом брата Реймера и группу сотрудников, я направился к коменданту.

"Как это могло случиться, товарищ комендант, - спросил я, придя в канцелярию последнего. - Вначале вы дали разрешение на собрания, теперь же присылаете милицию для прекращения таковых. Очень жаль, ведь мы имели сегодня последнее собрание и все равно уехали бы в другие места. Я все

же просил бы вас разрешить нам иметь это последнее прощальное собрание. Ведь массы народа собраны и желают слушать; некоторые прибыли издалека".

"Против вас и ваших собраний лично я совершенно ничего не имею и был бы рад, если бы вы работали здесь и дальше. Мне вы этим не причиняете никакого беспокойства. Наоборот, вы помогаете бороться с преступностью. Все это я глубоко сознаю, но я не мог поступить иначе, как послать милицию с требованием прекратить собрание.

Против вас сильно работают православные священники. Они подговорили людей, повлияли на гражданские власти, и ко мне сегодня явились представители общества с требованием о прекращении собраний. При этом они требовали на законном основании. Ведь декретом воспрещается говорить о Боге во всех учебных заведениях. Мне заявили: для местного населения запрещается говорить в школе о Боге, а этим пришлым людям предоставили построенное на наши средства училище для проповеди о Боге. Что я мог сделать? Я должен был удовлетворить это, с одной стороны, законное требование.

Но вот что. Мне только что передавали по телефону, что люди, пришедшие на ваше собрание, настойчиво требуют продолжения собрания. Чтобы все было в порядке, я разрешаю вам иметь собрание на открытом воздухе на базарной площади. Эту ответственность я беру на себя, надеюсь, что вы не поднимете мятежа. Для вас это будет лучше. Интересно, что скажут духовные отцы, увидев вас около главного собора! Впрочем, я пошлю несколько человек милиционеров для наблюдения за порядком", - закончил, улыбаясь, комендант и начальник воинской части.

Возвращаясь обратно, я увидел необыкновенную картину. Площадь была запружена массами народа, а посреди толпы, стоя на принесенной кем-то табуретке, бр. Реймер своим сильным голосом проповедовал о распятом Христе. За оградой недавно построенного собора стояли два священника и церковный причт со всеми домочадцами. Слушали они также о Христе, или скрежетали зубами при виде массы своих прихожан, - неизвестно. Видно было лишь одно: несмотря на всю их вражду и козни, Господь прославился и тут дивным образом.

Когда я вышел из канцелярии коменданта, последний передал по телефону начальнику милиции, чтобы он срочно послал милиционеров на площадь для охраны порядка и сообщил, что собрание может продолжаться на площади. Прежде чем я прибыл обратно, Д. Реймер получил разрешение и начал собрание.

От всего сердца мы поблагодарили Бога, видя, что все козни врагов содействовали нашему благу. Рассылая письма прихожанам с предупреждением, священники сами объявили о нашем приходе и возбуждали интерес в сердцах людей. Теперь же, добившись нашего удаления из помещения, они содействовали тому, что в несколько раз большее число людей слушало проповедь о Христе. Ибо в помещении не могла поместиться и четвертая часть всех слушателей.

Становилось уже темно. Пришлось закончить собрание и проститься со слушателями.

"Почему вы так скоро уезжаете? Оставайтесь еще на несколько дней с нами", - слышались просьбы из толпы. Крестясь мелким крестом и подергивая плечами, священники со всем своим причтом скрылись за церковными дверями.

Глава X

Порядок и условия работы в палатке - Еще раз малое стадо спасено от волков - Лицемерие врагов обнаружено

В начале августа, сделав короткий перерыв в работе, мы решили развернуть палатку и работать в ней до осени. К этому времени к нашей группе присоединились еще четыре человека, и мы могли работать с большим успехом и с большими силами. Господь помогал нам во всем. Большей частью мы старались нести Евангельскую весть туда, куда она еще не проникала. Приехав в новое селение, мы, прежде всего, обращались к местным властям за разрешением поставить палатку на том или ином выбранном нами месте. Получив таковое и поставив палатку на самом видном и людном месте, мы работали дней по 5-7 подряд, после чего ехали в следующее место.

Рано утром все сотрудники и желающие из местных жителей собирались для разбора Слова Божия и совместной молитвы. Сотрудницы по очереди готовили завтрак в соседнем с палаткой доме.

После молитвы и завтрака начинался рабочий день. Две сестры, знакомые с медициной, оказывали помощь больным, приходящим в палатку, и посещали на дому больных, не могущих придти. В это же время они работали и над их душами, свидетельствуя о Христе Иисусе. Иногда

приходилось принимать до 45-45 больных в день. Помощь оказывалась бесплатно. Но нередко бывало, что люди по своему желанию приносили что-либо из необходимых для существования продуктов.

В это время другие сестры собирали детей, устраивали с ними собрания, учили петь духовные гимны. Братья вели беседы с проходящими в палатку людьми, распространяли литературу, посещали престарелых по домам. При наступлении вечера, когда жители кончали свои дневные занятия, начинались призывные собрания, продолжавшиеся часто до поздней ночи. Вместяющая до 250 человек палатка всегда бывала мала для слушателей. Каждый раз приходилось поднимать борта палатки, чтобы толпы стоящих вокруг людей могли также видеть проповедников и слышать о Христе.

Не имея своих подвод для перевозки палатки с места на место, мы, тем не менее, никогда не имели затруднений в этом отношении.

Кончая работу, заявляли на прощальном собрании, что на следующий день поедем дальше в такое-то селение, и люди сами без наших просьб предлагали подводы, нередко больше, чем требовалось.

В силу того, что устав Миссии был зарегистрирован центральной властью, мы не имели никаких препятствий со стороны местных властей. В некоторых случаях приходилось встречать даже содействие в том или ином затруднении. Единственное препятствие, которое постоянно сопровождало нашу работу - это вражда со стороны православного духовенства.

Не имея власти преследовать нас, как прежде, священники прилагали все усилия, чтобы как-либо препятствовать распространению Евангелия в народе. Они распространяли всевозможные нелепые слухи. Рассылали по селам впереди нас письма с предупреждениями и увещаниями не посещать палатку, так как в ней по России разъезжает антихрист.

Вся злоба и козни противников истины были совершенно бессильны против могучего Слова и Духа Божия. Многие души приходили к Христу, в местностях, где еще ни разу не было проповедано Евангелие, организовывались новые общины, открывались постоянные собрания.

Продолжая нашу работу, мы намеревались посетить большое селение Бахметьево, лежащее недалеко от города Славянска. Священник, зная о нашем намерении, уже заранее всеми силами стремился вооружить против нас народ. Некоторые из жителей, наверно, посланные им, приехали к нам и предупреждали нас, чтобы мы не ехали в Бахметьево.

"Вас ожидают там побои и разные неприятности, готовятся хорошие палки для вашей встречи", - говорил один из предупреждавших.

Во время обсуждения сотрудниками вопроса о поездке в Бахметьево кто-то спросил: "Хорошо ли ехать туда, откуда уже заранее идут предупреждения и угрозы? Тогда один из братьев заметил: "Если мы с радостью и благодарностью принимаем из рук Господа великие благословения, то примет и побои за Его имя, если Он их допустит!" После молитвы, сняв палатку, мы направились в Бахметьево.

Был церковный праздник, со всех окрестностей по русскому обычаю съехалось много народа. Священник приготовил общий обед.

Вокруг церкви были расставлены столы, за которыми помещались сотни народа. И вот как раз в этот день, день торжества православия мы хотели засвидетельствовать о Христе перед таким большим количеством людей.

Власти разрешили поставить палатку на самом видном месте.

Не успели мы еще как следует устроиться, как громадная толпа народа окружила нас со всех сторон. Видя это, мы решили, не кончив работы с установкой, открыть собрание. После пения нескольких духовных гимнов и объяснения народу причин нашего приезда и цели работы в палатке, я открыл Библию, чтобы прочитать отрывок из Слова Божия.

Вдруг произошло что-то необыкновенное. Точно от разрыва бомбы вся масса народа бросилась в разные стороны из палатки.

Я стоял с открытой Библией в руках. Все мы смотрели в молчании друг на друга, недоумевая, что могло случиться. Здесь, как видно, был какой-то заговор, ибо люди разбежались, словно по команде.

Большинство из разбежавшихся направились к дому священника, некоторые разошлись по домам. Поодаль остались лишь подростки-мальчишки, которые бросали в наши окна камнями и палками.

Укрепив палатку окончательно и обратившись в молитве к Богу, мы начали ожидать дальнейшего. Часа через три люди снова начали один за другим собираться. Через некоторое время нам пришлось поднять борта палатки и начать собрание. В начале все было хорошо.

Хотя и с недоверием, но внимательно люди послушали одну проповедь и несколько духовных гимнов.

Казалось, все пойдет хорошо и дальше. Однако во время второй проповеди прибыло несколько церковнослужителей, диакон, псаломщик, регент хора, церковный староста и некоторые другие в сопровождении группы пьяных людей. Начались крики; пришедшие, перебивая проповедника, задавали различные вопросы, расхаживали между слушателями, возбуждали толпу против нас. Шум стал усиливаться с каждой минутой, народ все более возбуждался. К тому же пребывали все новые и новые толпы людей.

Приближался вечер, собрание пришлось прекратить, ибо не было возможности ни петь, ни говорить. Шум толпы покрывал все попытки, голоса утопали в людском говоре, как среди рокочущих морских волн.

Нам делалось все более ясным, что здесь давно приготовлена встреча, все рассчитано и предопределено священником и его компанией.

Обыкновенно несколько братьев оставались на ночь в палатке. Я с женою и сестры находили себе квартиру где-либо в доме. Это здесь хорошо уже знали. Поэтому, когда прекратилось собрание, одна женщина предложила свою квартиру. Видя приветливость предлагавшей, мы, было, дали согласие.

"Почему вы не все ночуете на квартире? Ведь очень неудобно ночевать в палатке, - продолжала женщина. - Теперь уже осень, по утрам бывают сильные морозы, и ваши сотрудники могут простудиться. У меня очень большой дом, несколько комнат свободны, и вы могли бы все поместиться.

Настойчивость женщины показалась мне немного подозрительной, тем более что за все время разговора с нею меня никто не трогал. Это было очень странно при всеобщей вражде и возбужденно шумящей толпе.

"Одно слово, - раздался чей-то голос над моим ухом. Средних лет человек, стоявший немного позади, дал мне знак прекратить разговор с женщиной.

Отойдя в сторону, он начал упрямить не принимать этого приглашения.

"Ради Бога, не делайте этого, не ходите в этот дом. Если вы не примете моего предостережения, то завтра ни вас, ни вашей палатки здесь и следа не будет. Эта женщина содержит настоящий притон, к ней собираются всякие люди. Против вас сделан заговор, вас хотят завлечь туда по возможности всех на ночь и там прикончить, а палатку ночью уничтожить. Теперь время тревожное, кто будет искать вас. Последствий они не боятся. Итак, берегитесь!" - закончил он.

Поблагодарив Бога, мы наотрез отказались от предлагаемой квартиры. Взамен нее Господь дал нам помещение рядом с палаткой у одного бедного тронутого проповедью крестьянина.

Шум продолжался. Каждый из братьев и сестер был отделен друг от друга, каждого окружала толпа народа.

"Бей их, режь палатку, несите керосина, подожжем палатку и погреемся около нее!" - раздался голоса в толпе. В воздухе начали угрожающе подниматься палки. Еще несколько минут - и приходившая все в большее возбуждение толпа набросилась бы на нас и растерзала бы всех. В это время от волисполкома прибыло несколько милиционеров. Угрожая оружием, они потребовали разойтись по домам. Толпа немного утихла и начала расходиться. Осталось всего человек пятьдесят, которые провели еще некоторое время в беседе с братьями.

Была страшно темная осенняя ночь. Часов в двенадцать разошлись последние люди. Когда все вышли, к нам зашел молодой человек и попросил снять палатку и разойтись по квартирам, так как ночью собираются напасть на палатку и сжечь ее. Всю ночь пришлось провести без сна, но Господь хранил нас всех. Замыслы наших врагов остались неисполненными. Ночью приехал какой-то партизанский отряд, и жители боялись выходить из домов.

Настало утро. Сестры пошли приготовить завтрак, но встретили новую неприятность. Никто не хотел дать ни воды из колодца для кофе, ни топлива, ни плиты для приготовления завтрака.

Мы обратились к Господу в горячей молитве и начали ожидать дальнейшего, надеясь, что и здесь Он начнет Свое дело.

Время шло, но никто не приходил в палатку, даже больные - и те не шли за помощью, хотя об этом было вчера объявлено. Собралась группа подростков, которые, стоя поодаль, бросали в нас камни и палки, поднимали борты и отвязывали веревки, удерживающие палатку.

Просьбы прекратить это не помогали. На угрозу пожаловаться родителям они ответили: "Нас родители сами послали это делать, и мы не боимся". Пришлось пригласить в палатку самого главного зачинщика и руководителя. Расхвалив его и заявив, что он самый лучший из всех мальчишек, мы дали ему несколько брошюр для чтения и попросили его быть нашим хранителем от дурных мальчишек.

Это подействовало удивительным образом. Через некоторое время все прекратилось. Наш новый помощник по-своему разделялся со всяким нарушителем порядка, и мы целый день могли быть спокойны.

Вечером, когда обыкновенно происходили наши призывные собрания, пришли со своими семьями все служители церкви за исключением священника. Стоя вокруг палатки, они оцепили ее и препятствовали другим придти на собрание. Палатка оставалась пустой.

На второй день во время утренней молитвы некоторые сотрудники предложили поехать в другое место.

"Все равно наше пребывание здесь бесполезно. Посещать дома мы не можем, так как не принимают, в палатку никто не идет. Самое лучшее - не терять времени и ехать туда, где будет польза от нашего посещения".

После совещания мы согласились снять палатку и уехать.

Однако произошло нечто неожиданное. Через несколько минут после нашего решения поднялся такой сильный ветер, что о снятии палатки нельзя было и думать. При малейшем ослаблении веревок ее могло сорвать и унести. Все же некоторые предлагали попробовать разобрать палатку во время бури. Наши попытки найти подводу для перевозки ее в новое место также не имели успеха. Во всем этом была видна рука Божия, Который имел для нас нечто большее, нежели бегство с поля работы. Он имел души, которые должны были быть спасены, и через которых дело распространения Евангелия должно было начаться и здесь.

В тот день вечером и в последующие три дня нашего пребывания в этом селении люди, несмотря на все усилия духовенства, начали приходить к нам. Слово Божие начало действовать, приходящие слушали с большим вниманием. По вечерам к палатке подходил священник, ходил вокруг, желая своим наблюдением помешать посещению, но жители совершенно перестали обращать на него внимание.

Настал последний вечер нашего пребывания. Устроив прощальное собрание, мы радовались, что уедем отсюда после чудного и благодатного посева и даже некоторой жатвы. Нашлись души, которые отдались Богу. Однако Господь готовил еще большее. В Его планах лежало посрамление всех врагов и прославление Евангелия.

Священник с четырьмя дочерьми, занимавшими должности учительниц, и все другие служители церкви прибыли в этот вечер, чтобы сорвать наше последнее собрание. Собралась масса народа.

До этого вечера никто из нас ни в одной проповеди, ни в одной беседе ничего не говорил о противниках истины. В этот же вечер совершенно независимо друг от друга оба проповедника решили открыть наготу и уродливость служителей православной церкви, несмотря на их личное присутствие.

Дьякон и некоторые другие начали было в начале шуметь и задавать вопросы, чтобы прервать проповедь, однако они были открыто пристыжены перед всем народом.

Кончилась проповедь, кончилось пение, священник со своими приверженцами поднял неимоверный шум.

"Православные христиане, нас здесь оскорбляли, оскорбляли нашу церковь, наши святыни. Мы вам говорили, что это антихристы, гнать надо их отсюда".

Толпа начала возбуждаться, но здесь произошло нечто интересное. Одна из дочерей священника, беседуя с моей женой, возвысила свой голос так, что ее услышали все. Собравшиеся начали прислушиваться. Женщины тесным кольцом обступили беседующих. На вопрос, верит ли она в загробную жизнь, дочь священника пришла в возбуждение и ответила: "Неужели вы, интеллигентные люди, в наше время верите еще в такие сказки? Мне это очень удивительно".

"Странно, - продолжала моя жена, - не веря в загробную жизнь, вы в ваших храмах призываете людей верить в таковую. Ваши отцы совершают поминовение за умерших, молятся за них. Для чего все это делается?" "Ха-ха-ха, - разразилась громким смехом дочь священника. - Каково вам было, когда вам никто не дал ни воды, ни хлеба? Вы, наверно, голодали, хотели есть, так и мы и наши отцы хотим есть.

Поэтому мы и совершаем различные обряды!" "Ах, вот как, значит, вы нас обманываете. Не веря сами, учите нас, - воскликнуло сразу несколько голосов из толпы. - Теперь нам понятно, почему вы травили все время этих людей. Не они, а вы, вы все антихристы! Не этих людей, а вас самих нужно было бы давно выгнать из наших храмов! Довольно! Сегодня нам открылась истина. Как вам не стыдно! Вы служите в церкви только для того, чтобы хорошо пить и есть и получать почести!" Молча, со стыдом, все служители церкви и их домочадцы один за другим оставили палатку.

Пожелав Господнего благословения слушателям и советуя им исследовать Слово Божие, мы, радуясь, оставили это село.

Глава XI

Слово Божие не возвращается тщетным - Не заботьтесь ни о чем - Бог Или - наш Бог - Посещение городов - Помощь Пославшего

Наступили осенние холода. Ночные морозы не позволяли нам больше оставаться на ночь в палатке. Дожди и ветры также начали все больше и больше мешать работе. Поэтому, посетив еще несколько селений, нам пришлось закончить работу и сложить палатку на зиму.

Во время работы в некоторых местностях приходилось замечать, что люди слушали Слово, но не было видно никакого плода в смысле обращения. С болью в сердцах приходилось покидать такие селения, давая вопрос: где же причина - в нас или в слушателях? Пришлось испытывать самих себя.

В селении Андреевка была совершена чудная работа. При нашем отъезде большинство жителей, как взрослые, так и дети, знали много духовных гимнов, пели их нам на прощание, но ни одна душа не обратилась.

Прошло около пяти месяцев. Приближалась весна. Поднявшись после тяжелой перенесенной за зиму болезни, я в первый раз ходил по комнате. Вдруг в квартиру вошел незнакомый человек.

"Что вы хотите, мой друг?" - обратился я к вошедшему крестьянину, предложив ему сесть.

"Вы меня, вероятно, не помните", - проговорил вошедший, - но я вам теперь расскажу о причине моего приезда к вам. Я вас хорошо помню и знаю. Вы были у нас в Андреевке прошлой осенью в палатке и проповедовали о Христе. Тогда я неоднократно посещал ваши собрания".

Не припоминая личности вошедшего, я вспомнил, однако, что там не обратилась ни одна душа. Поэтому я жаждал узнать, чего хочет от меня прибывший крестьянин.

"Узнав, что вы живете недалеко от нас, я приехал к вам с большой просьбой. Вот уже несколько месяцев мы никак не можем достать Библию, в которой так нуждаемся. Когда вы уехали из нашего селения, после вас у нас произошел большой спор. Жители разделились на два лагеря, одни говорили, что проповедовали истину, другие же, и в том числе и я, доказывали, что вы обманщики, лжепророки.

Чтобы доказать свою правоту, мы начали собираться по вечерам вместе. У одного человека оказалась Библия, и мы проводили иногда целые ночи в спорах и исследовании Святого Писания.

В одну из таких зимних ночей спор происходил в моей хате. Когда все ушли домой, и я остался один с женою, я сказал ей: "Все, что эти люди говорили, есть правда, об этом говорит Библия. Что же теперь делать, ведь если эти люди и Библия говорят правду, тогда мы погибли, ибо мы самые последние грешники". Жена сидела, опустив голову, она плакала...

"Да, я давно чувствую это, - ответила она сквозь слезы, - но что же делать? Помнишь, те люди говорили, что нужно раскаяться и молиться. Теперь здесь никого нет, мы одни, давай молиться, как молились они в палатке".

Мы преклонили колени, слезы раскаяния и молитвы продолжались около часа. С колен мы встали радостные, счастливые, как дети.

Всю эту ночь мы не ложились спать. Читали Библию, пели песни, молились. А на утро оба пошли по соседям и начали беседовать.

Теперь у нас есть община, человек в двадцать. Имеем каждое воскресенье собрания, какие мы видели у вас в палатке. Вот потеплеет, и мы все хотим принять крещение, так как мы нашли в Библии, что каждый верующий должен креститься. Только вот одна беда: человек, который имеет Библию, не обратился к Богу. Ему священник запретил давать Библию, и мы остались теперь совершенно без Слова Божия".

Выслушав этот простой рассказ, я преклонил колени вместе с новым братом во Христе и благодарил Бога за то, что Его Слово не возвращается тщетным, хотя и не видно, как и когда растет оно в сердцах человеческих.

Снабженный несколькими экземплярами Библии, новый брат радостно возвратился в свое село, прославляя Бога.

В продолжение всей работы мы переживали великие духовные благословения и видели Его руку и в материальной заботе о нас.

Приходилось все больше и больше утверждаться в истине, что чем больше мы всецело заботились о Его деле, тем больше Он заботился обо всех наших, даже самых маленьких, нуждах.

Этот год был очень тяжел. Голод усилился до самых крайних пределов. Наша группа - иногда в пять, иногда в девять человек, - совершенно не имея денежных средств для приобретения самых необходимых продуктов питания, никогда не переживала острой нужды.

Правда, питание было скудное, но голодать не приходилось. Господь посылал продукты иногда через совершенно не знакомых и необращенных людей. Был один-единственный случай, когда возник вопрос о покупке хлеба.

Был уже конец летней работы. Палатка стояла в селении Куркулак. Однажды утром нужно было приготовить завтрак, но сестры заявили, что у нас не одной крошки хлеба. Я просил сотрудников пойти купить, но один из группы предложил лучше голодать, чем пойти купить хлеба. Он считал это маловерием.

Все согласились ожидать, пока Господь пошлет продукты без покупки. Начался разбор Слова и молитвенный час. Во время разбора брат, высказавший, что пойти купить хлеба будет маловерием, задал вопрос: "Покупал ли Иисус когда-либо хлеб во время Своей земной жизни, путешествуя по селениям со Своими учениками?" Были прочитаны места, где Иисус посылал учеников купить пищи.

"Тогда я пойду первый купить пищу для нас! - воскликнул протестовавший прежде. - Если Иисус покупал, то и мы можем это сделать". По окончании молитвенного часа брат отправился в селение.

Однако он получил бесплатно продуктов более, нежели требовалось на один раз для всех нас. Давшие продукты не хотели взять от нас платы.

Летняя работа была окончена, палатка сложена на зиму до будущей зимы. Сотрудники, имеющие родителей и собственные хозяйства, разъехались по домам. Мы с женой и одной сотрудницей избрали для себя местожительством селение Барвенково, недалеко от района летней работы. Предполагалось зимою посещать те места, где проповедовали летом Евангелие, чтобы укреплять новообращенных в Евангельской истине. Но Господь предвидел совершенно иной путь.

Уже в ноябре месяце, наняв небольшую квартиру, я должен был поехать по делам Миссии в Харьков. Нужно было получить разрешение на приобретение миссионерской печати. Разрешение было получено, но я заразился в дороге тифом и приехал обратно совершенно больной. Болезнь продолжалась около двух месяцев. Это была моя третья тяжелая болезнь. Перенеся уже раньше воспаление легких и сыпной тиф, ослабленный прежними болезнями и истощением во время работы, организм был совершенно бессилён бороться с этой тяжкой болезнью. Кризис продолжался около недели. Уставшая от недавней работы жена теперь проводила целые дни и ночи у моей постели.

В это время местные верующие непрестанно возносили к Господу молитвы о моем выздоровлении. На восьмой день кризиса я в первый раз пришел в себя, узнал мою жену и окружающих. Молитвы жены и верующих были услышаны, жизнь медленно начала возвращаться ко мне. К наступившей весне Господь укрепил меня настолько, что я мог снова продолжать работу для Него.

Время моей болезни было временем испытания веры моей жены и находящейся с нами сотрудницы З.Э. Это было время самого сильного голода на юге России.

Еще осенью, когда мы работали в палатке, многие с насмешкой делали нам замечания: "Посмотрим, как вы будете проповедовать зимой! Какой Бог принесет вам пищу, когда ее нет даже у нас, хотя мы и заботимся запастись на зиму всем необходимым. Быть может, будете жить только верою, без пищи?" С человеческой точки зрения нас, действительно, ожидала зимой голодная смерть. Но наш Господь, на Которого мы уповали, был с нами, и нам нечего было бояться за будущее.

Не имея ни должного запаса продуктов, ни топлива, ни теплой одежды и обуви, ни средств для приобретения всего необходимого, мы сняли на зиму небольшую квартиру, за которую договорились платить продуктами. Сверх всего этого я вскоре серьезно заболел.

Мы ничего не имели и уповали лишь на обетование Божие пропитать нас и во время голода.

Голод свирепствовал, люди умирали иногда на улицах, но в это время Бог Илии был и нашим Богом. Он показал нам Свою силу, прокормил нас, как прокормил пророка в доме вдовы Сарептской во время голода в Израильской земле.

Изо дня в день Он посылал нам все необходимое, как для жены и сотрудников, так и для больного. Не было средств, чтобы пригласить врача, но Он послал к нам трех лучших в этой местности врачей.

Один за 50 верст от Барвенкова присылал лекарства, которых не было возможности достать на месте. Не на что было купить молока, но два месяца, пока пришлось лежать в болезни, молоко прибывало каждый день в нужном количестве. Между прочим, в это время было трудно достать молоко даже за деньги.

Однажды утром с некоторой тревогой жена сообщила сестре Э.: "Сегодня у нас ничего нет из продуктов, что можно было бы дать больному. Будем молить Господа, чтобы Он послал нам все необходимое. Он говорит Сам: "Просите, и дано будет вам". Неоднократно Он посылал нам все необходимое, не оставит же Он, Милостивый, и на этот раз".

К престолу Господа вознеслась просьба о насущной нужде. Здесь еще раз оправдалось Его Слово: "Прежде чем они воззовут, Я отвечу".

Только что окончилась молитва, как в коридоре послышался шум.

Дверь отворилась, и в квартиру вошел незнакомый человек. В его руках был небольшой узелок.

"Простите, что я так неожиданно вошел к вам, - начал извиняться крестьянин. - Меня вы, наверно, не знаете, но мы вас очень хорошо помним с прошлой осени, тогда вы стояли у нас несколько дней с палаткой. Теперь я собирался поехать в Барвенково на базар, и моя жена хотела послать вам маленький подарочек". При этом крестьянин развернул узел и поставил на стол кувшин молока, положил с десяток яиц и большой белый хлеб.

Это было сверх всякой надежды и ожиданий, мы имели теперь сразу столько яиц, молока и хлеба! Со слезами на глазах смотрели все теперь на так неожиданно появившиеся продукты. Это был чудный ответ Господа на нашу молитву.

"Где же ваш муж? - обратился к моей жене крестьянин. - Мне так хотелось его видеть, побеседовать с ним. Мы только недавно услышали, что вы остановились на зиму в Барвенкове.

"Он уже несколько недель лежит в тяжелой болезни, но войдите в комнату", - пригласила крестьянина моя жена. Вошедший остановил свой пристальный взор на моем исхудалом лице.

"Да поднимет тебя Господь от этой болезни, чтобы ты снова мог приехать к нам и снова говорить об Иисусе", - произнес крестьянин со слезами на глазах. - Но есть ли у вас что-либо кушать, что можно давать больному? Ведь ему нельзя давать всего, а нужно что-либо получше" - посоветовал моей жене крестьянин.

"Да, мы только что просили Господа, чтобы Он послал нам все необходимое, и Он ответил, послав вас с этими продуктами. Мы очень благодарны Господу и вам за всю вашу доброту и заботу. Передайте и вашей жене наше искреннее спасибо, да воздаст вам за все Господь!"

"Ах, вот оно что! - протянул взволнованным голосом крестьянин. - Теперь я все больше вижу и верю, что Бог действительно заботится о тех, которые верны Ему. Когда я собирался ехать в Барвенково, жена начала меня упрашивать, чтобы я взял все это для вас. Я, признаться, не хотел взять, не знал, где вы живете, думал, что не будет времени искать. Да и как-то неудобно было мне пойти к вам.

Только один раз в жизни я видел вас. Но она все время настаивала, упрашивала взять. Она сказала, что уже давно что-то побуждало ее послать вам хоть что-либо из продуктов, но сегодня это побуждение было особенно сильным. Видно, Сам Господь побуждал ее сердце, - заметил в заключение говоривший. - Ну, слава Господу, что все прибыло вовремя".

Так заботится о нас Господь из дня в день.

В начале моей болезни зашел к нам однажды верующий брат. Он принес с собою пуд хорошей белой муки. Это было целое состояние.

Имея паровую мельницу и сделав еще прежде кое-какие запасы, он помогал теперь иногда нуждающимся. Это было для нас неожиданной и большой помощью. Не имея в нашей квартире, состоявшей всего из двух небольших комнат, никакой кладовой, жена должна была поставить принесенную муку под диван. Все время жена употребляла эту муку как для себя с сестрой Э., так и для меня, когда я начал выздоравливать.

Прошло три месяца, я начал уже вставать и ходить по комнате.

Однажды сестры Э. не было дома. Прохаживаясь по комнате, я поинтересовался, как Господь хранил жену и сестру все это время, и есть ли еще что-нибудь из продуктов.

"О, мы не только не голодали сами, но господь дал нам возможность помогать другим. Не имея хлеба в избытке, мы каждый день варили котелок каши из пшена и кормили проходящих голодных.

Господь послал нам много пшена. Теперь еще есть немного, но вот насчет муки не знаю. Я как-то совершенно не обратила внимания, есть ли у нас еще мука. Ведь уже так давно брат В. принес нам пуд

муки. Впрочем, я пойду сейчас посмотрю". С этими словами она подошла к дивану, вынула из-под него мешок с мукою и поставила его посреди комнаты.

"Ах, Господи, что же это такое? Смотри, ведь муки в мешке осталось еще больше половины. Как же это случилось? Ведь мы же брали ее постоянно, а времени прошло так много! Это просто чудо!" Жена показала мне небольшую мисочку, которой они почти каждый день брали муку. В мисочку вмещалось не меньше фунта муки.

Судя по времени, мука должна была быть израсходована вся и даже дважды. Однако имелось еще больше половины.

Глядя на стоящий перед нами мешок с мукою, мы опустились на колени с глубокой благодарностью Богу. Теперь мы ясно видели, что Бог Илии был и нашим Богом.

Жив Господь, невидимая рука Которого дополняла муку в кадке у вдовы в Сарепте Сидонской приблизительно 2800 лет тому назад.

Теперь Он сделал то же самое и у нас в Барвенкове, в бедной квартире Его служителей.

"Во время голода Он пропитает их", - говорит Его Слово (Пс. 32:19). Это сбылось теперь наглядным образом и в нашей жизни.

Оглянувшись назад, мы могли сказать: только Он пропитал нас эту зиму во время голода. Это Он давал нам пищу естественным путем через того или другого из людей. Он сотворил и чудо, увеличив количество нашей муки.

Читая о случившемся некогда в Египте, человеческий разум с трудом мог воспринимать верою это чудо. Это казалось противоестественным, но Господь показал нам, что Он, Создавший вселенную и давший всему законы, стоит гораздо выше этих законов и наших понятий о них.

Нам показалось странным еще и то обстоятельство, что, убирая почти каждый день комнату и переставляя мешок с мукой или беря из него муку, жена ни разу не обратила внимания на то, много ли еще оставалось в мешке муки.

Мы еще продолжали рассуждать о случившемся. Мешок с мукой все еще стоял посреди комнаты, когда вошла сестра З.Э. Узнав причину нашего удивления, она была изумлена еще больше нас. Еще раз мы все трое поблагодарили Бога за Его дивные дела.

Настала весна 1922 года. Работать группами было совершенно невыносимо. Достать продукты для работников не было никакой возможности. Зима съела последние запасы. При этом почва для духовной работы в народе была абсолютно не подходящей: мысли всех были направлены к одному: "Хлеба, хлеба, дайте хлеба!" Не имея возможности работать с группой, мы с женой направились вдвоем по городам, которые уже давно намеревались посетить с целью работы. Мы посетили Москву, Петроград, Витебск, Смоленск, Орел, Харьков и многие селения, села и деревни. В каждом из них приходилось провести от 10 до 20 дней, имея ежедневные собрания при большом стечении народа. Господь посылал во всем Свою мощь.

Верующие радовались и укреплялись в Слове Божиим. Многие грешники находили прощение у подножия креста и мир с Богом во время этих собраний.

Отправляясь в эту поездку, мы встречали на станциях массы народа, умирающего от голода. Заглянув в стоящие на путях пустые вагоны, мы видели, что они наполнены трупами голодных. Иногда невольно приходила жуткая мысль: "А что, если за неимением средств для дальнейшего передвижения и продуктов питания, нам также придется умереть на одной из станций среди многих других?"

"Во время голода Он пропитает их", - раздавался в такие минуты какой-то внутренний голос.

Полагаясь во всем на Господа, будучи не зависимы ни от кого из людей, мы совершили большую работу за время этой длительной поездки. При этом ни разу за все время не приходилось встречать ни малейшей задержки из-за материальных средств.

"Уповающие на Господа не постыдятся", - говорит Слово Божие.

Был всего один случай, когда мы возложили было наши надежды на людей. Однако мы были постыжены в тот момент, что и сочли наказанием за наше маловерие.

Во время работы в Москве, имея не особенно хорошее питание, мы, по совету верующего, решили обратиться за помощью к американским представителям, снабжавшим некоторых верующих продуктами.

Получив адрес, мы поехали в канцелярию господина Портера, заведующего американской помощью.

В стороне от улицы, в тени небольшого парка стоял старинный деревянный особнячок, в котором расположился представитель помощи. После короткого знакомства, узнав причину нашего посещения, Портер вместе с Павловым, представителем русских верующих, ответили следующими словами: "Мы не отказываем в помощи людям, занимающимся религиозной пропагандой". С глубоким раскаянием мы вместе с другими, давшими нам такой совет, упали на колени перед Господом, прося Его простить этот неправильный поступок. Молитва была услышана, и помощь пришла на этот раз от неимущей бедной вдовы, которой Господь дал прямое указание заботиться о служителях Бога до конца всей их работы в Москве.

Этот случай научил нас во всем уповать на одного лишь Господа и меньше открывать свои нужды людям.

Во время работы в Москве Господь посылал нам обильные благословения. Две недели подряд происходили многолюдные собрания.

В эти дни Москва была охвачена религиозным движением и исканиями. Тихоновцы, живоцерковники, апостольская церковь - все имели свои диспуты и собеседования. Устраивались диспуты Луначарским и другими. Народ искал истины, прислушивался. С этим временем совпало как раз и мое посещение Москвы.

Число слушателей возрастало с каждым днем. Два смежных зала, бывших когда-то бальными, не вмещали слушателей. Несколько дней подряд по вечерам шел проливной дождь. Однако, несмотря на это, люди, совершенно измокшие, приходили слушать весть о Христе.

Верующие члены Московской общины укреплялись в вере, воспалялись большим желанием служить Господу, неверующие раскаивались и обращались к Христу.

После одной беседы на тему: "Антихрист и его время", к кафедре подошла интеллигентная женщина средних лет.

"Все, что говорили о Боге и об антихристе, все это истинно, - обратилась она ко мне. - Каждый день я посещала ваши лекции и убедилась в истине. Что мне делать, чтобы принять эту истину, принять Христа как своего личного Спасителя?" "Если вы верите во Христа как Сына Божия и Спасителя грешников и чувствуете, что вы нуждаетесь в спасении, вам остается лишь одно: преклонить свои колени и молить Его, чтобы Он простил ваши грехи. Другого пути нет. Писание говорит: Всякий, кто призовет имя Господне, спасется" (Рим. 10:13), - ответил я собеседнице.

"Да, это я знаю, но я не могу призвать имени Христа, - ответила женщина. - Я не могу молиться! Я погибла, совершенно погибла! Выслушайте меня до конца, и, быть может, вы поймете и поможете мне.

Еще в молодости, во время моей студенческой жизни я стремилась к высшим идеалам. Хотела жить для других, бороться со злом и помогать обессиленным и обездоленным. Я стремилась найти правильный путь жизни в социальных идеях, стремилась указать его многим другим. Я перебивала членом почти всех партий, включая антихристов. Но везде получала разочарование, везде видела зло и неправду.

Наконец, я попала в общество поклонников дьявола, членом которого состою и теперь. Вы удивляетесь и не доверяете мне, - добавила она, заметив удивление на моем лице. - Но слушайте дальше. Да, я попала в общество поклонников дьявола. Как вы верите в Бога, так мы верим в дьявола; как вы молитесь Богу, так и мы молимся сатане.

Как вас Бог отвечает на молитвы, так отвечает и нам дьявол. Когда вы собираетесь, Христос присутствует посреди вас; посреди нас присутствует дьявол; мы чувствуем его почти осязаемую близость.

И вот он не допускает теперь меня, чтобы я молилась Иисусу Христу.

Теперь я вижу, знаю истину, знаю, что погибла без Христа, но не могу принять эту истину, не могу молиться. Помогите мне, укажите выход!

Наше общество основано недавно, и в него входят только избранные члены. Мы связаны страшной клятвой. Все это я говорю вам как тайну, надеясь, что вы не выдадите меня. Мне грозит смерть, если я кому-либо открою нашу тайну или выйду из этого общества.

Мы имеем страшную цель: искоренить всякую религию, искоренить веру в Бога в России и во всем мире. Мы задались целью уничтожить все Св. Писание и духовную литературу. Это мы проводим теперь в жизнь. В России печатать не разрешаем, а приходящую из-за границы уничтожаем, не допускаем ее до вас. Вот смотрите, я захватила с собою несколько брошюр, которые присылаются из других стран, и которые мы уничтожаем". При этом она передала мне несколько брошюр.

"О, не выдавайте меня и помогите выбраться из этих страшных сетей!" - простионала несчастная.

Было жутко слушать этот рассказ, эту исповедь. "Что это? Бред больного человека или страшная действительность?" - задавал я себе вопрос. Если это действительность, то Россию ожидает нечто ужасное, ибо эта женщина намеками давала понять, что членами общества поклонников сатаны являются люди, возглавляющие нынешнюю власть в России.

Дальнейшая судьба этой женщины осталась для нас неизвестной, но многое из сказанного ею подтверждается снова и снова в последнее время.

Оставив Москву, мы поехали в другие города, неся повсюду Евангелие Христово.

Поездка закончилась под осень. С начала 1917-го года мы не имели постоянного местожительства. Бесперывная работа, третья по счету тяжелая болезнь, перенесенная мною зимою, подорвали мои силы. Из этой последней поездки я возвратился совершенно разбитым от усталости и больным. Последние собрания в Харькове, о которых уже было объявлено, не могли состояться. По пути в собрание я упал на улице от сильного переутомления, и помогавшая мне в работе жена должна была увезти меня куда-либо на отдых.

Глава XII

Ликвидация "Палаточной миссии"

В последнее время мы стали встречать все больше и больше затруднений и для работы "Палаточной миссии". Все двери закрывались перед нами. Сотрудников становилось все меньше.

Оставшиеся в живых не моли более оставить свои необеспеченные семьи. Здоровье мое, как и моей жены, оказалось окончательно подорванным. Но все же работа пока продолжалась.

Весь 1923-1 год прошел в благословенной работе отдельных братьев и сестер. Пригласив для совместной работы еще одного сотрудника, Фр. Крекера, я продолжал работу вместе с ним, посещая русские и немецкие селения Харьковской, Екатеринославской, Полтавской и др. губерний. Остальные работали дальше на юге.

Господь продолжал помогать нам и заботился о Своих рабах, посылая все необходимое для жизни.

Наконец, в конце 1923-го года пришлось убедиться в совершенной невозможности дальнейшего существования Миссии. По мере укрепления советской власти религиозная работа в духе "Палаточной миссии" все более усложнялась. Уже с 1924-го года, несмотря на то, что устав "Миссии" был зарегистрирован центральной властью, "Миссия" работала лишь с большим трудом. Препятствия со стороны власти все увеличивались. Больше не приходилось и думать о том, чтобы поставить палатки или пойти по селениям группами.

Уже в 22-м году была ликвидирована "Армия Спасения" в Москве. Во время нашего пребывания в Москве заведующая "Армией" только что вышла из тюрьмы. Тогда же пришлось убедиться в том, что скоро придет конец и "Палаточной миссии".

Летом 1923-го года был издан декрет о перерегистрации всех религиозных обществ. Те, которые не регистрируются, должны считаться ликвидированными и не имеющими права на существование.

Все мои попытки снова зарегистрировать Миссию не имели никакого успеха. В Харькове и Москве мы получили полный и категорический отказ. На местах регистрировались только местные общины, если таковые имели более 40 человек членов. Работа нелегальным образом сделалась невозможной. Без письменного удостоверения признанной общины проповедники арестовывались.

После неудачных попыток регистрации, после нескольких арестов во время работы без документов, я предложил всем оставшимся сотрудникам и друзьям Миссии собраться для обсуждения дальнейших действий. На этом собрании, состоявшемся в конце 1923-го года, после усиленных молитв и обсуждений было решено в виду невозможности сохранить Миссию как организацию, ликвидировать ее и работать поодиночке, кому как укажет Господь.

Таким образом, работа, начатая в 1917-м году Яковом Яковлевичем Диком и продолжавшаяся с обильными благословениями после его смерти, прекратила свое существование в конце 23-го года. В продолжение этих семи лет было пережито много радости, благословений и испытаний. Миссия продолжала работать во время страшных бедствий, разразившихся над страной, во время голода и страшных эпидемий. Одновременно повсюду царил духовный голод, общины не посещались проповедниками, не было возможности достать духовную литературу. Переноса лишения, испытания,

встречаясь нередко лицом к лицу со смертью, члены Миссии оказывали хоть некоторую помощь страдающему русскому народу. Многие сотни и тысяч душ были приведены за это время к Христу.

* * *

В этом очерке я пытался по мере моих сил и умения описать нашу работу. В надлежащем свете она будет обнаружена только лишь пред престолом Всевышнего.

Некоторые из работников умерли. Некоторые из оставшихся в живых сотрудников продолжают работу в других местах. Будет ли возможность возобновить работу "Палаточной миссии" в России - знает один Господь. Все, что зависело от оставшихся в живых, сделано и делается для славы Господа и для спасения народа. Да простит Он, если что упущено!

Да вознесутся к престолу Всевышнего молитвы детей Божиих, прочитавших это краткое повествование.

Молитесь непрестанно за исстрадавшийся русский народ и всех работающих в России служителей Бога и Его Евангелия!

Еще не поставлен крест над временно прервавшейся работой Миссии в сердцах оставшихся в живых сотрудников... Наша работа запечатлена кровью мучеников.

Некоторым сотрудникам Миссии пришлось впоследствии оставить пределы своей родины и искать приюта в других странах, но сердца их горят желанием вернуться обратно, когда можно будет снова работать на родине.

Глава XIII

Некоторые примечания и разъяснения

Миссия проводила работу исключительно в религиозном духе, она была межконфессиональной и интернациональной.

По своей национальности сотрудники были из русских, немцев, евреев, финнов и латышей.

По религиозным убеждениям: из меннонитов, евангельских христиан, баптистов и лютеран.

Они были разных национальностей, разных религиозных направлений, разных сословий и положений, но все стремились к одной цели в лице Иисуса Христа, Который был у всех на первом месте.

Впереди был Христос и Его Голгофа, кругом - погибающие души.

Поэтому не было времени для споров о мнениях, о правильности того или другого религиозного течения. Впрочем, никому и не приходило в голову спорить. Мы все сознавали, что не к этому призывал нас Господь. Не для того Он пролил Свою Кровь, чтобы члены Его церкви проводили время в спорах. Мы все спасены Им, чтобы спасти, в свою очередь, других. Это - наше призвание здесь, на земле, наше назначение.

Сердца всех сотрудников были наполнены сознанием, что пришествие Господа близко. Мы знали, что наш мир не нуждается в наших мнениях или в теоретическом христианстве. Мир задыхается среди учений и человеческих установлений. Мир ищет жизни, простоты, света.

Во время работы мы не занимались организацией отдельных общин, но направляли обращенных в уже существовавшие ближайšie общины верующих. Наша цель была не крестить, а проповедовать Христа распятого. Не организовывать видимые церкви, но прилагать спасаемых к вселенской Церкви Христа.

Странные явления

Наблюдая жизнь видимой церкви, приходится нередко задумываться над одним важным вопросом.

Христос говорил Своим ученикам, что Он посылает их, как овец среди волков. Это положение церкви в мире остается для нее характерным на все времена до скончания века.

Странное явление! Почему в наше время эта истина делается неприменимой к церкви? Теперь же те, которые, несмотря на преследования, проповедуют Христа и Его Евангелие, не только от мира, но и от видимой церкви получают имя ненормальных и узких фанатиков.

По сравнению со всеми чтимыми, либеральными проповедниками эти люди, правда, являются странными. "К чему навлекать на себя гонения и смерть, когда можно говорить истину так, чтобы она всем нравилась!" - так говорят теперь.

Но, чадо Божие, слушай, что говорит Господь: "Я посылаю вас, как овец среди волков..." По сравнению с хитрой лисой и хищным волком овца кажется совершенно беспомощной в этом мире, но все же Господь сравнивает Своих учеников именно с ней.

Но странно, почему не вся церковь находится в этом мире в положении овец среди волков? Разве хищные волки перестали быть таковыми, изменились к лучшему? Нет, этого не видно. Наш мир с каждым днем приобретает все более и более характер хищного зверя.

Наверное, не волки, а овцы не сохраняют своего состояния.

В наши дни приходится видеть овец, подделывающихся под волков из-за своего малодушия.

Овцы Христа, если вы носите волчью маску, долой ее! В наше время нужно открытое исповедание Христа. "Кто постыдится Меня в этом мире прелюбодейном и грешном, того Я постыжусь перед Отцом Моим Небесным", - говорит Господь.

Есть теперь и много волков, носящих овечью шкуру, чтобы находиться в овечьем стаде. Нередко таковые занимают кафедры христианских церквей. Бросьте ваше наглое лицемерие, не создайте из Крови Христа, из крови Его последователей и мучеников легкой профессии. Не разрушайте веры в сердцах других людей! Имейте мужество избрать себе другую профессию. Но самое лучшее - принесите ваше волчье сердце к Голгофскому Кресту, раскайтесь, примите всепрощающую Кровь Христа, Которую вы попираете и отвергаете. Омойте ваше испорченное сердце. Он простит ваш грех.

Он грянет скоро, возмездие Его с Ним, все сокрытое во мраке будет обнаружено, и твое самозванство тоже.!

Господь ждет Своих овец в наши дни полной решительности. Итак, встанем и скажем: "Ей, гряди, Господи Иисусе, ибо мы готовы!"

Штундисты

На юге России уже более ста лет проживает несколько десятков тысяч немцев-колонистов. Большая часть из них - менониты по вероисповеданию. Верующие колонисты имеют обыкновенно регулярные собрания для разбора Священного Писания, которые на немецком языке называются "Бибель-Штунде", т.е. "Библейский час" - час, посвященный изучению Библии.

Когда многие из русского народа, приходя в соприкосновение с немцами, начали обращаться к Христу, они стали устраивать такие же собрания. Православное духовенство начало называть этих людей "штундистами" от слова "Бибель-Штунде", а их веру во Христа - немецкой верой. Это имя дано было и применяется обыкновенно к евангельским христианам и баптистам.

Издательство Ирпенской Библейской семинарии